



М. В. НИКИТИН

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

(структура и комбинаторика)

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов
педагогических институтов
по специальности
«Иностранные языки»



Москва «Высшая школа» 1983

ББК 81.2 Англ-9
Н 62

Рецензенты:

Кафедра английской филологии Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (зав. кафедрой доц. Т. М. Беляева); д-р филол. наук доц. Б. Ю. Городецкий (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова).

Никитин М. В.

Н 62 **Лексическое значение слова (структура и комбинаторика):**
Учеб. пособие для пед. вузов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». —
М.: Высш. школа, 1983. — 127 с. (Б-ка филолога).

35 к.

Книга предназначена в качестве учебного пособия по курсу лексикологии современного английского языка. В ней изложены в соответствии с программой темы, относящиеся к уровневой структуре языка и лингвистической типологии значений, к лексическому значению и его структуре, полисемии и семантической структуре слова. Пособие может быть использовано как на лекционных и семинарских занятиях, так и для спецкурсов и подготовки курсовых и дипломных работ по лексической и комбинаторной семантике.

Для студентов старших курсов университетов и педвузов.

Н **4602010000—244** **170—83**
001(01)—83

ББК 81.2 Англ-9
4 И (Англ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга содержит изложение программных тем, относящихся к уровневой структуре языка и лингвистической типологии значений, лексическому значению и его структуре, полисемии и семантической структуре слова. На основе углубленного изучения этих понятий читатель вводится в новую область комбинаторной семантики, исследующей взаимодействие лексических значений в подчинительных словосочетаниях, а также получает необходимые для этих целей сведения из синтаксической семантики.

Тем самым на базе программных требований с учетом основных результатов, полученных в трех наиболее интенсивно развиваемых разделах современной лингвистической теории значения — лексической, синтаксической и комбинаторной семантики, — освещен комплекс взаимосвязанных вопросов структуры и комбинаторики лексических значений.

Пособие написано на основе курса лекций по вопросам лингвистической семантики, читаемых автором с 1975 года в университетах и педагогических институтах для студентов, аспирантов и преподавателей. Книга может быть использована на лекциях и семинарских занятиях по лексикологии, в спецкурсах, при подготовке курсовых и дипломных работ, а также для самостоятельного пополнения знаний по лексической и комбинаторной семантике.

Иллюстративный материал черпается не только из английского, но и из русского языков, причем, как правило, приводятся параллельно аналогичные, хотя и не обязательно равнозначные (т. е. не являющиеся переводами) примеры из обоих языков (они разделены знаком I). Принимая во внимание большой удельный вес и значимость семантических исследований в современной лингвистике, это позволяет адресовать книгу более широкому кругу лиц за пределами отделений и факультетов английского языка.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Не только речь, но и вообще знаковая деятельность любого рода осуществляется ради передачи значения. Словесные и всякие иные знаки и знаковые системы предназначены для того, чтобы служить передатчиками, трансляторами значений. Значение — не предмет одной только лингвистики, но проблема общенаучная и, более того, одна из центральных проблем современной науки. Проблематика значения органически вошла в круг интересов целого ряда наук и научных дисциплин, и прежде всего философии, логики, кибернетики, социологии, психологии, семиотики, лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики и других. Наиболее интенсивно эта проблематика исследуется с позиций философии (гносеология, или теория познания), логики (логическая семантика, модальная логика), семиотики (семантика), лингвистики (семасиология) и психолингвистики.

Возникающие при исследовании значения проблемы настолько сложны, многочисленны, так тесно связаны с решением кардинальных вопросов гносеологии и методологическими вопросами ряда наук — лингвистики и семиотики прежде всего, — что теория значения еще не вышла из начальной стадии своей разработки. Выдвинуты различные концепции значения, которые отчасти находятся в дополнительном отношении друг к другу, объясняя различные аспекты значения, а отчасти — в отношении взаимоисключения, когда одна концепция отрицает другую.

В современной семасиологии, то есть лингвистической дисциплине, исследующей проблематику значения в естественных языках, наиболее интенсивно разрабатываются разделы лексической и синтаксической семантики. В первом случае предметом изучения выступает лексическое значение слова, во втором — семантическая структура предложения. Помимо лексической и синтаксической семантики, существует еще промежуточная область комбинаторной семантики, или семантической синтагматики, предмет которой составляют правила комбинирования и взаимодействия лексических значений слов в словосочетаниях.

Во всех этих трех областях, в особенности в первых двух, выполнено немало исследований, получены важные результаты, предложены и опробованы интересные концепции и методики. Однако на русском языке практически нет обобщающих работ по семасиологии, которые давали бы систематизированное изложение предмета, подчиненное учебным задачам. Если учесть общенаучный характер теории значения и лидирующую роль семасиологии в современной лингвистике, то понятно, что потребность в работах такого рода велика. Но создание их затруднено разноголосицей мнений в общей теории значения и исходных понятий семасиологии. В решении конкретных задач согласия больше, чем в основаниях семасиологии. Это касается и программных вузовских курсов в части сведений по семантике. Они написаны с разных позиций в общей теории значения, хотя часто и не содержат их систематического изложения.

Непосредственным назначением настоящего курса является введение в проблематику взаимодействия лексических значений слов в подчинительных словосочетаниях, то есть в ту область семасиологии, которую акад. Л. В. Щерба в свое время называл «грамматикой сложения смыслов» и которую теперь обычно именуют комбинаторной семантикой или иногда также семантической синтагматикой. Для этих целей потребовалось изложить комплекс сведений из современной семасиоло-

гии, составляющих теоретические предпосылки комбинаторной семантики. Исследование закономерностей (правил) комбинирования и взаимодействия сочетающихся лексических значений опирается на теорию уровневой стратификации языковых единиц, необходимую для уяснения понятия лексического значения, теорию структуры лексического значения и семантической структуры слова и, наконец, семантико-синтаксическую теорию, в терминах которой можно было бы уточнить сферу и условия действия тех или иных правил «грамматики сложения смыслов».

Иначе говоря, для введения в синтагматику лексических значений необходимы сведения по уровневой структуре языка, лексической семантике и семантическому синтаксису. В совокупности это и составляет содержание книги. Тем самым оказывается необходимым и возможным тесно увязать курс комбинаторной семасиологии с программными требованиями по ряду разделов языкознания и с углублением знаний по этим разделам на современном уровне.

Понятно, что каждый из указанных разделов сам по себе содержит обширную проблематику и может представлять самостоятельный интерес. В данном курсе, однако, мы будем руководствоваться его целевой установкой и в каждом случае выделять из обширного комплекса вопросов, связанных с названными проблемами, те, которые имеют прямое отношение к комбинаторике лексических значений, и излагать их с большей полнотой. Остальная проблематика освещается в мере, необходимой для того, чтобы составить цельное представление о семасиологической теории, ее основных понятиях и их системных соотношениях.

СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Структура языка и лингвистическая типология значений

§ 1. Вводные замечания. § 2. Функциональные языковые единицы: 2.1. Функциональные и формальные языковые единицы. 2.2. Контентивные и формативные функциональные единицы. 2.3. Контентивные функциональные единицы: дистрикторы (2.3.1.), фиксаторы (2.3.2.), номинаторы (2.3.3.), коммуникаторы (2.3.4.). § 3. Развитие понятий номинатора и фиксатора: 3.1. Номинативность и ее градации. 3.2. Номинатор *vs* член предложения. 3.3. Номинатор *vs* словоформа. 3.4. Номинатор и фиксатор как разные модусы значения. 3.5. Грамматические и неграмматические фиксаторы. 3.6. Лексема. 3.7. Синтаксические и несинтаксические фиксаторы. § 4. Формальные языковые единицы: слово и морфема: 4.1. Понятие о категориях формальной таксономии. 4.2. Слово и морфема как категории формальной таксономии. 4.3. Соотношение фиксатора и номинатора как функциональных единиц с морфемой и словом как формальными единицами. 4.4. *Resumé* к § 4. § 5. Определение понятий НЗ, ГЗ, СинЗ и ЛЗ на основе стратификационных таксономий: 5.1. Определения. 5.2. Привативные грамматические оппозиции имен и номинация лексического значения.

§ 1. Вначале предстоит уточнить само понятие лексического значения (ЛЗ), а также сопряженные с ним понятия номинативного (НЗ), грамматического (ГЗ) и синтаксического (СинЗ) значений. В основе такого разделения значений лежит уровневая, стратификационная природа значимых единиц: то или иное значение квалифицируется как лексическое или грамматическое в зависимости от уровневой природы выражающей его единицы. Типология значений в этом случае строится на собственно языковых основаниях: значения подразделяются не по их содержанию, а сообразно подразделению значимых единиц в функциональной структуре языка по их уровневой принадлежности. К примеру, английское слово *plurality* «множественность» и суффикс множественного числа *-s* сходны по содержанию их значений, но относятся к единицам разных уровней: одно является словом (точнее, лексемой), другое — морфемой. Поэтому в первом случае речь идет о значении лексическом, а во втором — о грамматическом.

В связи с этим для уяснения понятия лексического значения и других связанных с ним собственно лингвистических категорий значения необходимо предварительно уточнить представления об уровневой структуре языка.

§ 2. Естественным языкам при всем их типологическом разнообразии свойственны общие черты, или, как теперь говорят, лингвистические универсалии. Наличие таких универсалий в структуре языков обусловлено общностью функции языков и общностью психического и физиологического субстратов, на которых основан язык. Иначе говоря, функция, для которой возникает язык, и особенности человеческой природы, т. е. условия осуществления этой функции, вынужденно приводят к выбору определенной структуры, принципиально одинаковой при всем разнообразии ее конкретного воплощения. Язык есть прежде всего устройство с заданной целью, функцией (телеологический объект).

2.1. Единицы языка, как и единицы любого функционального устройства, могут быть охарактеризованы двояко: по их функциональному назначению в структуре языка (функциональные единицы) и по их формальным особенностям (формальные единицы). В первом случае единица характеризуется по ее назначению, а во втором — по ее строению, внутренним особенностям.

Соответственно устанавливаются два ряда единиц, понятий и терминов для описания структуры языка: 1) относящиеся к функциям в структуре; 2) относящиеся к форме. Аналогия для пояснения: в структуре транспортного средства необходима ходовая часть. Ею могут быть колеса, штанги, гусеницы, винт и др. Все они тождественны относительно того, какую функцию они выполняют, т. е. все они являются одной и той же функциональной частью целой структуры. Вместе с тем все они различны относительно того, как эта функция ими выполняется, т. е. по внутреннему строению, по заложенному в них принципу осуществления функции, т. е. по форме. Между формой и функцией наблюдается двусторонняя зависимость: функция задает предел варибельности формы, со своей стороны форма модифицирует функцию.

Общая функция телеологического объекта может иметь некоторую структуру, т. е. состоять из некоторой иерархии определенным образом связанных и обусловленных функций. В нашем примере это — помещать груз, пассажиров, обеспечивая их сохранность, удобство, перемещать их в требуемом направлении и т. д. Соответственно устройству имеет функциональные части: кузов (кабина, салон, багажник), двигатель, шасси, рулевое управление, тормозная система, сигнализация и др.

Таков смысл различения функционального и формального в телеологических объектах. В том же смысле различаются функциональные и формальные единицы в языке.

2.2. В естественных языках возможны два класса функциональных единиц: 1) единицы, связанные с различением смысла (контентивные функциональные единицы), 2) строевые, технические единицы, не связанные с различением смысла, но обеспечивающие с технической стороны функционирование механизмов языка, построение контентивных единиц (функциональные единицы обеспечения, форматоры, или формативные единицы).

2.3. Основные контентивные функциональные единицы, выявляющиеся в структуре естественных языков, следующие: дистинкторы смысла, фиксаторы смысла, номинаторы смысла и коммуникаторы смысла. Здесь они перечислены в порядке восходящей иерархии. Единица более высокого порядка обладает свойствами единиц низших порядков, а кроме того, специфическим свойством, которого нет у последних. Например, всякий номинатор вместе с тем является также фиксатором и дистинктором смысла. Таким образом, фундаментальный принцип языковой структуры и отношений между его основными единицами и уровнями — это принцип иерархического включения — исключения (в зависимости от отправного уровня и направления, в котором структура рассматривается). Как видно, функциональные единицы устанавливаются относительно их роли в выражении смысла.

Функциональные единицы каждого уровня могут, естественно, быть простыми (минимальными, наименьшими) и сложными.

2.3.1. Дистинктором является такая единица, которая способна различать смысл в составе единиц высшего порядка, но сама по себе не соотносится с каким-либо концептом (или, в иной терминологии, с некоторым элементом системы содержания, семемой). Замена одного дистинктора другим или изменение в составе дистинкторов могут соответствовать разным смыслам десигнаторов, но смысл второго десигнатора непредсказуем, или, точнее, не выводим из смысла исходного десигнатора и произведенного в нем преобразования. Его нужно знать отдельно как значение преобразовательного десигнатора. Модель формального преобразования содержательно пуста: ей не соответствует никакая модель соотношения смыслов.

Если равенство «в лодке : к лодке = в ванне : к ванне» справедливо как в отношении формы сравниваемых десигнаторов, так и смысла, то в равенстве «вино : кино = вол : кол» равнозначны лишь отношения по составу дистинкторов. Поэтому (в) и (к) во втором случае имеют статус дистинкторов, а в первом — дистинкторов и фиксаторов смысла.

Поскольку дистинктор — единица функциональная, то отождествление дистинкторов осуществляется на основе общности их смысловозначительной функции в единицах высшего уровня. По этой причине один дистинктор может быть представлен несколькими материальными репрезентантами, т. е. несколькими, например, звуками, которые говорящие способны различать по их физической (артикуляторно-акустической) природе. Иными словами, дистинктор — это класс артикуляторно-акустических (или графических и т. д.) репрезентантов, образуемый единством смысловозначительной функции, а не общностью физических характеристик. Очевидно, что простой дистинктор — это приблизительно то же, что фонема в функциональной трактовке. Разница, однако, в том, что дистинкторы могут быть не только простыми (= фонема в функциональном понимании), но и сложными, а также в том, что единица любого порядка в ее фонологическом аспекте является дистинктором. Понятно, что помимо некоторого перечня дистинкторов в языке имеются определенные правила их комбинирования при образовании сложных дистинкторов. Дистинкторами, таким образом, являются фонемы (в функциональном понимании), слоги, морфемы, слова, словосочетания, предложения с фонологической стороны, тоны, ударения, интонации и т. п.

Функция простых дистинкторов выполняется как базисными, так и просодическими средствами.

2.3.2. Фиксаторами смысла являются те единицы, которые не только различают смысл, но и фиксируют его, т. е. соотносены с определенными единицами содержания. От дистинкторов их отличает то, что они содержательно специализированы. Простое различение смысла дополняется распределением дискретизированного смысла.

Помимо набора фиксаторов, в языках имеются определенные правила их комбинирования в составе единиц высшего уровня.

Можно видеть, что простой фиксатор — это приблизительно то же, что морфема в функциональной трактовке. Разница, однако, в том, что фиксаторы могут быть не только простыми, но и сложными, а также в том, что единица любого порядка выше дистинкторов, т. е. любая значимая единица в определенном аспекте должна быть признана фиксатором смысла. Кроме того, фиксатор определяется исключительно на функциональном основании и, в отличие от морфемы, не связан с импликациями, касающимися формального статуса единиц. Поэтому

к уровню фиксаторов (но не выше) должны быть отнесены служебные слова, не способные к номинации (см. ниже). Наряду с этими базисными средствами функция фиксаторов смысла выполняется также просодическими (интонация) и модельными, или схемными (чередования, нулевые морфемы) средствами.

2.3.3. Всякая значимая единица выше уровня дистинкторов обнаруживает свойства фиксатора. Одни из них оказываются фиксаторами *par excellence*, другие дополнительно к свойствам дистинктора и фиксатора обладают еще способностью номинировать смысл. Номинатором следует считать такую единицу, которая сама по себе способна актуализировать в сознании фиксируемый ею концепт. Фиксаторы актуализируют связанный с ними смысл только в составе номинаторов как часть смысла последних. Поясним это примерами. Десигнатор «чан» актуализирует концепт «вид сосуда...». Тот же десигнатор сам по себе не может актуализировать смысл «житель некоторого места», хотя он и соотносен с этим концептом, ср. «ростовчане», этот смысл им актуализируется только в составе номинирующих единиц. Равным образом *англ.* /ʃɪp/, взятое в отдельности, актуализирует значение «корабль» и является, таким образом, номинатором; та же единица сама по себе не способна актуализировать значение, с которым она соотносится, например, в единицах *friendship* 'дружба', *partnership* 'партнерство' и т. п., и выступает только в качестве фиксатора соответствующего смысла. Ср. также суффиксы и паронимы-номинаторы: *-able/able*, *-eer/ear*, *-fold/fold*, *-ful/full*, *-hood/hood*, *-less/less*, *-let/let*, *-long/long*, *-some/some*, *-wise/wise*; приставки и паронимы-номинаторы: *ad-/add*, *counter-/counter*, *il-/ill*, *in-/inn*, *in (adv.)*, *mis-/miss*, *post-/post*, *vice-/vice*.

Содержательно значения фиксатора и номинатора могут быть одинаковыми, — они несопоставимы функционально. В словоформе «деятелем» значение агента, действующего лица представлено трижды: в морфемах *-тель*, *-ем* и *деятель*-. То же значение имеет и номинатор «деятель», но все они функционально разнородны.

Помимо простых номинаторов, языки располагают также определенными — синтаксическими и семантическими — правилами их комбинирования для образования сложных номинативных единиц.

2.3.4. Наконец, коммуникатор — это функциональная языковая единица, содержащая сообщение. Назначение коммуникатора состоит в том, чтобы вызвать определенные информационные состояния SR. В этом и заключается существенное отличие коммуникаторов от единиц других уровней. Простой коммуникатор — приблизительно то же, что предложение в обычном функциональном понимании.

§ 3. В наших целях следует подробно рассмотреть функциональные единицы, названные здесь фиксаторами и номинаторами смысла.

3.1. Поясним намеченное выше понятие номинатора. Номинативность понимается как средство языковых единиц, способных самостоятельно, без помощи окружения выразить, актуализировать (вызвать в сознании при восприятии) и сообщить соотносенный с ними смысл. Способность к номинации конкретно проявляется в ряде свойств номинативной единицы. Номинаторы сами по себе могут составить высказывание (эллиптические предложения, в определенных случаях также номинативные предложения). Они могут сопровождаться отрицаниями, модальными словами, ограничительными, усилительными и прочими уточня-

ющими частицами. Могут быть указаны и другие особенности номинативных единиц, как общие для всех номинаторов, так и присущие только отдельным их разрядам в том или ином языке. Такова, например, способность номинативных единиц определенных разрядов замещаться местоимениями и вопросительными словами. Все эти особенности обусловлены существенным их отличием — способностью актуализировать соотношенный с ними смысл. Верно, что знак есть объединение означающего и означаемого, но лишь на уровне номинатора и выше это объединение является психолингвистической реальностью: уровень номинаторов — наименьший уровень, на котором семиозис является осознанным процессом. Верно и то, что фиксаторы соотношены с определенным смыслом, однако это иной уровень реальности соотношения десигнатора и десигната. В принципе можно сказать: значение номинатора не есть результат суммирования значений составляющих фиксаторов, но значение фиксаторов есть результат сопоставления и анализа соотношенных структурно-семантических рядов номинаторов (см. также ниже).

Номинативность, таким образом, является функцией синтаксической автономии языковой единицы от окружения при сообщении связанного с ней значения. Наряду с морфемами, просодическими и модельными (схемными) средствами, этой способности лишены многие служебные слова, выступающие в качестве чисто грамматических орудий: вспомогательные слова, образующие аналитические грамматические формы глаголов, артикли, форманты предложений, вроде русской частицы *ли* и т. п.

Степень номинативной способности различна у разных лексико-грамматических классов слов. Шкала из двух оценок: наличие — отсутствие признака — описывает различие на полюсах, между которыми возможны градации. Номинативность присуща классам знаменательных слов. Для служебных слов это свойство в целом не характерно. На вопрос *Where should I go?* || *Куда идти?* возможны ответы: 1) *Forward* || *Вперед*. 2) *To the bridge*. || *К мосту*, но вряд ли 3) *To*. || *К*. Вместе с тем нельзя не отметить, что в особых условиях предлоги и союзы могут составить эллиптическое высказывание и обнаруживают, таким образом, номинативность, чрезвычайно, однако, ослабленную. *To*. || *К*. возможно в ответе на вопрос, уже содержащий *to* || *к* (обычно в составе эксплицитного или имплицитного альтернативного вопроса): *Where should I go? To the bridge or from the bridge?* — *To*. || *Куда идти? К мосту или от моста?* — *К*. Подобные слабые следы номинативности обнаруживаются также у словообразовательных префиксов. В большей мере они присущи компонентам сложных слов.

Попутно заметим, что граница между дистинкторами и фиксаторами смысла также может быть размытой. Промежуточный класс между ними образуют явления звукового символизма и ономотопеи.

Номинативность в наивысшем своем выражении сводится к способности номинатора представить связанный с ним концепт в «чистом» виде, в отвлечении от его возможных связей, в отвлечении от всякой синтаксической специализации в качестве компонента сложных номинативных единиц. Слова в естественных языках распределены по частям речи. В основе этого распределения лежит, синтаксическая специализация номинаторов, заранее предопределяющая их возможные синтаксические отношения. Принадлежность слова к частям речи — главный показатель возможных для этого слова формул семантико-синтаксических связей.

Степень синтаксической специализации различна у разных частей речи, и она находится в обратном отношении к номинативной способности слова. Если понимать под номинативностью способность языковой единицы выразить заключенное в ней содержание независимо от сочетаний с другими единицами, ее способность служить в качестве средства концептуальной инвентаризации в отвлечении от семантико-синтаксических связей, то следует признать, что способность к номинации значения в наибольшей мере обнаруживается у имен существительных, а также, конечно, у словосочетаний с главным словом — существительным. Эта часть речи наиболее специализирована в номинирующей функции и наименее специализирована в синтаксическом плане. По этой причине всякий раз, когда исследуют значение какой-либо значимой единицы само по себе в отвлечении от ее функциональной и синтаксической специализации, как часть зарегистрированного в языке инвентаря концептов, то его стремятся описать номинализованными конструкциями.

Можно наметить следующие градации номинативности: существительные и другие субстантивные слова — прочие разряды знаменательных слов — основы-компоненты сложных слов, служебные слова, соотносимые с наречиями, как *conjoint vs absolute forms* (например, англ. предлоги и союзы *before, below, down, underneath, in* и т. п.) — аффиксы (чаще префиксы), соотносимые со знаменательными словами (ср. англ. *after-, all-, by-, forth-, in-/in-, out-, up-, over-, -man*) — прочие служебные слова (не соотносимые со знаменательными) — прочие морфемы (не ассоциируемые со знаменательными словами). В первой группе номинативность представлена наиболее ярко; помимо эллиптических, слова этой группы способны составить номинативные предложения, ср. *To be or not to be?* || *Быть или не быть?* В последней группе уже не приходится говорить о какой-либо номинативности, в предпоследней обнаруживаются лишь слабые следы обусловленной номинативности: как уже отмечено выше, элементы этой группы способны составить эллиптическое предложение лишь при наличии предвещающего контекста (обычно альтернативного вопроса), уже содержащего данный элемент.

Если знаменательное слово обладает грамматической парадигмой, то наибольшую номинативность обнаруживает немаркированная форма: словоформы единственного vs множественного числа, именительного vs косвенных падежей, простого vs сложных (составных) инфинитивов, герундиев и т. п., положительной vs прочих степеней сравнения и т. п.

3.2. Чем отличается номинатор от известных понятий члена предложения и словоформы?

Члены предложения, как известно, не относятся к числу основных языковых единиц. Они выявляются на уровне простых коммуникативных единиц — как функциональные части в структуре предложения. Первое членение предложения производится по наличной предикативной связи на подлежащее (точнее, группу подлежащего) и сказуемое (группу сказуемого). Выявляются они по двум основаниям: коммуникативной функции в структуре предложения и формальным признакам. Коммуникативные функции подлежащего и сказуемого — номинация темы и ремы сообщения. Подлежащее и сказуемое представляют собой, таким образом, номинаторы, форма которых фиксирует функции темы и ремы (субъекта и предиката).

Коммуникативно-логическое членение может не совпадать с формальным, и в этом случае предпочтение отдается формальным крите-

рия: руководствуясь структурой языка, лингвист констатирует несовпадение коммуникативно-логических субъекта и предиката с подлежащим и сказуемым. Последние для него — прежде всего определенные категории языковой формы. Однако в самой форме в этом случае сплошь и рядом отсутствуют сколько-нибудь четкие ориентиры, и поэтому лингвисту проще определить, например, форму именительного падежа или личный глагол, чем указать бесспорные подлежащее и сказуемое.

Второстепенные члены предложения не являются членами предложения в собственном смысле. Таковыми могут быть названы только подлежащее и сказуемое. Не может быть сомнений в том, что определения, дополнения и обстоятельства не относятся к другим словам как к членам предложения, т. е. бессмысленно, например, сказать, что дополнение относится к сказуемому, определение к подлежащему (или дополнению) и т. д. Второстепенные члены выявляются совершенно на иных основаниях, чем подлежащее и сказуемое. Они представляют собой результат очень общей (и грубой) классификации видов подчинительных синтаксических отношений номинаторов и параллельного стремления увязать эти виды с определенными формальными особенностями. Поскольку в языке нет сколько-нибудь четкой корреляции между этими двумя основаниями, концепция членов предложения в таком виде сталкивается с непреодолимыми затруднениями. Она вполне заслужила ту критику, которой неоднократно подвергалась.

Вместе с тем описание предложения и синтаксиса вообще вне отмеченных выше отношений не может быть исчерпывающим. Этим цели больше, по-видимому, отвечают понятия актуального членения предложения, с одной стороны, и семантического синтаксиса, с другой.

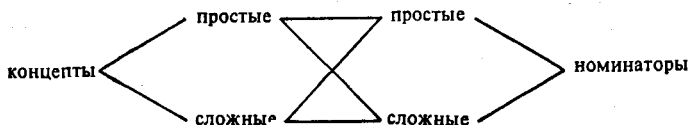
Неадекватность и противоречивость традиционного понятия члена предложения несколько затрудняют сопоставление. Тем не менее принципиальное отличие номинатора и члена предложения достаточно очевидно. Это единицы разных уровней, разного объема и разного содержания. Первые относятся к уровню номинации, вторые — коммуникации: член предложения — номинатор с дополнительным качеством единицы более высокого уровня, это номинатор, «возведенный в степень» структурного подразделения (части, члена) коммуникативной единицы. Экстенционал номинатора шире члена предложения. К примеру, вводно-модальные слова — несомненные номинаторы, но они вряд ли выступают в качестве членов предложения: так называемый вводный член предложения, по-видимому, лишен всяких оснований. Можно заметить также, что, когда говорят о сложном члене предложения и сложном номинаторе, то это имеет разный смысл: сложный член предложения (например, сложное дополнение в английском предложении *I saw him walk across the field*) — это один член предложения, а сложный номинатор (хотя бы то же *him walk*) — целое из двух или более номинаторов.

3.3. Более близкой понятию номинатора оказывается словоформа. Общее между двумя понятиями: 1) одинаковый уровень психолингвистической реальности, ср. фиксатор: номинатор = морф(ема): словоформа; 2) одинаковый уровень языковой абстракции, ср. номинатор: лексема = словоформа: слово; 3) одинаковый промежуточный уровень перехода от парадигматики к синтагматике, ср. простой номинатор: сложный номинатор = словоформа: словосочетание.

Но существуют и принципиальные различия между ними. Словоформе приписывают и функциональные, и формальные признаки, например, свойство когерентности (непроницаемости) формы. Парадигма слова поэтому включает только те его «манифестации», которые отличаются категориально релевантными изменениями в пределах когерентной формы. Совмещение двух разнородных принципов таксономии неизбежно приводит к непоследовательным и парадоксальным решениям. Так, надо признать, что в случаях «(по) парку» и «(к) парку» имеем одну словоформу (некогерентная категоризация посредством предлогов), а в примерах «(в) парк» и «(в) парке» — две разные словоформы (некогерентная + когерентная категоризация посредством предлогов и окончаний). С тех же позиций мы должны считать, что в случаях вроде «депо, (в) депо, (у) депо» и т. п. представлена только одна словоформа. Между тем в словоформах видят не один их формальный аспект, а связывают их — логически непоследовательно — с различением категориальных значений. Парадокс состоит в том, что, хотя и признается, что предлоги выполняют ту же функцию, что и окончания, — различение категориальных значений (здесь — синтаксических отношений), и что различие этих значений достигается или только за счет одних окончаний, или только за счет предлогов, или совместно за счет предлогов и окончаний, тем не менее в таксономии языковых единиц отсутствует какая-либо категория единиц, которая бы соответствовала такому функциональному тождеству и вмещала бы его. В самом деле, сочетание предлога с существительным — это и не словоформа и не словосочетание. Указанный парадокс снимается, если признать категорию номинаторов, определяя их исключительно на функциональной основе. В таком случае для номинатора будет несущественно, как формально выражена категоризация, когерентным или некогерентным образом. Но, вместе с тем, надо признать, что понятие словоформы относится только к области таксономии формы языковых единиц, а именно к классификации способов выражения категориальных значений номинаторов.

Можно указать и другие отличия номинатора от словоформы. О словоформах имеет смысл говорить только при наличии парадигмы словоизменения. Неизменяемые полнозначные слова являются номинаторами, но термин «словоформа» к ним неприменим. Здесь понятие номинатора перекрещивается со словом, а не словоформой. То же имеет место, если от словоизменения перейти к словообразованию. Единицы, связанные словообразовательным отношением (например, *forest* || *лес* и *forester* || *лесник* и т. п.), являются номинаторами и словами, но бессмысленно это отношение квалифицировать как отношение словоформ.

3.4. И номинаторы, и фиксаторы являются значимыми единицами, однако следует подчеркнуть принципиальное отличие в характере выявления значения в этих двух случаях. Концепты (простые и сложные) опираются на номинаторы (простые и сложные) со следующим соотношением между ними:



при общей тенденции соотношения:



Набору концептов соответствует некоторый набор номинаторов. Реальное осознанное соотнесение десигнатора с десигнатом (обозначающего с обозначаемым) происходит на уровне не ниже номинативных единиц. Концепт как отдельная самостоятельная (дискретная) единица сознания требует номинатора. Уровень номинаторов — тот наименьший уровень, на котором соединение содержания с формой выражения является психолингвистической реальностью. Соответственно все мыслительные операции по классификации, соотнесению, сопоставлению, систематизации концептов (парадигматика концептов) совершаются на уровне не ниже номинативного. Значение фиксаторов интерпретируется в терминах номинаторов, но не наоборот. Можно сказать, что *-ette* || *-ик* в *kitchenette* || *ключик* значит *little* || *маленький*, но нельзя сказать, что *little* || *маленький* значит *-ette* || *-ик*.

Фиксаторы являются значимыми единицами в том смысле, что определенный смысл соотнесен с определенной формой, но они не представляют этот смысл как особую единицу сознания. Словоформа *tables* выражает концепт «более чем один стол», но *-s* не способно представить концепт множественности как отдельный, поэтому *-s* — фиксатор множественности, а «множественность, множество» — номинаторы этого концепта. Номинатор не предполагает обязательного наличия какой-либо внутренней формальной структуры и каких-либо других номинаторов с общей моделью структуры. Напротив, фиксатор предполагает наличие некоторого множества номинаторов с общей семантико-структурной моделью, и значение фиксаторов устанавливается из анализа соотношений формы и содержания в таких моделях. Фиксатор *-чан* имеет значение «житель», поскольку существует ряд номинаторов «ростовчане, свердловчане» и т. п., обозначающих людей по месту жительству, где общему семантическому компоненту соответствует общий десигнатор *-чан*.

В отличие от номинаторов, значение фиксатора не есть результат непосредственного соотнесения десигната с десигнатором, а всегда является отвлечением от некоторого множества номинаторов с общей структурно-семантической моделью. Следует еще раз подчеркнуть, что на уровне номинативных единиц соотнесение концепта с десигнатором является психолингвистической реальностью, мысль непосредственно и осознанно связывается с языковой формой; членение сознания на дискретные единицы выявляется в форме номинативных единиц, и все мыслительные операции по содержательному сопоставлению: различению и отождествлению концептуальных единиц — совершаются в терминах языковых единиц не ниже номинативного уровня. Напротив, единицы фиксаторного уровня сами по себе не актуализируют соответствующие концепты. Исходными при их содержательном анализе являются ряды номинативных единиц, и содержание фиксаторов выводится из анализа структурно-семантических моделей номинаторов. Их референционное содержание опосредовано частными значениями номинаторов, в состав которых они входят, и отвлекается от этих значе-

ний как общий им содержательный компонент, регулярно соотносимый с общим элементом формы номинаторов.

3.5. Возможны различные группировки (классы) номинаторов по общности тех или иных фиксаторов в их структуре. Типология этих классов подразумевает, таким образом, некоторую типологию фиксаторов. Фиксаторы подразделяются прежде всего на грамматические и неграмматические. Грамматическими называем фиксаторы, никак не связывающиеся с номинацией собственных значений. Неграмматическими называем фиксаторы, которые, напротив, прямо связаны с номинацией своих значений. Например, в номинаторе *by the doer* || *деятелем* одно и то же значение деятеля (агента) содержится трижды: в *by*, *-er*, *doer* || *-ем*, *-тель* и *деятель-*, а в номинаторе *with the instrument* || *инструментом* значение инструмента выражено дважды: в *with* и *instrument* || *-ом* и *инструмент-*. Однако фиксаторы *by*, *-er* || *-ем*, *-тель*; *with* || *-ом* не имеют отношения к номинации концептов *resp.* деятеля и инструмента (орудия действия), поэтому эти фиксаторы надо считать грамматическими.

Напротив, фиксаторы *do-* || *де(я)-*, *instrument* || *инструмент-* прямо связываются с номинацией фиксируемых ими концептов действия и инструмента. Фиксатор при этом или совпадает с номинатором того же концепта или составляет часть его. В то же время грамматический фиксатор никак не совпадает (разве что чисто случайно) и во всяком случае никак не ассоциируется с номинатором того же понятия.

Таким образом, отличие грамматических фиксаторов от неграмматических состоит в том, что при номинации содержания этих единиц номинаторы в первом случае не содержат данный фиксатор, а во втором — содержат.

В несколько более строгом виде деление фиксаторов на эти два класса можно представить так. Пусть N_n — номинатор с значением m_n . В его структуре выявляются фиксаторы n и n_1 , связывающиеся с концептами s и s_1 , так как N_n входит в два ряда оппозиций при следующих корреляциях между фиксаторами и концептами (см. табл. 1).

Таблица 1

I ряд оппозиций			II ряд оппозиций		
номинатор и его значение	фиксаторы в его структуре	концепты в составе его значения	номинатор и его значение	фиксаторы в его структуре	концепты в составе его значения
$N_n - m_n$	$n + n_n$	$s + s_n$	$N'_n - m'_n$	$n'_n + n_1$	$s'_n + s_1$
...
$N_2 - m_2$	$n + m_2$	$s + c_2$	$N'_2 - m'_2$	$n'_2 + n_1$	$s'_2 + c_1$
$N_1(n + n_1) - m_1(c + c_1)$					
корреляции между фиксаторами и концептами			$n - c$ $n_1 \dots n_n \text{ resp. } c_1 \dots c_n$ $n_1 \dots n'_n \text{ resp. } c'_1 \dots c$		

Если теперь фиксатор p содержится в номинаторе N того же, что у p , значения, то p — неграмматический фиксатор. В обычном случае таким номинатором оказывается N_1 (т. е. один из ряда $N_1 \dots N_n$), которое значение $m_1(c + c_1)$ совмещает со значением $m(c)$. В таком номинаторе значение фиксатора p_1 в одних случаях наличествует, а в других нейтрализовано.

Если, напротив, фиксатор p_1 не содержится в номинаторах того же, что у p , значения, то p_1 — грамматический фиксатор.

Таков принцип различия грамматических и неграмматических фиксаторов. Основываясь на нем, разграничивают типичные случаи. Это в свою очередь позволяет различать и другие, более сложные и сомнительные (переходные) случаи, где указанный принцип не столь очевиден. Ср., с одной стороны, проблему полуаффиксов, где имеем дело с лексическими фиксаторами, развивающимися в грамматические, а с другой — проблему различения сложных и производных слов, а с другой стороны, проблему корней, не соотносимых с каким-либо знаменательным словом того же значения [Смирницкий, 58—64]. В таких случаях руководствуются косвенным подобием с одним из двух типов фиксаторов: те или иные фиксаторы понимаются как грамматические или неграмматические не только по существенным признакам, но по всей совокупности различий: по соотносительной позиции в структуре номинатора, по характеру сочетающихся с ними других фиксаторов и т. п.

3.6. Объединение номинаторов по общности тех или иных фиксаторов в их структуре выявляет прежде всего такие их группировки (классы), элементы которых отличаются наибольшей семантической и структурной общностью и выступают как проявления инварианта, т. е. при всех свойственных им модификациях понимаются говорящими как варианты единого — как формы одного имени. На этой основе грамматические фиксаторы подразделяются на формообразовательные и словообразовательные, а сам номинатор делится на две части: лексическую и нелексическую. Лексическая часть номинатора, или лексема — это структурно-семантический инвариант форм одного имени. Лексема — род фиксатора и по структуре может быть простой (содержит один неграмматический фиксатор) или сложной (содержит несколько неграмматических фиксаторов или сочетает неграмматические фиксаторы с грамматическими словообразовательными). За пределами лексемы остаются формообразовательные фиксаторы — показатели форм одного имени. Напротив, она, как сказано, может (хотя и необязательно) включать словообразовательные фиксаторы — показатели разных имен. Само имя можно определить как класс номинаторов с общей лексемой.

3.7. Среди формообразовательных фиксаторов выделяются синтаксические, по отношению к которым все прочие фиксаторы могут быть названы несинтаксическими. Деление фиксаторов на синтаксические и несинтаксические, интуитивно также достаточно очевидное, не столь просто в теоретическом плане. Как уже упоминалось, его нельзя свести к собственно семантическому различию, так как функционально различные единицы, как разноуровневые, так и одноуровневые, могут быть вполне сходны по содержанию (значению). Ср. в дополнение к приведенным выше примерам значения единиц *address*, *-ee*, *to* в номинаторе *to the addressee*.

Определяя различие несинтаксических и синтаксических фиксаторов, будем исходить из следующего. Всякому сочетанию номинаторов

в сложные номинативные единицы (= словосочетания) соответствует некоторое отношение денотатов составляющих номинаторов. (Для краткости можно говорить просто об отношениях номинаторов, слов и т. п.). Это отношение может быть эксплицитно выражено в форме сложного номинатора. Составляющие номинаторы, вступающие в известное отношение, будем называть аргументами этого отношения. Средства выражения отношений между аргументами могут иметь разный функциональный статус: ими могут оказаться единицы уровня номинаторов или они могут быть единицами уровня фиксаторов и не выше. Эти последние и следует считать синтаксическими фиксаторами.

Таким образом, синтаксическими считаем те фиксаторы, которые выражают отношения номинаторов в словосочетаниях, но сами не являются номинаторами соответствующих отношений. Значения таких фиксаторов также называются синтаксическими, что имеет лишь тот смысл, что 1) данное значение приписывается каким-то аргументам как отношение между ними, а само не выступает в этом случае как аргумент; 2) значение отношения в этом случае выражено единицами уровня фиксаторов. К примеру, слова *and* и *и (да)*, *with* и *с*, *together with* и *вместе с*, *in company with* и *в компании (обществе)* + род, п. выражают сходное значение — отношение совместности — и взаимозаменяемы в некоторых контекстах. Однако синтаксическими фиксаторами являются только *and* и *и (да)*, *with* и *с* + творит. п., остальные же не только фиксируют отношение совместности, но и номинируют его. (Заметим, что общее значение совместности присуще лишь *and* и *и (да)*, *with* и *с*; остальные же единицы выражают частные случаи отношения совместности).

Следует заметить, что, говоря о синтаксических значениях и единицах, мы имеем в виду единицы с определенным референционным наполнением, а именно единицы реляционно-референтного содержания. Как и всякие значимые единицы, они суть содержательные единицы. Иными словами, мы не считаем возможным говорить о каком-либо значении, когда единица референционно пуста, бессодержательна. Всякое иное словоупотребление следует признать неправомерным расширением понятия «значение», при котором оно теряет сколько-нибудь достаточную определенность. Языковые единицы могут нести различные функции, но не всякая функция сопряжена со значением. Функциональные единицы типа форматоров, как, например, показатели согласования прилагательных и глаголов, показатели основ (основообразующие суффиксы), классные показатели разрядов слов (например, наречий), показатели грамматического рода, соединительные гласные в сложных словах, беглые и вставные эпентетические гласные и согласные, также выполняют определенные языковые функции, но не сопряжены с каким-либо смыслом.

Можно еще пояснить различие между несинтаксическими и синтаксическими фиксаторами через понятие структурно-семантического типа. Будем считать структурно-семантическим синтаксическим типом такой класс сложных номинаторов, в котором общность семантической модели отношения коррелирует с общностью структурной (формально-синтаксической) модели. Ср. *a letter to my father, a letter to his brother, a parcel to my father, a parcel to his brother* и *письмо отцу, письмо его брату, посылка отцу, посылка его брату*, модель отношения; адресуемое — адресат, структурная модель: N_1 (адресуемое) *to* и *дат. п.* N_2 (адресат). Но ср. *a road up the hill, on the hill, below the hill,*

over the hill || *дорога в гору, по горе, под горой, над горой* — разные структурно-семантические синтаксические типы (или подтипы). Также: *my father's letters — letters to my father* || *письма отца — письма отцу*; *son and daughter — son or daughter* || *сын и дочь — сын или дочь* и т. п.

Синтаксическими фиксаторами следует считать единицы, которыми обеспечивается тождество структурно-семантического синтаксического типа, а несинтаксическими — единицы, перемена которых не нарушает тождества синтаксического типа. Это определение предполагает другое, находящееся в дополнительном отношении к первому: синтаксические фиксаторы и значения — те, перемена которых изменяет структурно-семантический синтаксический тип, а несинтаксические фиксаторы и значения — те, тождество которых не обеспечивает тождества синтаксического типа.

Приведенные определения приложимы и к сложным номинаторам, в которых — в отличие от примеров, приведенных выше, — отношение аргументов выражено полнозначным словом (т. е. выражено лексически, именем). Ср. *the artist drew a sketch, the playwright writes a play, the gardener grows flowers* || *художник набросал этюд, драматург пишет пьесу, садовник выращивает цветы*. Общая семантическая модель: агент — действие — объект-результат — коррелирует с общей структурной моделью. Глаголы выражают отношения между аргументами, но фиксаторами не являются, так как номинируют эти отношения. Последние, однако, оказываются частными случаями общей абстрактной модели отношения. Общность синтаксического типа структур обеспечивается синтаксическими фиксаторами: порядком слов/падежными окончаниями и залоговыми показателями.

Следующие структуры также относятся к общему синтаксическому типу: «Ленинград севернее Москвы», «Уголь калорийнее торфа», «Маша старше Миши», «Миша младше Маши» и т. п. Семантическая модель: А обладает большим чем В количеством общего свойства Р. Формальная модель $N^1 \text{ nom Adj comp } N^2 \text{ gen}$ (возможные варианты: $N^1 \text{ nom Adj comp}$, чем $N^2 \text{ nom}$ «Маша старше, чем Миша», $N^1 \text{ nom Adj nom brevis}$, чем $N^2 \text{ nom}$ «Уголь более калориен, чем торф»). Корреляция: $N^1 \text{ nom} - А$, $N^2 \text{ gen} - В$, $\text{Adj comp} - Р$. Грамматические формы N^1 , N^2 , Adj служат показателями общей семантической модели отношения. Ср. с англ. моделью $N^1 \text{ Adj comp than } N^2$, где показатель общей синтаксической модели служит порядок слов, грамматическая форма сравнительной степени и *than*.

Статус синтаксических фиксаторов имеют, таким образом, предлоги, союзы, падежные показатели субстантивных слов, залоговые показатели глаголов, порядок слов и т. п.

§ 4. Рассмотрим далее, каковы отношения между фиксатором и номинатором, с одной стороны, и морфемой и словом — с другой.

4.1. Морфема и слово относятся к категориям формальной (vs функциональной) таксономии языковых единиц. Таксономия формальных единиц в основе своей является систематизацией способов различения и фиксации значений, построения номинативных и коммуникативных единиц. В отличие от функциональной таксономии, опирающейся на универсальные категории функциональных единиц, общелингвистическая таксономия формальных единиц содержит не более как систематизированный перечень, сумму средств, приемов, способов, в форме которых конкретно существуют универсальные функциональ-

ные единицы. Наборы этих средств и способов значительно варьируют от языка к языку, от одного формального языкового типа к другому. Однако пока еще мало что известно о том, как выбор одних формальных средств предопределяет другие формальные характеристики языка, т. е. неизвестны зависимости (взаимообусловленность, отношения эквивалентности) между формальными способами языков.

Приняв, что десигнатор — это языковая форма выражения концептов, мы можем определить формальные единицы как таксономические категории средств различения десигнаторов и способов структурной организации десигнаторов функциональных единиц разных уровней. Подробное изложение категорий формальной таксономии не входит в нашу задачу. В наших целях достаточно уяснить понятия морфемы и слова. Эти два термина мы относим к описанию способов структурной организации десигнаторов, а именно к описанию приемов компонования фиксаторов, принятых в тех или иных языках.

4.2. Слово и морфема предполагают друг друга. Эти два класса формальных единиц разграничиваются по взаимодополнительным различиям в их комбинаторике. Процедура их разграничения начинается с установления простых номинаторов. Согласно основному принципу языковой структуры — принципу иерархического включения (см. выше, § 2.3), всякий коммуникатор является вместе с тем и номинативной единицей. Критерием номинативной единицы является способность составить предложение, хотя бы эллиптическое. Пользуясь этим критерием и сравнивая составы этих предложений, можно установить не только перечни номинативных единиц, но и выявить простые (минимальные) номинаторы.

Опираясь на этот перечень, ограничиваем морфемы от слова. Если между частями номинатора $N = (n_1 + n_2)$, имеющими значения $C = (C_1 + C_2)$, нельзя вставить никакой номинатор, не нарушив цельности N , то N — слово, а n_1 и n_2 — морфемы. Напротив, если между частями номинатора $N = (n_1 + n_2)$, имеющими значения $C = (C_1 + C_2)$, возможны другие номинаторы, то N — словосочетание, а n_1 и n_2 — не менее, чем слова. Например, в *kitchenette* || *ключик* и *little kitchen* || *маленький ключ* единицы *-ette* || *-ик* и *little* || *маленький* имеют, как уже указывалось, одинаковое значение, но между *kitchen-* || *ключ-* и *-ette* || *-ик* нельзя вставить какой-либо номинатор, не нарушив цельности единицы *kitchenette* || *ключик*. Следовательно *-ette* || *-ик* и *kitchen-* || *ключ-* — морфемы. Напротив, *little kitchen* || *маленький ключ* вполне допускают вставление других номинаторов без нарушения цельности *little* || *маленький*, *kitchen* || *ключ* и *little kitchen* || *маленький ключ*, равно как и предикативную трансформацию *the kitchen is little* || *ключ — маленький*. Естественно считать, что значимые элементы n_1 и n_2 составного номинатора, не допускающие включения другого номинатора между ними, структурно более спаяны, морфологически менее свободны относительно друг друга, чем элементы n_1 и n_2 , между которыми включение номинаторов возможно. Последние структурно более свободны по отношению друг к другу, в морфологии такого образования нет какой-либо спайки элементов, т. е. морфологически его элементы самодостаточны. Назовем структуры первого рода когерентными (непроницаемыми для номинаторов), а второго рода — некогерентными (проницаемыми). Соответственно об элементах в первом случае будем говорить, что они не обладают формальным (формально-комбинаторным) признаком отдельности, а во втором случае этим признаком обладают. Тогда слова

можно определить как внутренне когерентные значимые единицы, выступающие как элементы внутренне некогерентных структур более сложного порядка, а морфемы — как (внутренне когерентные) значимые единицы, выступающие как элементы внутренне когерентных структур более сложного порядка, или проще как значимые элементы, вычленимые в структуре слов. Для краткости можно говорить, что слова — значимые единицы, обладающие свойствами отдельности, а морфемы — значимые единицы, не обладающие свойствами отдельности (в указанном выше смысле). В частном случае морфема совпадает со словом, т. е. оба уровня совмещены в одной единице, которая является и словом и морфемой одновременно.

4.3. Некоторые слова, например, союзы, предлоги, артикли и другие служебные и вспомогательные слова, никогда не выступают самостоятельно как отдельные номинаторы, они лишь образуют часть состава номинаторов. Отдельность формы свойственна им лишь как пассивный признак, так как образуется вычлениением самодостаточных номинаторов. Функционально такие единицы — не более чем фиксаторы, тем не менее на формальном основании — по признаку отдельности формы — их следует признать не морфемами, а словами, как это обычно и делается.

Многие концепции стратификации языковых единиц неудовлетворительны в силу того, что не проводят последовательного разграничения двух оснований — функционального и формального — выделения языковых единиц, а смешивают их и в лучшем случае стремятся соединить оба основания. Между тем соответствия между функцией и формой: простой дистинктор — фонема, простой фиксатор — морфема, простой номинатор — слово — являются не более чем общей тенденцией языков определенного строя, и классификация единиц сразу по двум основаниям не может вместить массу пограничных случаев, когда функция не соответствует «положенная для нее форма». Морфемы выступают не только в обычной для них функции фиксаторов, но и как номинаторы (ср. примеры, вроде «магнитофонные и киноленты»). Напротив, слова выступают не только в обычной для них функции простых номинаторов, но и в качестве фиксаторов (ср. функции предлогов, союзов, артиклей — слов, вспомогательных глаголов и др.). Таким образом, для точной характеристики десигнаторов требуется третий ряд терминов, указывающих и формальный, и функциональный признаки десигнатора: морфема-фиксатор, морфема-номинатор, морфема-форматор, слово-номинатор (=полнозначное слово), слово-фиксатор (=служебное слово) и т. д.

Известная дилемма, следует ли квалифицировать отделяемые приставки немецких глаголов как слова или как морфемы, не может быть решена приемлемым образом, если соединять в определениях слова и морфемы функциональные и формальные признаки. При таком подходе приставка в условиях, когда она слита с глаголом, удовлетворяет определению морфемы, так как не является номинативной единицей и вместе с тем не обнаруживает признака отдельности. Но в условиях, когда она отделена от глагола, она, с указанной точки зрения, не может быть названа ни словом, ни морфемой: хотя признак номинативности отсутствует, но появляется формальный признак отдельности. Если же эти два основания развести, то приставки этого рода квалифицируются как фиксаторы, имеющие в одних условиях формальный статус морфемы, а в других — слова.

Из типологии языков известно, что категории слова и морфемы в указанном понимании не обязательны для строя всех языков. Во всяком случае организация функциональных единиц в подобного рода формальные классы и противопоставление их представляется сомнительным в языках инкорпорирующих и так называемых «аморфных». В цепочке морфема — слово — предложение первые как будто пропускают слово, а вторые — морфему. Иными словами, эти понятия, по-видимому, не описывают реальности всех языков и не имеют статуса всеобщих универсалий. Компонование языковых единиц в формальные классы этого рода свойственно, по всей вероятности, лишь некоторому кругу языков как частная особенность их структуры. Это, впрочем, не удивительно: универсалии обнаруживаются прежде всего в функциональной стратификации языковых единиц, но универсальным функциям может соответствовать большое своеобразие частных формальных шаблонов, в том числе и группировок языковых единиц по различным формальным признакам. По этой причине термин «морфема» в структурной лингвистике употребляют также независимо от противопоставления «морфема — слово» в самом широком смысле для обозначения предельных значимых единиц любого функционального уровня и формального класса. Но, увы, этим лишь затемняется внутренняя разнородность обозначаемых явлений.

4.4. Таким образом, слово и морфема — категории формальной (vs функциональной) таксономии языковых единиц, находящиеся в дополнительном отношении. Этими понятиями описывается не универсальный тип компонования фиксаторов в морфологически когерентные (= непроницаемые для номинаторов) структуры. И слово и морфема — когерентные значимые единицы. Различие же между ними состоит в том, что слова комбинируются в некогерентные структуры. Слово можно поэтому определить как значимую единицу с когерентной структурой, выступающую как элемент некогерентных структур более сложного порядка, а морфему — как значимую единицу с когерентной структурой, выступающую в качестве элемента когерентных же структур более сложного порядка. Или более лапидарно: слово есть предел когерентной значимой структуры, а морфема — значимый элемент такой структуры.

§ 5. Таков «стратификационный минимум» понятий, необходимых для определения лексического и сопряженных с ним видов значения. Лингвистическая типология значения производна от функциональной стратификации языка. Категории лингвистической типологии значения — НЗ, ГЗ, ЛЗ, СинЗ и т. п. — описывают модусы концептов в структуре языковых выражений. По сути дела, это квалификация означаемого через его означающее, а именно, уровневая характеристика значимых единиц, приписанная тем значениям, которые ими выражаются.

5.1. Номинативное значение — значение номинаторов. Согласно принципу иерархического включения — фундаментальному принципу языковой структуры, номинативным значением обладают также единицы выше номинативного уровня, так что номинативное значение — это значение простых и сложных единиц уровня номинаторов и выше [ср. Арутюнова]. Грамматическое значение — значение грамматических фиксаторов разного рода, это, таким образом, та часть значения номинаторов, которая приходится в их структуре на долю грамматических фиксаторов. Синтаксическое значение — зна-

чение синтаксических фиксаторов, это часть номинативного и разновидность грамматического значения, приходящаяся в структуре номинатора на долю синтаксических фиксаторов. Словообразовательное значение — значение словообразовательных фиксаторов, это часть номинативного и разновидность грамматического значения, приходящаяся в структуре номинатора на долю словообразовательных фиксаторов.

Грамматические значения отвлекаются как общее в семантике номинаторов с общим грамматическим фиксатором. Иначе говоря, ГЗ — это семантический инвариант номинаторов с общим грамматическим фиксатором.

Лексическое значение — это семантический инвариант номинаторов с общей лексемой, т. е. ЛЗ отвлекается как общее в семантике грамматических форм одного имени. ЛЗ приходится в структуре номинатора на долю фиксатора, называемого лексемой. Поскольку, как уже было сказано, лексема может включать в свой состав словообразовательные фиксаторы, то словообразовательные значения подключены в ЛЗ, и оппозиция ЛЗ — ГЗ неправомерна. Реально противопоставлены не значения грамматическое и лексическое, а значения грамматическое и номинативное.

5.2. Есть существенное различие между ЛЗ и ГЗ в характере их выявления: ЛЗ может быть номинировано в том же классе номинаторов, от которого оно отвлекается как семантический инвариант. Дело в том, что формообразовательные грамматические оппозиции построены как привативные и один из номинаторов в таких оппозициях совмещает в себе два значения: одно маркированное по основанию оппозиции с другим — немаркированным, т. е. в принятых выше символах N_i совмещает $m_i = c + c_i$; $m = c$.

В одном классе номинаторов с общей лексемой может быть размещено несколько привативных оппозиций и соответственно имеет место несколько последовательных нейтрализаций. При этом выявляется форма, не маркированная по любому основанию, — максимально немаркированный номинатор. Так, среди форм английского существительного безартиклевая форма ед. ч. общего падежа не маркирована по трем основаниям — числу, падежу и артиклю. Среди форм глагола ту же роль играет простой инфинитив — конечная инстанция нейтрализаций привативных оппозиций в английском глаголе¹.

Нам важно заметить, что немаркированный номинатор выступает как представитель имени «в чистом виде», на уровне класса. Инвариантное значение множества номинаторов с общей лексемой оказывается при этом не просто «взвешенной» абстракцией, реально существующей только в частных значениях номинаторов. Оно номинировано немаркированным номинатором как одно из его значений, для содержания которого irrelevantны семантические основания грамматических оппозиций. Понятно, что именно такие формы должны избираться в качестве словарного представителя данной системы номинаторов. Ср. также в русском языке: формы ед. ч. им. п. существительных, ед. ч.

¹ В привативных оппозициях английского глагола наблюдается иерархия нейтрализаций (т. е. определенный порядок возрастающей немаркированности): первыми нейтрализуются оппозиции по наклонению, времени, личности/безличности (они отсутствуют в безличных формах глагола: инфинитиве, герундии и причастии), а на втором уровне нейтрализуются более устойчивые оппозиции по виду, временной соотнесенности и залогоу.

им. п. м. р. положительной степени прилагательных, инфинитива (несовершенного вида действительного залога) глаголов.

Таким образом, ЛЗ связывается и с фиксатором-лексемой и с (максимально) немаркированной грамматической формой имени. Обе они имеют одинаковое содержание: вторая номинирует значение, фиксируемое первой.

Структура лексического значения

§ 1. Интенционал и импликационал ЛЗ. 1.1. Словозначение: определение. 1.2. Виртуальное (словарное) значение. 1.3. Когнитивные части ЛЗ: интенционал значения (1.3.1.), жесткий (обязательный) и сильный (сильновероятностный) импликационал (1.3.2.), неимпликационал (1.3.3.), слабый (свободный) импликационал значения (1.3.4.). 1.4. Структура и особенности интенционала и импликационала. 1.5. Высказывания с точки зрения экспликации в них частей ЛЗ. § 2. Структура интенционала ЛЗ. 2.1. Сема: определение. 2.2. Структура интенционала: пучок или структура? (2.2.1.); классификационный треугольник, гипероним, гипоним, эквоним (2.2.2.); гиперсема и гипосема (2.2.3.); уровни обобщения в структуре интенционала (2.2.4.). 2.3. Семы совместимые и несовместимые. 2.4. Ограничения на компонентный анализ.

§ 1. В этом разделе речь пойдет об интенционале и импликационале — частях, выявляемых в когнитивном содержании словозначения, и о зависимостях между этими частями, т. е. о составе и строении (структуре) лексического значения.

1.1. Будем для краткости говорить о словозначении в смысле отдельного лексического значения, единственного или одного из многих у слова. Словозначение — значение лексико-семантического варианта [Смирницкий; Ахманова (1)].

1.2. Один из итогов семасиологических исследований последнего времени сводится к тому, что представление о значении отдельного словесного знака (виртуальном значении) как о чем-то четко и определенно заданном, имеющем жесткие границы, значительно схематизирует реальное положение вещей. Это касается как полисемии слова, так и отдельного словозначения. В первом случае нельзя указать с полной определенностью, сколько значений у слова и какие это значения, так, чтобы наперед задать все возможные речевые актуализации слова. Во втором случае нельзя предугадать все конкретные модификации актуального словозначения, то конкретное содержание, которое может быть связано с ним в контекстах [Амосова; Колшанский; Шмелев]. Стабильность полисемии и содержательная определенность отдельного словозначения справедливы лишь в вероятностном смысле, они оказываются лингвистическим (словарным) конструктором, допустимым для определенных целей и в определенных пределах.

Фактически же дело обстоит таким образом, что, описывая семантику виртуального знака, мало дать перечень его значений, указать их содержательные связи и статутные признаки. Надо еще описать общие правила содержательного варьирования слов, которыми определяются окказиональные флуктуации узуальных значений, их возможные ассоциативные переосмысления.

Значение не имеет жестких и четких границ и иррадирует связи, охватывающие в конечном счете все знание. Кроме того, на значение какого-то словесного знака проецируются особенности его парадигматических и синтагматических связей с другими знаками, оно испытывает также воздействие паронимических и иных ассоциаций, идущих

от формы и структуры десигнатора. Наконец, когнитивное содержание знака взаимодействует с прагматическими аспектами значения: эмотивным, эстетивным и т. п. В итоге связь между десигнатором и десигнатом оказывается не жесткой, одно-однозначной, а свободной. Десигнатор способен подключать к своему содержанию концепты, ассоциируемые по определенным правилам с его первичным значением.

Это и определяет трудности, с которыми сталкиваются при установлении виртуального содержания слов, при демаркации полисемии, разграничении полисемии и омонимии. Виртуальное словозначение представляет собой нечто вроде массы с гравитационным полем, способным захватывать другие тела-концепты.

Здесь следует подчеркнуть один важный момент, нередко недополнимаемый. Известная неопределенность виртуального значения, о которой говорилось выше, никак не дает повода видеть в языковых значениях когнитивную форму особого рода, нечто отличающееся от понятий расплывчатостью содержания¹. Виртуальное значение неопределенно только в том смысле, что слово допускает известную свободу корреляций с концептами и способно в определенных условиях обозначать нечто сверх того, что ему узально положено. Это неопределенность выбора. Характер же концепта, четкий или расплывчатый, глубокий или поверхностный, содержательный или бедный, реальный или мнимый и т. д., отношения к делу не имеет. Он обусловлен знанием предметной области, деятельностью, опытом. Актуализация слова в контексте устраняет неопределенность значения, т. е. снимает неопределенность возможного выбора между концептами.

1.3. Лексическое значение обычно представляет собой совокупность семантических признаков, относящихся к описанию называемых словом денотатов (класса денотатов). Эти признаки организованы в структуру определенными зависимостями, отражающими структуру денотата (класса денотатов). В совокупном содержании лексического значения различаются две части: содержательное ядро лексического значения, или его интенционал, и периферия семантических признаков, окружающих это ядро, его импликационал.

1.3.1. **Интенционал лексического значения** — приблизительно то же, что содержание понятия в логике, это структурированная совокупность семантических признаков, наличие которых полагается обязательным для денотатов данного класса. Интенционалы понятий-значений лежат в основе мыслительных и речевых операций по классификации, отождествлению — различению денотатов и их именованию. К примеру, все матери являются женщинами-родительницами, и эти два признака («родитель» и «женский пол»), связанные спецификационной (родо-видовой) зависимостью, составляют интенционал слова «мать».

1.3.2. В силу всеобщности связей и зависимостей одни признаки заставляют помыслить другие. Равным образом интенциональные признаки могут с необходимостью или вероятностью предполагать (имплицировать) наличие или отсутствие других признаков у денотатов данного класса. По отношению к интенционалу — ядру значения — совокупность таких имплицируемых признаков составляет имплика-

¹ Ср. высказывание Ст. Ульмана: "... meanings have no clearcut demarcation lines but rather a hazy fringe through which they imperceptibly merge into each other; they are, as Wittgenstein once put it, "concepts with blurred edges" [275].

ционал лексического значения, периферию его информационного потенциала. Информация о денотате, которая связывается со словом в тексте, складывается из двух частей: его неперменных интенциональных признаков и некоторой части его импликационных признаков, имплицитно «оживляемых», актуализируемых контекстом или эксплицитно называемых в нем.

Импликация признаков может быть жесткой (обязательной), высоковероятностной, слабой (свободной) и отрицательной. В первых двух случаях интенционал значения имплицитирует некие признаки с вероятностью, равной или близкой к 1 (речь, понятно, идет о приближительных количественных оценках так называемой житейской вероятности). Совокупность таких признаков образует сильный импликационал значения. Признаки сильного импликационала близки к интенциональному ядру, составляя почти неперменную часть значения¹, но тем не менее они не входят в интенционал. Теоретически возможное отсутствие такого признака в денотате еще не исключает денотат из того класса, к которому оно отнесено данным именем.

К примеру, интенционал слова «зима» (время года с декабря по февраль в Северном полушарии и с июня по август в Южном полушарии). В сильный импликационал значения входят такие признаки, как «самое холодное время года, выпадает снег, воды покрываются льдом, солнце стоит низко над горизонтом и слабо греет, люди тепло одеваются» и т. д. и т. п. На этом примере ясно видны граница и различие между интенциональными и импликациональными признаками: если какая-либо зима вдруг окажется теплее другого времени года, она тем не менее останется «зимой», определяющим признаком является временной интервал.

Надо заметить, что импликация признаков может быть не обязательно истинной, но и ложной или сомнительной. Так, к импликационалу подключены все стереотипные ассоциации, истинные или ложные, традиционно связываемые с каким-то классом денотатов, ср. лиса хитра, медведь неуклюж, заяц труслив и т. п.

1.3.3. С другой стороны, импликация каких-то признаков по отношению к интенционалу представляется невозможной или маловероятной, т. е. признаки представляются несовместимыми. Совокупность таких признаков образует отрицательный импликационал значения, или коротко — его неимпликационал. Нетрудно видеть, что знание значения и умение правильно применять слово предполагает не только знание того, что входит в его содержание или совместимо с ним, но и осознание того, чего в нем нет и что с ним несовместимо. Тем самым неимпликационал также вовлекается в содержание значения как его отрицательный информационный потенциал. Ср. «зубы — смелые, нож — усмехаться, глаза — гудеть, золотые». Атрибуция несовместимых признаков сигнализирует особый характер номинации и комбинаторики значений: Твои зубы смелы, | Как усмешка ножа, | И гудят, как шмели, | Золотые глаза. (А. Вознесенский)

1.3.4. Наконец, помимо сильной и отрицательной импликации, остается обширная область признаков, о совместной встречаемости которых с данным понятием можно судить лишь гадательно: их наличие

¹ Поэтому дефиниции и толкования значений в толковых словарях часто указывают не только признаки интенционалов, но сильных импликационалов значений.

или отсутствие одинаково вероятно и одинаково проблематично, они могут быть, а могут и не быть или, точнее говоря, могут быть по данному основанию то одними, то другими. Эта область признаков по отношению к интенционалу какого-то значения образует его слабый, или свободный импликационал.

Например, интенционал слова «река» можно определить как «естественный поток в берегах относительно большой массы воды». Указанные признаки отличают реку от озера (не поток), ручья (не большой), морского течения (не в берегах), канала (искусственный) и т. д. Тем самым определяется не только содержание понятия, но и очерчивается его экстенционал, т. е. объем понятия, круг его применения. Обратим внимание на то, что определение указывает не только интенциональные признаки, но и их логические зависимости, структуру их связей. Такие признаки, как «некоторый перепад высоты (наклон русла), увлажненность поймы, наличие какой-то водной флоры и фауны, более обильная прибрежная растительность» и т. п., не входят в интенционал, но с необходимостью или большой вероятностью вытекают из содержащихся в нем семантических признаков и тем составляют сильный импликационал значения. Признаки вроде «непроточность всей массы воды, горючесть ее, газообразность» и т. д. и т. п. поясняют негиппликационал значения.

Остаются, наконец, признаки вроде «длинный — короткий, широкий — узкий, быстро — медленно текущий, полноводный — неполноводный» и т. д. и т. п., т. е. конкретные значения (здесь — в математическом смысле термина) обязательных для данного интенционала оснований (протяженность, ширина, скорость течения, величина массы воды и т. д.). Речь идет о том, что река может быть широкой или узкой, т. е. имеет некоторую ширину. Признаки такого рода не входят в содержание значения и не отрицаются им, но импликация и тут имеет место. Основания признаков заложены в интенционале как своеобразные семантические валентности, как пустые места, подлежащие заполнению. Импликация, однако, носит свободный (слабый) характер, так как интенционал не предопределяет, какое значение (в математическом смысле) эти пустые основания могут конкретно принять.

1.4. Как видим, в когнитивном аспекте лексические значения слов представляют собой сложные образования, на структуру которых спроецированы связи и отношения концептуальных систем сознания. Структура лексического значения образуется прежде всего логическими связями, иррадируемыми его интенциональным ядром и захватывающими в периферию его содержания импликациональные признаки. В свою очередь интенционал и импликационал имеют свою структуру. Структура интенционала образована логическими зависимостями составляющих его семантических признаков, а кроме того, в его составе обычно выделяются гиперсема и гипосема, т. е. родовая и видовая части, связанные спецификационным (гипер-гипонимическим) отношением. Так, в интенционале слова «мать» гиперсемой является признак «родитель», а гипосемой — «женский пол» (см. об этом ниже, § 2). Признаки импликационала значения также не являются простым неупорядоченным множеством. Как нетрудно видеть, они структурно упорядочены логическими импликационными связями (причинно-следственными, временными и т. п.) и вероятностными характеристиками.

Хотя интенционал и импликационал составляют структурные части лексического значения, между ними имеется существенное различие. Интенционал — закрытая жесткая структура конечного множества при-

знаков. Импликационал — открытая вероятностная структура некоего множества признаков. Интенционал связан с познавательно-преобразующим аспектом деятельности человека и предполагает известную конструктивизацию действительности, допустимое отвлечение от бесконечности ее связей, переходов и переливов. Импликационал, напротив, отражает вероятностную (стохастическую) природу мира. Тем самым в понятиях-значениях сочетаются детерминистский и вероятностный аспекты объективного мира и познавательного процесса.

Интенционал предопределяет область того, что может быть названо данным именем, т. е. его экстенционал. Импликационал имени отражает разнообразные предметные связи сущностей, т. е. очерчивает ожидаемую область того, что может быть названо в связи с данным именем. Интенционал составляет непрерывный постоянный компонент значения имени, а импликационал — его обусловленный и варьирующий в контексте компонент, зависимый от логической структуры контекста. В определенном смысле можно сказать, что импликационал составляет не столько часть собственной семантики имени, сколько его «силовое поле».

Если же мы говорим об импликационале как части значения имени, то этим стремимся подчеркнуть следующее: в естественных языках между интенционалом и импликационалом имени нередко нет жесткой границы, так что интенциональное ядро значения может незаметно переходить к его импликационному полю. Это касается прежде всего области признаков сильного импликационала, незаметно подключающихся к собственной семантике слова.

1.5. Информационная функция высказываний различна в зависимости от того, какая часть лексического значения одного слова эксплицируется другими. Если, высказываясь о чем-то единичном, ему приписывают признак из области свободного импликационала имени этого единичного, то высказывание содержательно, ср. «лето было знойным». Напротив, приписывание единичному признаков из области интенционала или сильного импликационала имени этого единичного не информативно, ср. «зимой шел снег».

В высказываниях о классах (высказываниях общего смысла) экспликация признаков из области интенционала и сильного импликационала служит целям определения и объяснения классов и их имен, ср. «тигр — хищник». В тех же высказываниях экспликация признаков свободного (слабого) импликационала должна сопровождаться их вероятностной оценкой, ср. «лето может быть жарким или прохладным».

§ 2. Интенционалы всех понятий, кроме элементарных, имеют сложный состав и структуру, т. е. содержат более простые понятия, определенным образом связанные в целое, структуру.

2.1. Применительно к значениям знаков принято понятия как части других понятий-значений называть семами¹. Семы отличаются от значений тем, что не связываются в данном десигнаторе с какой-либо определенной его частью, т. е. не выражены в данном знаке какой-либо его значимой частью. Когда различие сем и значений не существенно, говорим о семантических признаках. Семантический признак-понятие как часть содержания знака независимо от того, имеет ли это понятие

¹ Другие возможные термины — дифференциальные семантические признаки, семантические множители.

в структуре знака собственный десигнатор или нет (т. е. независимо от того, имеет ли оно статус значения или семы).

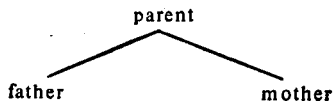
2.2. Структура интенционала определяется путем выявления семного состава значений, которое известно как компонентный анализ значения [см. Апресян (1); Гак (1), (2); Ельмслев; Кузнецов; Никитин (1), (3), Селиверстова; Nida; Palmer].

2.2.1. Вплоть до последнего времени десигнат часто представляли как простую совокупность, пучок семантических признаков, не связанных внутренними зависимостями. Такой подход не характерен для советского языкознания. С первых шагов компонентного анализа он рассматривался как недостаточный: значения отдельных слов и сложных выражений рассматриваются как структуры со сложной внутренней организацией и выдвигается задача описания означаемых именно в виде структурных формул, или конфигураций.

В работах В. Г. Гака [Гак (1), (2)] и С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон (2)] было четко сформулировано представление о значении слова как иерархической организации, которая «включает архисемы (общие семы родового значения), дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого предмета» [Гак (2), 371] и в которой «доминирующая роль принадлежит категориальному признаку» [Кацнельсон (2), 150].

2.2.2. Наша задача здесь состоит в том, чтобы уточнить логические и гносеологические основания компонентного анализа и, опираясь на это, уяснить основные компоненты структуры лексического значения, выявить ограничения на семное разложение значений.

Структура интенционала и ее составные части выявляются в классификационных связях концептов. Как уже сказано ранее, классификационные связи концептов — это когнитивный аналог распределения признаков в сущностях объективного мира. Устанавливаются они по общности — различию содержания концептов. Наличие — отсутствие импликационных зависимостей концептов при этом несущественно. Классификационные связи выявляют в концептах-понятиях две основные части, связанные в структуру родо-видовым (категориально-спецификационным) отношением¹. Простейшая классификационная схема, выявляющая компоненты и их отношение в структуре интенционала, — это треугольник отношений с тремя концептами в вершинах, например:



Классификация предполагает различие в уровнях обобщения входящих терминов. Понятие уровня представляется достаточно ясным. Если понятие C соответствует референционное множество M и в этом множестве выделяются подмножества $M_1, M_2 \dots M_n$, такие, что в совокупности они исчерпывают множество M и ни один из элементов любого одного из этих подмножеств не принадлежит ни к какому другому из указанных подмножеств, то понятия $C_1, C_2 \dots C_n$, соответствующие этим подмножествам, являются понятиями низшего уровня

¹ Основания такого взгляда на структуру понятия были сформулированы еще И. Кантом в виде его известных принципов гомогенности и гетерогенности понятий.

обобщения сравнительно с С. Понятия одного уровня обобщения и соответствующие им имена будем называть по отношению друг к другу эквонимами. Будем также в соответствии с имеющейся традицией называть понятия и имена низшего уровня по отношению к высшему гипонимами, а высшего уровня по отношению к низшему — гиперонимами. Будем также говорить о референционной области (экстенционале) гиперонима как о предметной области размещения гипонимов.

Так, в нашем примере *father* и *mother* — понятия низшего уровня обобщения, а *parent* — понятие ближайшего высшего уровня. *Father* и *mother* находятся в отношении эквонимии друг к другу (эквонимия — это отношение понятий и имен одной предметной области и одного уровня обобщения). Иначе говоря, они эквонимы в предметной области *parent*. Вместе с тем, каждое из них является гипонимом по отношению к общему гиперониму *parent*. Таким образом, гипероним и гипоним — то же, что родовое и видовое понятия (термины, слова). Они лишь короче и удобнее для образования производных.

Классификация в элементарном случае предполагает, как минимум, два гипонима при одном гиперониме. Вместе с тем она предполагает двойного рода отношения между входящими понятиями (терминами, именами, словами) по содержанию: эквонимические и гипо-гиперонимические (последние также называют видо-родовыми, категориально-спецификационными, или инклюзивно-эксклюзивными). Первые обнаруживаются у понятий одного уровня обобщения, вторые — у понятий разных уровней обобщения. И в том и в другом случае необходимо, чтобы понятия относились к одной предметной области.

2.2.3. В эквонимических и гипо-гиперонимических отношениях, взаимно предполагающих друг друга, обнаруживается компонентная структура понятий. Более того, компонентный анализ обязательно предполагает соотнесение понятия с его гиперонимом и эквонимами. Сравнение эквонимов выявляет в них общую часть, содержательно равную гиперониму и получающую то же имя. Назовем этот общий семантический компонент категориальным признаком, или гиперсемой. Наряду с гиперсемой, в содержании эквонимов обнаруживаются также различительные признаки, специфические для каждого эквонима. Этот различительный компонент назовем для краткости гипосемой. Таким образом, содержание эквонима составляется, как минимум, из двух сем, связанных категориально-спецификационным (гипер-гипонимическим, родо-видовым) отношением. Первая указывает общее в понятии (общее для понятий данной предметной области), т. е. его категорию, вторая — частное, специфическое для данного понятия.

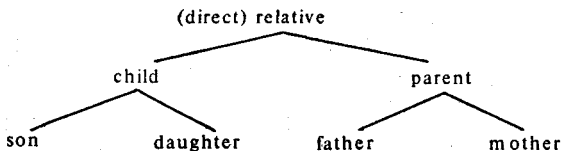
Компонентная природа понятий обнаруживается только в сравнении (оппозиции) их содержания. Равным образом категориальный или спецификационный статус семы не есть ее собственное, абсолютное свойство, а свойство относительное. Статус семы обнаруживается и зависит от набора терминов сравнения. В оппозиции *father* — *mother* понятие *father* содержит гиперсему *parent* и гипосему *male*. В оппозиции *father* — *son* гиперсемой того же понятия оказывается *male*, а гипосемой *parent*.

Компоненты содержательной структуры понятия, т. е. семы, сами также являются понятиями, но, так сказать, понятиями второй очереди. Сема — понятие в качестве структурного элемента другого понятия. Соответственно сема — понятие более простое по структуре содержания, чем то понятие, в состав структуры которого она входит. Предельно

простыми (атомарными, структурно не разложимыми) оказываются понятия, соответствующие или верхнему пределу обобщения (например, понятия вещи, свойства и т. п.) или нижнему пределу расчленения действительности, достигнутому в общественной человеческой деятельности и отраженному в сознании.

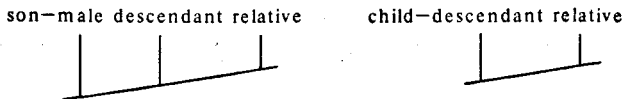
2.2.4. Для того, чтобы установить компоненты содержательной структуры понятия с максимальной детализацией, необходимо, очевидно, установить все возможные оппозиции данного понятия. При этом может обнаружиться, что эти оппозиции организованы в многоступенчатую иерархию обобщений, т. е. содержат более чем два уровня обобщения. Компонентная структура понятия отражает в себе иерархию обобщений, в которую входит понятие. Иерархия спроецирована на структуру понятия. Понятие содержит число компонентов, равное числу уровней обобщения. Оно включает в качестве сем все понятия высших уровней обобщения плюс собственный различительный признак (гипосему). При этом семы в структуре понятия подчинены так, что повторяют ступенчатое подчинение понятий в иерархии: понятие *n*-уровня (т. е. максимальное общее понятие) входит в качестве категориального признака (гиперсемы), понятие *n*-1-уровня соответствует первой ступени спецификации гиперсемы, понятие *n*-2-уровня — второй ступени спецификации и т. д.

Поясним сказанное примером. Иерархически организованная система понятий (для удобства обозначены на английском языке):



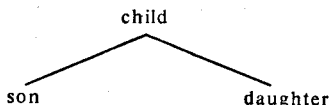
содержит три уровня обобщения. Анализ семантических противопоставлений выявляет следующие компоненты: male – female, (direct) descendant — (direct) ancestor. Компонент *relative* обнаруживается как минимальный общий компонент всех членов иерархии. Все члены системы являются понятиями со сложной структурой: *son* – male descendant relative, *child* – descendant relative и т. д. Исключение составляет понятие *relative*, соответствующее здесь верхнему пределу обобщения. Равным образом простыми оказываются и понятия-компоненты, выявляемые в семантических оппозициях членов системы. Они соответствуют нижнему пределу квантования данного участка действительности и представляют собой предельные разграничения, релевантные в опыте и сознании (здесь, понятно, дан только фрагмент системы понятий родства).

Понятия низшего уровня дают более детализированную картину предметной области. Напротив, понятия высших уровней содержательно беднее: компонентный анализ на уровне *child* – *parent* обходится без признака пола. Ср. также отношения сем в структуре понятий, воспроизводящие ступенчатое подчинение понятий в иерархии:



В структуре понятия son категориальной семой является relative, сема descendant содержит спецификацию первой ступени, а male — второй ступени, т. е. специфицирует уже сложную категориальную сему descendant relative.

Круг понятий, подлежащих сравнению для выявления их компонентного состава, определяется границами предметной области, а эта граница очерчивается максимальным гиперонимом. Иерархия понятия области описывает градации, ступени последовательного членения предметной области. Но если даже взять только фрагмент иерархии,



то компонентный анализ, хотя и будет свернутым, менее детальным, т. е. выявит меньшее число сем (son — male child, daughter — female child), но останется корректным, так как в развернутой иерархии обнаружится сложная структура семы child — descendant relative. Иначе говоря, возможен корректен компонентный анализ понятия с разной степенью детализации (развертывания) входящих в него сем. Условием корректного компонентного анализа является лишь следующее: для компонентного анализа понятие должно быть соотнесено с гиперонимом и со всеми эквонимами в предметной области, очерчиваемой этим гиперонимом.

2.3. Последовательно применяя компонентный анализ такого рода к понятиям, выраженным в знаках какого-либо языка, т. е. к значениям (см. ниже), мы получили бы в результате некоторый перечень предельных (простых, неразложимых, атомарных) сем. Рассмотрев семы относительно их совместной встречаемости в структуре значений, мы обнаружим семы совместимые и несовместимые. Первые могут сочетаться в одном значении, например, семы male и parent в значении father, female и descendant в имени daughter и т. д., вторые логически не сочетаются. Например, parent и descendant нельзя сочетать в одном понятии. Если объем (экстенционал, предметная область) какого-либо гиперонима полностью исчерпывается двумя гипонимами, то соответствующие гипосемы не только несовместимы, но и антонимичны, ср. male и female в области child или parent, а также child и parent в области relative.

2.4. Не следует ожидать, что компонентный анализ семантики всегда удастся осуществить с одинаковой степенью четкости. Во многих предметных областях противопоставления на нижних уровнях детализации не выявлены с достаточной последовательностью, так что денотатные поля имен отчасти накладываются одно на другое. В конечном счете все определяется тем, насколько разработана в опыте, в деятельности и сознании людей та или иная предметная область. В связи с этим нередко затруднительно установить исчерпывающий набор сем и еще труднее установить их системные соотношения и комбинаторику в структурах словозначений. Сами термины родства достаточно показательны на этот счет. Древняя их система, отражающая общинно-родовую организацию семьи и родственных связей, содержит категоризации и противопоставления, которые уже перестали быть социально значимыми в наше время. Многие ли из нас уверены теперь в значении таких терминов родства, как «шурин, деверь, свояченица, золовка» и т. п.?

Семные составы лексических

Основания и признаки	1					2				3		4				
	Имена	глина	фаянс	металл	стекло	дерево	жидкость	не жидкость	хранение	приготовление	подача	потребление	большой	маленький	круглый	некруглый
basin					(+)	-	+		+							
bottle																(+)
bowl																+
can				+		-	+		+						+	+
cask						+	+		+						+	+
churn				+			+		+						+	+
container																
cup			(+)									+		+	+	
dish											+					
glass					+	-	+					+		+	+	
goblet					(+)		+					+		+	+	
jar				-			+		+			+		+	+	
jug							+		+		+			+	+	
kettle				+		-	+			+					+	
mug							+					+			+	
pan				+			-				+					
plate					(+)											
pot							-				+			+	+	+
saucer																
tankard			(+)		(+)		+					+		+	+	
tun						+	+		+						+	
urn				+			+			+					+	
vase																
vessel																+

Примечание: Пробел по основанию означает, что имя по данному основанию отрицательную маркированность по признаку, (+) указывает, что маркиро-

И это не удивительно, так как шурин и деверь, свояченица и золовка сравнялись по своему социально-родственному статусу и соответствующие различия перестали быть сколько-нибудь общественно важными, практически существенными. Система находится в динамике и эволюционирует в сторону упрощения: имена еще известны, но смысл их теряется с утратой релевантных для общества различий. Понятно, что при компонентном анализе подобных систем возникает проблема, как очертить состав терминов сравнения, какие противопоставления признать релевантными. То или иное решение скажется на результатах компонентного анализа.

Можно привести иной пример — системы, развивающейся в сторону большей детализации, увеличивавшей число семантических оппозиций и усложнявшей их структуру. Возьмем названия предметов посуды (см. таблицу 2). В кругу этих имен, объединяемых — в отличие от таких предметов столово-кухонного обихода, как нож, вилка (cutlery) и т. п. — родовым понятием «емкость — вместилище для пищи (включая воду и напитки)», можно установить предметно-семантические различия по разнообразным основаниям: 1) по материалу изделия: глина, металл, ср. can, kettle, pan, urn; стекло, ср. bottle, glass; дерево, ср. cask, tun; материал изделия несущественен, ср. basin, bowl, dish, mug и др.; 2) по назначению: а) для жидкости, ср. jug, mug, tankard; нежидкости, ср. dish; основание несущественно, ср. bowl, pan, plate, pot и др.; б) для хранения пищи, ср. bottle, can, cask, churn, jar, jug, tun; приготовления, ср. kettle, pan, urn; подачи, ср. bowl, dish; потребления пищи, продуктов, ср. cup, glass, mug, plate, tankard; основание несущественно, ср. pot, vessel и др.; 3) по относительному размеру: большой, ср. tun, tankard; маленький, ср. cask; размер не релевантен, ср. barrel, mug; 4) по форме горизонтального сечения: круглый (овальный), ср. basin, bowl, jar, pot; нерелевантно, ср. bottle, pan; 5) если круглый, то по форме в трех измерениях: цилиндр, ср. can, jar, jug, mug; конус, ср. goblet, tankard; сфера или часть сферы, ср. basin, bowl, pot, vase; форма иррелевантна, ср. bottle, cup; 6) по соотношению высоты H и диаметра D : $H > D$, ср. bottle, can, churn, glass, goblet, jar, jug, mug, tankard, urn; $H = D$ или $H < D$, ср. basin, bowl, cup, dish, plate; соотношение H и D нерелевантно, ср. pan, vessel; 7) наличию ручки, ручек, ср. can, churn, jug; kettle, mug, tankard; без ручки (ручек), ср. basin, bottle, dish, glass, goblet, plate; основание несущественно, ср. bowl, cup, jar, pan, pot и др.; 8) наличию горлышка, ср. bottle; отсутствию горлышка, ср. basin, bowl, cup, glass, mug; основание несущественно, ср. jar, jug и др.; 9) наличию ножки, ср. goblet; ее отсутствию, ср. mug; основание несущественно, ср. bowl, cup, glass; 10) наличию крышки, ср. can, churn, kettle, tankard; без крышки, ср. basin, glass, mug; несущественно, ср. bowl, pot и т. д.

Можно, очевидно, выделить и другие основания и признаки, как-то: расположение, характер и число ручек; наличие/отсутствие носика (крана, слива); единичность-парность (как в cups and saucers) и т. д., однако в этом нет смысла. Различия в этом кругу имен не отстоялись в систему четких семантических противопоставлений, иерархия (структура) оснований четко не выражена. Разложение значений, представленное на таблице, заметно схематизирует и огрубляет их семные составы. Искажается реальная релевантность тех или иных признаков и оснований для семантики слова, скрыта стохастическая природа семантических признаков в составе значения, не показаны зависимости признаков и иерархия (структура) оснований. Таблица дает более жесткую и

четкую картину семантических составов имен, чем на самом деле.

Фактически же денотативный потенциал имени лишь отчасти определяется системой семантических соотношений данного имени с другими именами той же предметной области, поскольку эта система лишь слабо намечена. Определяется он не столько из системы, сколько из простого опыта предшествующих денотаций. Этого опыта, хотя бы и не вполне систематизированного, достаточно, поскольку и сами предметы этой области достаточно традиционны и мало варьируют в диапазонах своих признаков, а комбинаторика самих признаков невелика. Стоит, однако, увеличить комбинаторику и вариабельность признаков — и возникнут сомнения, как следует назвать какой-либо непривычный предмет: неотработанная лексико-семантическая система дает сбой в денотации и сигнификации. Это нетрудно показать в эксперименте. Например, следует ли назвать *plate, dish, basin, pan* «тарелкой, блюдом» или «чашкой» такой предмет посуды, который имеет все признаки обычной тарелки, но стенки у которого цилиндрической формы?

Если нет развернутой системы в самих денотатах, в человеческой деятельности, практике на каких-то участках, то не следует ее ожидать и в результатах компонентного анализа слов-имен соответствующей предметной области. Точнее, может быть, сказать: компонентный анализ не может быть более системен, чем действительность и деятельность человека на соответствующих участках. Увязывая компонентный анализ со структурой действительности и человеческой деятельности, мы должны допускать и известную текучесть, динамичную незавершенность, неполную системность результатов этого анализа.

Семантическая структура слова

§ 1. Содержание и статус значения. Семантическая структура слова: определение. § 2. Содержательные связи словозначений: 2.1. Вводные замечания. 2.2. Два основных типа содержательных связей словозначений: импликационные и классификационные. 2.3. Импликационные связи: определение (2.3.1.), импликация и метонимия (2.3.2), виды и примеры импликационных связей (2.3.3.), конверсивные значения одного слова (2.3.4.). 2.4. Классификационные связи словозначений: определение (2.4.1.), гипо-гиперонимические связи (2.4.2.), симилятивные связи (2.4.3.). 2.5. Общие выводы к § 2: формулы содержательных связей словозначений (2.5.1.), представление семантических структур в виде графов (2.5.2.). § 3. Статус словозначений: 3.1. Языковой статус словозначения: определение. 3.2. Статутные признаки словозначений. Двухступенчатое строение номинативных систем и ономазиологическая норма. Импликационно-логические и коллокационно-языковые нормы лексической сочетаемости. 3.3. Статутные признаки и ранжировка значений в семантической структуре слова (проблема главного и второстепенного значений): постановка проблемы (3.3.1.), конкретное и абстрактное, центральное и периферийное значения (3.3.2.), сводный перечень статутных признаков (3.3.3.), признаки, релевантные для ранжировки значений (3.3.4.), количественная методика выявления ранжировки словозначений (3.3.5.).

§ 1. При полисемии словозначения имеют не только общий десигнатор, но и общие семантические признаки. Этим полисемия отличается от омонимии. Поскольку общность десигнатора дополняется ассоциативными связями между значениями, можно считать, что словозначения образуют не просто семантический состав слова, а его семантическую структуру. Термин тем более оправдан, что значения эти способны взаимодействовать при порождении речи (выбор слова) и ее восприятии (осмысление — понимание слова).

В семантической структуре слова связаны по содержанию определенные, но не любые пары словозначений. Совокупность этих связей образует схему семантической структуры слова. Каждое значение в такой схеме характеризуется с двух сторон: 1) по содержанию и 2) по статусу в системе номинативных средств языка. Содержательная характеристика словозначения — это структура свойственных ему семантических признаков плюс прагматическое (коннотативное) значение, присущее данному лексико-семантическому варианту. Языковой статус словозначения определяется соотносительными характеристиками лексико-семантического варианта как элемента системы номинативных средств языка (см. ниже). В целом семантическую структуру слова можно определить как схему содержательных связей между словозначениями совокупно с их статутными характеристиками.

§ 2. В задачу этого раздела входит описание связей словозначений по содержанию (содержательных связей) и определение статутных признаков лексико-семантических вариантов.

2.1. Содержательные связи словозначений есть практическое выражение общих правил семантического варьирования слова, определяющих его семантический потенциал, его «силовое поле». Исследуя содержательные связи в семантической структуре слова, мы как раз и регистрируем способы семантического варьирования. Типология содержательных связей словозначений поэтому прямо связана с установлением структуры того неясного ореола, который окружает прямое значение виртуального знака. Тем самым потенциальное в семантике слова выявляется через узуальное.

Традиционно содержательные связи словозначений описываются в терминах метонимических (включая синекдоху) и метафорических (включая синестезию и перенос по функциональному сходству) сдвигов значения, а также сужений (специализаций) и расширений (обобщений, генерализаций) значения. Указанные понятия, хотя и охватывают многие случаи, недостаточны, чтобы объяснить все. Обнаруживаются виды связей, не подводимые под традиционную классификацию. Но традиционная схема и не разрабатывалась для описания связей в синхронии; ее делом было объяснить, как изменяются значения, а не как они соотносятся в семантических структурах слов. Более того, изначально эти понятия относились, как известно, к фигурам образной речи. Между тем связи словозначений — нечто большее, чем тропы, и, чтобы адекватно объяснить их, надо опираться на более общую теорию, чем риторика.

Типы содержательных связей словозначений одинаковы во всех естественных языках, т. е. относятся к всеобщим языковым универсалиям. Этим, понятно, никак не исключается своеобразие распределения содержательных связей в семантических структурах корреспондирующих слов и классов в разных языках, равно как и различия в удельном весе тех или иных видов содержательных связей на определенных участках лексико-семантических систем разных языков. Универсальны типы связей, идиотнично их распределение в семантических структурах.

В лингвистических целях достаточно выявить общие типы содержательных связей. Детальная классификация всех возможных подтипов ассоциативных связей в семантических структурах также интересна, но не столько для лингвистики, сколько для психологии и психолинг-

вистики. Подробная классификация практически не имеет нижнего предела. [ср. Блумфилд, 465—486].

Установление типов содержательных связей предполагает в качестве условия, что уже произведено отграничение полисемии от омонимии, демаркация полисемии, т. е. выделены отдельные значения многозначной единицы, и известны содержательные определения значений на семантическом подъязыке. Полное осуществление этих условий в эксплицитном виде на основе строгих формализованных процедур остается задачей будущего и, как можно было видеть выше, задачей довольно гипотетической. Обычно опираются при этом на данные толковых словарей, при необходимости видоизменяя их в соответствии с общими правилами логической обработки эмпирического материала.

2.2. Содержательные связи словозначений — те же концептуальные связи, т. е. связи понятий и представлений. Связи концептов базируются в конечном счете на определенных коррелятах в объективном мире и являются их мыслительным отражением. Вместе с тем, будучи сущностями сознания, они обнаруживают известное своеобразие. Отражающая система имеет собственный субстрат и организацию, и некоторые особенности процесса отражения и его результатов обусловлены субстратом отражающей системы. Объективным основанием концептуальных связей являются 1) связи сущностей объективного мира, 2) общности сущностей объективного мира по наличным признакам. Соответственно выделяются два основных типа концептуальных связей, равно как и содержательных связей между словозначениями: 1) импликационный и 2) классификационный.

2.3. Как уже отмечалось, импликация может быть отражением самых разнообразных видов реальных связей: симультанных и суксесивных, статических и динамических, жестких (детерминированных) и вероятностных, слабых и сильных.

2.3.1. Импликационные связи концептов (тип: если C_1 , то C_2 ; символ: $C_1 \leftrightarrow C_2$) — это когнитивный аналог реальных связей (взаимодействий, зависимостей) сущностей объективного мира: связей между вещами, между частью и целым, между вещью и признаком, между признаками вещи. Концепты C_1 и C_2 имплицитно друг друга, если предполагается какая-то зависимость, взаимодействие их денотатов. Наиболее явным примером импликационных связей являются сильные причинно-следственные зависимости, но сюда же относятся и зависимости слабые пространственные, временные и др.

2.3.2. Импликация в таком понимании имеет место как на знаковом, так и незнаковом (в том числе дознаковом) уровнях сознания. Понятно поэтому, что термин «метонимия, метонимический» недостаточен и неадекватен. Под метонимией понимают троп, основанный на «ассоциации по смежности». Суть дела состоит в том, чтобы уяснить природу этой «ассоциации по смежности». Обнаруживается, что за этим неудовлетворительным термином, который, заметим, сам содержит метафору, скрывается один из двух универсальных способов организации сознания и связи концептов — импликация, а «смежность» — это не менее как связи объективного мира.

Предпочтительно поэтому общее понятие об этом роде концептуальных связей обозначать термином «импликация, импликационный (имплекативный)», а термин «метонимия, метонимический» в соответствии с его этимологией и принятыми определениями использовать только для частного случая импликационных связей, а именно

для случаев переименования на импликационной основе, когда метоним не является основным именем денотата и противопоставлен исходному словозначению и основному имени по признаку переносности значения и ослабленной номинативности, т. е. обозначать им не более чем вид образной фигуры речи. Например, у следующих слов пары значений связаны импликацией: **slide** 1) скольжение; 2) детская горка (для катания); **surprise** 1) удивление, изумление; 2) неожиданность, сюрприз; **tap** 1) проба, затычка; кран; 2) разг. пивная, бар; **sweat** 1) пот; 2) изнурительный труд. Но лишь в последних двух случаях имеется явная метонимия: вторые значения производны от первых, переносны, не являются нормативными первичными обозначениями десигнатов, их номинативность, способность актуализировать понятие и представить денотат обставлена особыми условиями, ср. с прямыми именованиями *pub* и *hard work*. Напротив, в первых двух примерах слова во вторых значениях являются принятыми именами своих денотатов и понятий.

2.3.3. Импликационная связь значений широко представлена в семантических структурах многозначных слов. Конкретные виды связей, служащие основанием импликации, весьма разнообразны: материал — изделие, причина — следствие, исходное — производное, действие — цель, процесс — результат, часть — целое, признак — вещь, смежность (соположенность) в пространстве, следование во времени и т. д. и т. п., т. е. все разновидности указанных выше симультанных и сукцессивных, статических и динамических, слабых и сильных связей с жесткой и вероятностной зависимостью. В лингвистических целях достаточно указать общность типа связи. Заметим еще, что онтологические связи (связи предметных сущностей) могут быть однонаправленными (детерминация) или взаимными (интердепенденция), но для концептуальных связей это различие не существенно. К примеру, не только концепт причины имплицитно концепт следствия, но и наоборот, чем и объясняется символ импликации. Примеры импликационных связей словозначений достаточно известны, и можно ограничиться немногими, указав, что этот тип содержательных связей широко представлен как у имен вещей, так и имен признаков: **fire** 1) огонь, пламя; 2) топка, печь, камин; 3) пожар; 4) орудийный огонь; стрельба; **shoot** 1) стрелять; 2) убивать; **stand** 1) стоять; 2) ставить (каузативная связь «следствие — причина»), то же **float** 1) плавать, быть на плаву; 2) спускать на воду; **healthy** 1) не больной; 2) полезный для здоровья, ср. *healthy climate*; свойство P_1 (не больной) у A (человек) способно каузироваться свойством P_2 (полезный для здоровья) у B (климат) при взаимодействии A и B — связь «следствие — причина».

Импликационная связь имеет место также в следующих примерах: **write** 1) изображать, передавать речь графически; 2) сочинять, *cf.* *write poems, music, on gardening, for a living, from experience, etc.*; **sail** 1) плавать; 2) служить на кораблях в плавании, *cf.* *sailor*; **smear** 1) мазать, намазывать = покрывать чем-то жидким; 2) пачкать = загрязнять, покрывая чем-то жидким; **sit** 1) сидеть; 2) заседать; 3) сосредоточенно заниматься чем-то, *cf.* *sit over a problem, for a scholarship*; 4) оставаться, пребывать без дела, *to sit at home, the car sits at the garage unused*; 5) осадить кого-либо; 6) укрыться в засаде.

Базой концептуальных связей служат не только дедуктивно-логические понятия с жестко фиксированным содержанием, но и индуктивно-эмпирическое понятие стохастической природы. Иными словами, им-

пликация и классификация могут опираться на семантические признаки, входящие как в интенционал, так и в жесткий или вероятностный импликационал исходного словозначения. Ср. с этой точки зрения указанные выше значения глагола *sit*. Импликация там носит вероятностный характер. Признак «сидячей позы» не является обязательным для понятий 2—6, однако входит в индуктивно-эмпирическую характеристику этих классов ситуаций как вероятностно-примечательный. Импликационная связь устанавливается между концептами с вероятностной структурой.

2.3.4. Особой разновидностью импликационных связей в семантической структуре слова является конверсивная связь словозначений. Если вещи D_1 и D_2 связаны отношением R и в этом и только в этом отношении им присущи свойства P_+ и P_- , то такие свойства называем конверсивными. О соответствующих концептах, именах и значениях также следует сказать, что они связаны конверсивным отношением (являются конверсивами). Известно, что конверсивные понятия передаются лексически (разными словами) или грамматически (разными словоформами одного слова), ср. *buy* — *sell*, *send* — *receive*, *bequeath* — *inherit*, *read* — *be read*, *saddening* — *saddened* и т. п.

Однако вполне возможен и лексико-семантический способ выражения конверсивных признаков. Значения-конверсивы могут содержаться в семантической структуре одного слова, ср. *wear* 1) носить, *wear a hat*, *clothes*, etc.; 2) носиться, *the cloth wears well*; *sell* 1) продавать, *sell the book*; 2) продаваться, *the book sells well*; *read* 1) читать; 2) читаться, *gladly*, *the notice reads*; *number* 1) насчитать, *I numbered seven of them*; 2) насчитываться, *they number seven*; *tire*, *wear* 1) утомлять; 2) утомляться; *smell* 1) пахнуть; 2) нюхать; *smart* 1) испытывать боль; 2) причинять боль; *curious* 1) любопытствующий, *curious idlers*; 2) возбуждающий любопытство, *curious happening*; *glad* 1) обрадованный, радующийся; 2) радующий, ср. *the glad news*; сходным образом у многих других прилагательных: *sad* 1) опечаленный; 2) печальный; *blind* 1) слепой, не видящий; 2) слепой, не дающий видеть, *the pane is blind with showers* (E. E. Housman 4—71)¹; *dubious* 1) усомнившийся; 2) заставляющий сомневаться; *(un)lucky* 1) (не)имеющий удачи; 2) (не)приносящий удачи; *the trade* 1) торговцы, предприниматели; 2) клиентура, покупатели; то же у прилагательных *drowsy*, *joyful* (-ous, -less) и др. Явление это обычно и для других языков.

2.4. Обратимся теперь ко второму общему типу концептуальных связей словозначений — классификационным связям.

2.4.1. Как уже говорилось, объективным основанием классификационных связей концептов является общность сущностей объективного мира по обнаруживаемым ими признакам. В отличие от импликационных связей в этом случае сущности объективного мира не объединены какими-либо реальными отношениями, взаимодействиями, но обнаруживают известную общность признаков. Связь между двумя концептами устанавливается в сознании, но отражает не какую-то реальную связь (зависимость, взаимодействие) между соответствующими сущностями, а общность присущих им признаков. Классификационные связи концептов — это мыслительный аналог распределения признаков у сущностей объективного мира.

¹ Цифра после названия произведения указывает источник, в котором оно помещено в «Списке источников иллюстративного материала». Через тире указана страница.

Классификационные связи концептов устанавливаются исключительно на основе известной общности содержания концептов. Наличие — отсутствие импликационной зависимости концептов при этом несущественно. Классификационные связи могут быть двоякого рода: 1) гипогиперонимические (видо-родовые, инклюзивно-экслюзивные) и 2) симулятивные.

2.4.2. Гипо-гиперонимические связи устанавливаются между концептами разного уровня обобщения. В зависимости от направления связи; т. е. от того, какой концепт и, в частности, какое значение многозначного слова берется за отправное, различаются связь специализации (инклюзивная, родо-видовая) и связь генерализации, обобщения (экслюзивная, видо-родовая). Инклюзивная связь соответствует отношению менее содержательного понятия — гиперонима к более содержательному понятию — гипониму, а экслюзивная связь, напротив, — отношению более содержательного понятия к менее содержательному, т. е. гипонима к гиперониму. В плане объемов (экстенсивностей) понятий гипогиперонимической связи соответствует отношение более широкого и более узкого понятий. Наконец, в диахроническом (а точнее сказать, генетическом, динамическом) плане те же соотношения описываются известными терминами «сужение» и «расширение значения».

Гипогиперонимические связи широко представлены в семантических структурах как имен вещей, так и имен признаков (свойств и отношений)¹. Возможность этого рода связей в семантике имен признаков объясняется тем, что противопоставление вещь — признак не абсолютно, а относительно. Две сущности осмысляются как признаки по отношению к какой-то вещи или вещам, но по отношению друг к другу они могут быть осмыслены как две вещи или как вещь и признак. Вырождаясь в вещи, признаки также образуют классы, и в этом смысле класс свойств или отношений может входить в более общий класс свойств или отношений.

Примеры гипогиперонимических связей в семантической структуре имен вещей известны, и можно ограничиться немногими: **woman** 1) женщина; 2) служанка, содержанка; 3) *диал.* жена; **slope** 1) уклон, покатость, наклон; 2) склон; **train** 1) ж.-д. состав; 2) любой состав транспортных средств, ср. а *train of camels, baggage train*; **cat** 1) кошка; 2) животное семейства кошачьих; **coat** 1) пальто, верхнее платье; 2) что-либо покрывающее, ср. а *coat of paint, snow*. К этому типу относятся все неоднократно рассматривавшиеся в разных языках случаи сужения и расширения значений слов, когда оба значения — исходное и производное — сохраняются у слова. Очень часто в общенародном языке слово выступает как гипероним общего значения, а в подъязках развивает более специальное терминологическое значение, ср. **slope** 1) уклон; 2) *горн.* наклонная выработка; **resistance** 1) сопротивление; 2) *полит.* движение сопротивления; 3) *техн.* сохранность, устойчивость, ср. *resistance to wear*; 4) *эл.* сопротивление и т. п.

Особо надо отметить гипогиперонимическое варьирование по линии класс — подкласс с высокой (положительной) — низкой (отрицательной)

¹ Из трех терминов «гипогиперонимические, инклюзивно-экслюзивные, видо-родовые (связи)» предпочтительнее первый, так как третий обычно связывают с соотношением классов вещей, а не признаков, второй же нехорош тем, что способен описывать отношение понятий как по их интенционалам (содержанию), так и экстенционалам (объему).

степенью классообразующего признака. Ср. **chance** 1) случай, возможность; 2) счастливый случай, возможность; **luck** 1) удача, везенье; 2) обстоятельства, ср. *bad luck*, также: 1973 was a lousy year. The only hope is that luck will change (из англ. газет); **manners** 1) манеры; 2) хорошие манеры, ср. *People with manners do not read at table*; **consequence** 1) (по)следствие; 2) нежелательное (последствие, ср. *you'll have to abide by the consequences (= undesirable consequences)*); **significance** 1) значение 1) значение, важность; 2) большое значение, важность; **quality** 1) качество; 2) высокое качество. Ср. *русск. погода* 1) *weather*; 2) *good weather*; *здоровье* 1) *health*; 2) *good health* и т. п.

Русскому языку весьма свойственно семантическое варьирование имен животных, когда одно и то же слово имеет значение и животного какого-то вида и животного определенного пола этого вида, а именно: 1) вид животного; самец этого вида; ср. «медведь, тигр, лев, слон, крот, орел, ястреб, крокодил, муравей» и т. п.; 2) вид животного: самка этого вида; ср. «кошка, коза, свинья, лань, антилопа, шука, стрекоза» и т. п. Напротив, терминам английской зоосемии привативная оппозиция мало свойственна. Вместо двух терминов тут обычно встречаем три: общий термин вида и два термина для каждого пола с эквиолентной оппозицией, ср. *goat* 'коза', *he-goat* 'козел', *she-goat* (*nanny-goat*) 'коза', *sheep* 'овца', *ram* 'баран', *ewe* 'овца'.

Примеры гипо-гиперонимических связей в семантической структуре признаков слов: **feel** 1) чувствовать, ощущать вообще; 2) ощущать на ощупь, осзывать; **bury** 1) хоронить; 2) прятать, зарывать; **dead** 1) не обнаруживающий биологической формы движения; 2) неподвижный, недеятельный, ср. *dead volcano, language*; **dumb** 1) лишенный речи; 2) беззвучный, ср. *dumb notes, piano*; 3) лишенный основного качества, ср. *dumb nettle* «глухая крапива»; **defunct** 1) переставший существовать биологически; 2) переставший существовать, ср. *defunct stars (suns)*. В семантике глаголов движения *come, go* наблюдаются последовательные ступени обобщения первичного значения «приблизиться/удаляться пешком»: вначале становится иррелевантным способ передвижения, ср. *the train is coming*, далее — различие между динамическим (физическое движение) и статическим положением вещей в пространстве, ср. *the forest comes to the very bank*, на следующей ступени иррелевантно различие пространственных и временных координат, cf. *spring came* и т. д. Ср. также русские примеры: **бороться** 1) добиваться чего-нибудь, преодолевая препятствия; 2) схватившись друг с другом, стараться осилить; **судить** 1) высказывать, составлять мнение, суждение; 2) рассматривать чье-либо дело в судебном порядке; 3) в спортивных играх следить за соблюдением правил игры и разрешать возникающие споры; **бежать** 1) быстро передвигаться при помощи ног; 2) быстро передвигаться, ср. «ток бежит по проводам» и т. п.

Представляет интерес особый случай варьирования значения по линии «частное — общее», отмечаемый в семантической структуре многих глаголов. Для характеристики действия, помимо его качественной специфики, могут быть релевантны признаки, внешние по отношению к качеству¹ действия: время действия, распределение действия во времени, или способ протекания действия во времени (аспект, или вид действия в терминологическом смысле), ориентация называемого дей-

¹ Под качеством понимается структура существенных свойств, обеспечивающая специфику вещей.

ствия (т. е. концепта действия) по отношению к агенту, объекту, инструменту (залоговые характеристики действия), пространственная ориентация действия, его интенсивность, способ и условия его осуществления, связи между действием, целью и результатом, отношения называемого действия к реальности и высказывающему и др. Указанные признаки: время, вид, агентивность, инструментальность, обстоятельственность, результативность, целенамеренность, модальности и др. — выражаются в языках, как известно, различными способами: синтаксически, т. е. содержатся в семантике словосочетаний, грамматически, т. е. содержатся в грамматических значениях словоформ, лексически, т. е. содержатся в лексических значениях разных слов, и, наконец, лексико-семантическим способом, т. е. содержатся в лексико-семантических вариантах одного слова, подключаясь к качественной характеристике действия. В двух последних случаях содержание отдельных слов и словозначений отличается включением-исключением тех или иных указанных признаков, и между ними, таким образом, обнаруживаются инклюзивно-эксклюзивные содержательные связи.

Рассмотрим некоторые примеры такого варьирования в семантике глаголов: *cut* 1) I cut the cheese with the knife; 2) the knife cuts the cheese (исключена сема агентивности), the knife won't cut (исключены семы агентивности и объектности ≈ the knife is blunt); *shave* 1) брить; 2) бриться (плюс возвратность); *to house* 1) поселять, ср. they housed five families in the building; 2) вмещать (о жилье), ср. the building houses five families (минус агентивность и предельность); ср. также *русск. гнать* 1) заставлять двигаться, «ветер гонит облака»; 2) заставлять двигаться прочь, вон, «дворник гонит собаку» (включена сема пространственной ориентации действия); 3) заставлять двигаться быстро, «ямщик, не гони лошадей» (сравнительно с *m*, включена сема интенсивности действия).

В сопоставлении со сдвигами в качественном содержании действия (ср. *write* 1) изображать речь графически, на письме; 2) сочинять и изображать сочиненное (на письме) варьирование такого рода не изменяет существенно содержание слова и не образует отдельных словозначений, а скорее — оттенки значения. Оно находится в промежуточной зоне между словозначением и словоупотреблением (ср. *wirite* 1) he writes with a pen; 2) the pen wirites well). Здесь мы сталкиваемся с межуровневым взаимодействием в структуре языка: совокупность значений, релевантных для общения, распределена по разным уровням значимых единиц; если те или иные из этих значений не находят отдельного выражения в системах лексических, морфологических или синтаксических средств, т. е. посредством лексем, словоформ или синтаксических конструкций, они могут быть выявлены комбинаторно за счет межуровневого взаимодействия десигнаторных признаков. С другой стороны, тем же способом «приглушаются», нейтрализуются семантические признаки, привычно связываемые с первичными значениями лексем, словоформ и синтаксических структур, ср. he cuts the cheese — the knife cuts the cheese, he cuts well — the cheese cuts well.

Те же семантические признаки, дополняющие качественную характеристику отношения-действия, могут выявляться лексически, разными словами, ср. *saгу* и *bring* (плюс предельность, целенамеренность и пространственная ориентация действия), *float* и *swim* (добавляется признак агентивности). Ср. также глаголы (но не с гипо-гиперонимическим, а с эквиполентным отношением): *see* и *look* (плюс целенаме-

ренность минус результированность), то же в парах hear – listen || *видеть* – *смотреть*, *слышать* – *слушать*.

2.4.3. Обратимся к симилиативной классификационной связи. Она имеет место в том случае, когда общая часть не исчерпывает содержания ни одного из концептов: помимо общих семантических признаков, концепты содержат еще различающие их признаки, каждый свои. Это отличает симилиацию от гипо-гиперонимических связей. Кроме того, общая семантическая часть не равна гиперониму сопоставляемых концептов. Это отличает симилиацию от эквонимических связей: при симилиативной связи концепты не соотносятся как эквонимы.

В отличие от гипо-гиперонимических связей, устанавливающихся только на знаковом уровне сознания, симилиативные связи концептов, так же как импликационные, свойственны сознанию на знаковом и дознаковом уровнях. Понятно поэтому, что традиционный термин «метафора, метафорический» неадекватен. Предпочтительнее общее понятие об этом рода концептуальных связях обозначать термином «симилиативный, симилиация», а термин «метафорический, метафора» в соответствии с обычными его определениями¹ использовать только для частного случая симилиативных связей, а именно для случаев переименования на симилиативной основе, если при этом какое-то имя не является основным принятым обозначением денотата и отличается от первичного словозначения и основного имени переносностью значения и неполной (ослабленной) номинативностью.

Например, у следующих слов пары значений объединены симилиативной связью: **cloud** || *облако* 1) скопление сгустившихся водяных паров в воздухе; 2) сплошная масса летучих частиц, ср. cloud of dust, smoke; **wall** || *стена* 1) вертикальная часть здания, сооружения; 2) сплошная ограда; **spindle** 1) веретено, 2) шпиндель; **shock** 1) удар (механический); 2) шок; **subside** 1) спадать (об уровне воды); 2) оседать, давать осадку (о грунте, здании); **soft** 1) мягкий (на ощупь); 2) нежный (на ощупь, вкус, слух, зрительно и т. д.). Однако метафоры нет. И первые, и вторые словозначения являются привычными именованными соответствующими денотатов. Ср. со случаями явной метафоры: **baby** (*babe*) || *детка* (*крошка*) 1) дитя, младенец; 2) *субст.* милая, любимая (о девушке, женщине); **desert** || *пустыня* 1) бесплодная песчаная суша; 2) ненаселенное, безлюдное место; **dirt** || *грязь* 1) то, что пачкает; 2) мерзость, пакость, гадость; **drink** 1) пить; 2) жадно воспринимать, ср. drink in every word; **steep** 1) крутой (о склоне); 2) чрезмерный, преувеличенный, ср. the story's rather steep. Симилиативная связь резко выражена; вторые значения явно переносны; значения взаимодействуют, так что в производном (втором) значении отчетливо проявляется исходное (первое). Вторые словозначения не являются основными принятыми именами соответствующих денотатов. Их номинативность, т. е. способность самостоятельно, без помощи контекста и речевой ситуации (вне речевой установки, мотивации) назвать, «представить» соответствующий денотат и актуализировать в сознании соответствующее понятие, ограничена специальными условиями.

¹ Заметим, что определения метафоры обычно страдают двумя недостатками: 1) сравнивают денотаты (вещи, предметы, сущности), а не концепты; 2) просто указывают на общность признаков, но этого еще недостаточно: не всякая общность признаков лежит в основе метафоры и – шире – симилиации, см. определение в тексте.

Симилятивная связь концептов может быть отражением реальной общности свойств у соответствующих референтов. Сходство восприятия и общность содержания концептов основываются на наличии общих свойств в отражаемых сущностях. Это случай предметно-логической симиляции. Общность содержания концептов может не отражать реальную онтологическую природу референтов, но может быть результатом приписывания референтам некоторых общих свойств. С другой стороны, референты А и В, даже не обнаруживая какой-либо реальной или приписанной общности, могут в силу особенностей отражающей системы, присущего ей механизма отражения восприниматься сходным образом, производить сходное ощущение. Это случай синестезической симиляции. Связь соответствующих концептов основывается не на общности их содержания, а на сходстве ощущения, восприятия, впечатления, или иначе, сходство концептов обусловлено не природой референтов, а способом их восприятия.

Известно, что оба случая симилятивной связи широко представлены в семантических структурах слов. Примеры предметно-логической симиляции: **skeleton** 1) костный каркас тела; 2) остов, каркас строения; 3) план, схема, набросок, «костяк»; **ape** 1) человекообразная бесхвостая обезьяна; 2) *субст.* слепо, глупо подражающий; **rubbish** 1) мусор, хлам; 2) чепуха, вздор; **fade** 1) вянуть, терять свежесть; 2) стареть, утрачивать молодость; 3) выгорать, линять; **fast** 1) быстрый, скорый; 2) разгульный. Примеры синестезической симиляции: **blind** 1) не зрячий; 2) не замечающий, не воспринимающий, умственно «слепой», ср. *blind to smb's faults*; **fast** 1) прочный, твердый; 2) верный, стойкий, ср. *fast friend*; **break** 1) нарушать целостность физических тел изгибанием, давлением, ударом; 2) подавлять (волю, сопротивление и т. п.); 3) обезжечь (лошадь); **fade** 1) вянуть, терять свежесть; 2) постепенно замирать (о звуках); 3) постепенно исчезать из памяти; **embroider** 1) вышивать; 2) приукрашивать, «расцветить» (рассказ и т. п.).

Синестезические связи концептов устанавливаются посредством механизма вторичных ощущений, т. е. механизма «ощущения ощущений», позволяющего сличать и различать первичные ощущения объективных сущностей. Сходство восприятия онтологически не тождественных признаков, однородность ощущений, включая даже ощущения разными органами чувств, сходство нервных реакций приводят к синестезическому сближению концептов онтологически разнородных сущностей. Ср. *mild cheese, ale, cigar, light; voice; steel; attack, punishment, rebuke, criticism, measures; climate, weather, evening; answer; gaiety; man, nature, dove, lamb* (примеры этого рода достаточно известны).

На той же синестезической основе сближаются образы (концепты) простых, внешних, физических действий (явлений) и действий (явлений) сложных, внутренних, умственных и эмоциональных. При этом у имен признаков развиваются более абстрактные значения от более конкретных: **seize** 1) хватать (физические тела); 2) ухватываться (за мысль, шанс и т. п.); 3) охватывать, обуть (о страхе, панике и т. п.); 4) понимать; **collect** 1) собирать; 2) собираться (с мыслями, силами); **embrace** 1) обнимать(ся); 2) принимать, воспринимать (учение, веру); **raise** 1) поднимать (физические тела); 2) поднимать (дух, настроение); 3) ставить (вопрос, задачу); **loose** 1) свободный, не стесненный; 2) распущенный (о поведении, нравах); 3) не точный, не адекватный; ср. *loose translation, argument*.

Частным случаем синестезических связей является эмотивная симиляция, при которой концепты сближаются по сходству эмоциональной оценки. Содержательная общность двух концептов при этом может быть минимальной. В предметно-логическом (собственно семантическом, денотативном) плане два концепта могут не иметь ничего общего, для сближения их достаточно сходства субъективно-эмоциональной оценки соответствующих референтов (общего прагматического компонента содержания). Ср. *lousy* 1) вшивый; 2) паршивый; мерзкий; *rotten* 1) гнилой; 2) поганый, дрянной, отвратительный; *capital* 1) главный, основной, самый важный; 2) превосходный, отличный; *bloody* 1) кровавый; 2) проклятый и т. п. Предметно-логическая и эмотивная симиляция нередко дополняют друг друга; *colt* 1) жеребенок, 2) новичок (в крикете); *filly* 1) кобылка; 2) шустрая девчонка; *hound* 1) гончая собака; 2) репортер; 3) последний гонщик в группе (в велоспорте); *Hottentot* 1) готтентот; 2) дикарь.

2.5. Таковы основные типы содержательных связей словозначений. Ими определяются соотношение и взаимодействие значений многозначного слова и увязывание этих значений в единую смысловую структуру, а также описываются с содержательной стороны пути возникновения у слов новых значений на базе старых. В любом случае содержательной зависимости, импликационной или классификационной, концепты обнаруживают известную общность содержания. Соответственно и пары значений многозначного слова, объединяемые этими связями, обладают общей семантической частью. Однако роль этого общего компонента в структуре значения различна и зависит от типа содержательной связи. Сравним их по этому признаку.

2.5.1. Начнем с конверсивной импликации. Общая семантическая часть конверсивных словозначений равна понятию о несимметричном отношении R, казулирующем в аргументах этого отношения конверсивные свойства R₊ и R₋. Различающие семантические части конверсивных значений — это понятия о разных статусах аргументов в несимметричном отношении R. Ср. с этой точки зрения примеры в § 2, 3, 4 этого раздела. Так, в конверсивных словозначениях глагола *number* 1) 'насчитывать' и 2) 'насчитываться' идея счета составляет их общую сему, а понятия считающего и считаемого — их дифференциальные признаки.

В остальных случаях импликационной связи общая сема равна содержанию первичного (прямого) значения. Вторичное (переносное) значение имеет более сложную структуру: общая сема здесь оказывается гипосемой, а остальная часть имплицуемого понятия составляет гиперсему вторичного значения. В состав гипосемы вторичного значения входит также понятие об отношении, связывающем денотаты гипосемы. Ср. *bottle* 1) бутылка; 2) вино в бутылке, cf. *fond of the bottle*; *shoot* 1) стрелять; 2) убивать выстрелами. Импликации: бутылка → содержимое X вино в бутылке; стрелять → убивать выстрелами. Структура имплицуемых значений: в первом примере гиперсема — «вино», гипосема — «бутылка» плюс отношение между вином и бутылкой «X находится в у» = «в бутылке», во втором примере гиперсема — «убивать», гипосема — «выстрел» плюс отношение каузации между выстрелом и убийством «X имеет следствием у» = «выстрелами». Ср. также примеры в § 2.3.3. этого раздела.

Сказанное вполне справедливо и для того случая импликации словозначений, когда они соотносятся как имена признака (свойства или отношения) и вещи. Ср. *sleep* 1) известное состояние; 2) тот, кто спит

(оказионально, ср. у Шекспира: Macbeth doth murder sleep); love 1) известное отношение; 2) тот, кого любят. Интенционал первичного значения здесь также становится гипосемой вторичного.

Гипосема в имплицуемом понятии представляет собой мостик, перебрасываемый от вторичного значения к первичному. Ее дифференцирующая роль в качестве спецификатора гиперсемы может быть не существенна, и в таком случае вторичное значение обобщается, приравниваясь к содержанию гиперсемы, но вместе с тем утрачивается связь первичного и вторичного значений. Ср. **board** 1) доска; 2) стол; 3) управление; **interest** 1) заинтересованность; 2) процент на капитал; **green** 1) зеленый (о цвете); 2) свежий, полный сил; ср. green old age, a green memory, green years; **green** 1) зеленый; 2) сочный (о кормах); свежий, не сушеный (об овощах, фруктах); сырой, с корня (о лесоматериалах); не очищенный, не обработанный, в состоянии полуфабриката, ср. green sugar; ср. также green timber, film, brick, wound и т. п.; **film** 1) пленка; 2) кино-(фото-)пленка; 3) кинофильм; 4) кино (как род искусства).

При гипо-гиперонимической связи общая семантическая часть двух словозначений равна интенционалу одного из них: интенционал одного из понятий включен в другой на правах гиперсемы. Содержательный остаток в другом понятии образует его гипосему, т. е. различительный признак на нижнем уровне обобщения. Ср. **man** 1) мужчина; 2) человек; 3) муж; **divorce** 1) разрывать брачный союз законным образом; 2) разрывать какое-то единство двух, ср. to divorce soul from body. Так же могут быть интерпретированы все примеры в § 2.4.2. этого раздела.

При симиляции общая семантическая часть двух словозначений связана с интенционалом одного из них жесткой или сильновероятностной импликацией: одно понятие заставляет полагать другое. Та же общая часть во втором словозначении составляет его гипосему. Ср. **fox** 1) лиса (животное, с которым традиция связывает признак хитрости); 2) хитрец, хитрый человек. См. также в этом плане примеры § 2.4.3. этого раздела.

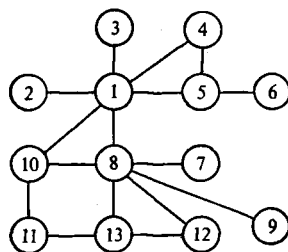
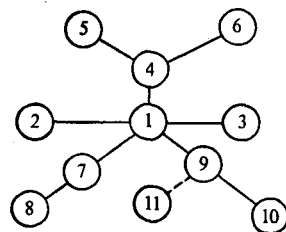
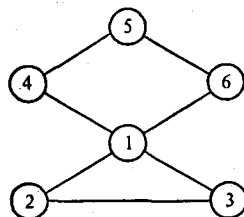
С учетом изложенного выше содержательные связи словозначений можно символизировать следующим образом¹:

- | | |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 1) импликация общего типа:
shoot 1) стрелять $\left\{ \begin{matrix} m_1 = A \\ m_2 = \frac{a}{b} \end{matrix} \right\}$
2) убивать $\left\{ \begin{matrix} m_2 = \frac{a}{b} \\ \text{выстрелами} \quad a \leftrightarrow b \end{matrix} \right\}$ | 2) импликация конверсивная:
smell 1) пахнуть $\left\{ \begin{matrix} m_1 = \frac{p^+}{r} \\ m_2 = \frac{p^-}{r} \end{matrix} \right\}$
2) нюхать $\left\{ \begin{matrix} p_+ \leftrightarrow p_- \end{matrix} \right\}$ |
| 3) гипо-гиперонимическая связь:
train 1) состав ж.-д. транспортных средств $\left\{ \begin{matrix} m_1 = \frac{a}{b} \\ m_2 = B \end{matrix} \right\}$
2) состав транспортных средств | 4) симилятивная связь:
filly 1) молодая кобылка $\left\{ \begin{matrix} m_1 = A \leftrightarrow b \\ m_2 = \frac{b}{c} \end{matrix} \right\}$
2) шустрая девчонка |

2.5.2. Содержательные связи словозначений образуют схему, каркас семантической структуры слова. Установив эти связи, можно представить семантическую структуру слова графически. Например:

¹ Строчными буквами указаны семы; r — сема-отношение; p₊ и p₋ — семы-полярные конверсивные признаки; в числителе помещены гипосемы, в знаменателе — гиперсемы; заглавными буквами обозначены интенционалы; ↔ — общий символ импликации.

- corn 1) *соби́р.* зерно
 2) пшеница
 3) хлеб на корню
 4) зернышко
 5) крупинка
 6) фирн
- board 1) доска (широкая)
 2) полка
 3) приборная доска
 4) настил
 5) сцена
 6) борт (корабля)
 7) картон (плотный)
 8) крышка переплета
 9) стол
 10) пища, питание
 11) (у)правление, совет
- green 1) зеленого цвета
 2) покрытый зеленью
 3) (болезненно) бледный
 4) сырой, сочный, влажный
 5) в натуральном виде, не подвергшийся обработке
 6) сохранивший первоначальное качество
 7) недавно получивший свое качество
 8) молодой
 9) полный сил, бодрый
 10) неспелый, незрелый
 11) незрелый (*перен.*)
 12) неопытный
 13) простодушный, доверчивый



Понятно, что подобные графы, отражающие только связи значений по содержанию, представляют собой весьма упрощенную модель семантической структуры слова. Не говоря уже о том, что для их построения необходимо установить какие-то критерии, посредством которых можно было бы с достаточной объективностью определять наличие-отсутствие содержательной связи между парами словозначений, в таких графах лишь грубо оценено семантическое расстояние между отдельными словозначениями (например, значения 2 и 3 на втором графе ближе друг к другу, чем 2 и 6, на одно расстояние). На самом же деле семантическое пространство многозначного слова и его семантическая структура организованы гораздо более сложным образом: для того, чтобы представить их более адекватно, требуется не плоскостная, а объемная модель, с тем, чтобы отразить «сгущения семантических масс», их взаимное расположение и «силы гравитации» между «массами»-словозначениями.

Не менее важно и другое обстоятельство. Разные словозначения неравноценны по их языковому статусу. Для адекватного представления семантической структуры слова недостаточно очертить каркас со-

держательных связей, но необходимо также охарактеризовать слово-значения по их языковой потенции, по совокупности функциональных, системных и количественных признаков: по свойственным им прагматическим коннотациям, функционально-стилевому распределению, парадигматическим связям в лексико-семантической системе, синтагматическим связям в системе языка и количественным показателям в речи, т. е. по таким признакам, как эмоционально-экспрессивное содержание, принадлежность к функциональным подъязыкам, степень идиоматичности, номинативности, связанности словозначения и др. (см. ниже).

Однако даже упрощенные модели семантической структуры слова вроде приведенных выше дают, сравнительно со словарной статьей, более наглядное и верное представление о том, как устроена семантика слова, как связаны словозначения, прямо или опосредованно, насколько далеко они отстоят друг от друга, как совершается переход от одних значений к другим, какие из значений центральны и замыкают на себя семантику слова, а какие периферийны и имеют мало связей. Они позволяют судить, насколько компактна семантическая структура слова и как сильны в ней центростремительные связи или, напротив, насколько семантика слова склонна к распаду, как сильны в ней центробежные силы. Графы зримо демонстрируют, насколько общность десигнаторов дополняется внутренней содержательной общностью словозначений или же остается последним фактором объединения в одну структуру содержательно далеких значений, лишь опосредованно связанных друг с другом. Одним словом, они позволяют увидеть семантическую структуру слова. Модели такого рода полезны для построения типологии семантических структур и описания лексико-семантической системы в одном языке, для построения сопоставительной типологии семантических структур и сравнительного изучения лексико-семантических систем в разных языках, а также для решения прикладных задач (например, при обучении лексике иностранного языка). Кроме того, их анализ и интерпретация, вероятно, небезынтересны с точки зрения процессов порождения речи (выбор слова) и ее восприятия (семантизация слова).

§ 3. Значение — это концепт, связанный знаком. В силу этого, помимо содержательной стороны, ему свойственны соотносительные собственно языковые характеристики, которые мы объединяем общим понятием языкового статуса значения. Статус значения — это совокупность соотносительных несодержательных признаков, определяющих место данного словозначения в системе языковых средств номинации. Статус значения описывает его реальный *modus vivendi* в языке, это характеристика десигната через его десигнатор. Статутные признаки не описывают того, что входит в содержание десигната, но описывают способ выражения концепта, функции данного способа выражения концепта сравнительно с другими, условия, мотивирующие этот способ, его распространенность (количественные признаки), формальные (не содержательные) правила и ограничения на употребление десигнатора в данном значении и т. п.

3.1. Значения многозначного слова различаются не только содержанием и местом в семантической структуре, но и статусом. Каждое из них не только взаимодействует с другими словозначениями внутри семантической структуры, но является также частью общей системы номинативных средств языка, т. е. взаимодействует с другими слово-

значениями за пределами семантической структуры слова. В этих соотношениях и выявляется языковой статус словозначения. Систематизация того, что здесь называется статутными признаками словозначения, впервые была предпринята акад. В. В. Виноградовым в его статье «Основные типы лексических значений слова» [Виноградов, 162—189]. Ценность этой работы оспаривалась семасиологом В. А. Звегинцевым, но критика была неконструктивной и, более того, несправедливой, если учесть пионерский характер работы В. В. Виноградова. Дело не в том, чтобы сбросить эту проблему со счета, а в том, чтобы уяснить природу того, что было названо — не вполне удачно — «типами лексических значений», и детально исследовать соотносительные характеристики языкового статуса значений.

Статус словозначения в значительной мере определяется ограничениями номинативной потенции словозначения, дополнительными к тем ограничениям, которые обязательны для слов данного синтаксического класса. Определяя статус словозначения, следует установить, насколько полно реализуются возможности номинации, свойственные словам определенного лексико-грамматического разряда.

3.2. Рассмотрим основные факторы, влияющие на языковой статус словозначения как элемента общей системы номинативных средств. В целях систематизации наряду с описанием признаков менее известных укажем также признаки, уже отмечавшиеся ранее.

1) Способ номинации концепта: прямое vs переносное значение. Система номинативных средств языка (= ономасиологическая система) имеет двухступенчатое строение: уровень прямых обозначений, являющихся непосредственной, первичной семиотической функцией десигнаторов, и уровень переносных производных от прямых обозначений, выступающих как вторичная функция десигнаторов. В первом случае денотат называется нормативным, положенным ему именем, а сами имена имеют прямое значение. Во втором случае обозначение денотата является побочной функцией уже «занятого» десигнатора, имена при этом имеют переносные значения.

В основе первичных прямых значений лежит семиотическое, конвенциональное (хотя бы и спонтанно сложившееся) общественно признанное установление связывать такой-то десигнатор с таким-то концептом. Вторичные переносные значения мотивированы разнообразными ассоциативными связями первичных значений. Двухступенчатый характер ономасиологической системы является частным проявлением общего принципа относительной свободы связи десигнатора и десигната: первичное значение определяет ядро номинационного потенциала слова, а совокупность признаков интенционала первичного значения и связанных с ними импликационных признаков очерчивает общее поле этого потенциала, т. е. все множество хотя бы окказионально возможных номинаций посредством данного слова. Значение слова в конкретных актуализациях способно варьировать в широком диапазоне указанной совокупности признаков.

Для того, чтобы осмыслить слово в прямом значении, надо знать связи между десигнаторами и десигнатами (концептами). Чтобы осмыслить слово в переносном значении, это знание не обязательно (хотя и возможно) — достаточно общих закономерностей ассоциирования концептов и знания первичных прямых значений слов. Слово в переносном значении семантизируется посредством соотнесения первичного значения с описываемым фактом (точнее, денотатом). При этом обнару-

живается референционное несоответствие имени в первичном значении — оно «не вписывается» в предмет сообщения, поэтому его переосмысливают: руководствуясь общими универсальными закономерностями ассоциирования концептов, отбирают из первичного значения и организуют в структуру семантические признаки, конгруэнтные денотату. Имя в переносном значении актуализирует свой концепт не прямо, а через соотнесение денотата со своим первичным прямым значением. Таков реальный смысл того, что в лингвистике обозначалось «транспозицией семантической стороны знака» (С. Карцевский), «вторичными семантическими функциями слова» (Е. Курилович).

Ономасиологически нормативно обозначение и описание денотатов посредством имен в прямых значениях. Использование в тех же целях переносных словозначений, напротив, ненормативно. В общем случае следует считать ненормативными обозначениями все употребления слова не в первичном прямом, а вторичном переносном значении независимо от того, является ли это переносное значение только окказиональным или в той или иной мере узуальным. В ономасиологическом плане различие между окказиональным и узуальным переносным словоупотреблением состоит отнюдь не в степени нормативности — это лишь различие между единичной, частной, индивидуальной аномалией и аномалией массовой, распространенной, привычной.

Различие в ономасиологическом статусе прямых и переносных значений, двуступенчатое строение ономасиологической системы используется в естественном языке как способ выразить когнитивную и прагматическую информацию, не увеличивая число единиц выражения, их синтаксической сложности. Ономасиологическая ненормативность переносных значений сигнализирует SR, что SP вкладывает в них особый содержательный заряд. SR побуждается к осмыслению слова вне привычных рамок первичного кода. Переносные словозначения используют, когда система первичных обозначений не адекватна замыслу (*purport*) SP, — это способ развязать импликационное и коннотативное домысливание имен.

2) Референционная самодостаточность: достаточные vs недостаточные словозначения. Некоторые словозначения референционно недостаточны и нуждаются в поддержке окружения, контекста или ситуации речи, чтобы актуализировать свой концепт, другие же значения в такой поддержке не нуждаются. Ср. **head** 1) голова; 2) верхняя часть, ср. *head of the page (staircase)*; 3) передняя, головная часть, ср. *head of a procession*; 4) глава, ср. *head of the family (government)*: **heart** 1) сердце; 2) центральная часть, ср. *heart of the forest (matter, mystery)*, *a cabbage with a good solid heart*: **hold** 1) удерживание, захват; 2) *спорт.* захват в борьбе, ср. *double body hold, standing holds*. Значения, кроме первых, нуждаются в уточнении.

Вербальные уточнители недостаточного словозначения не обязательны после первого упоминания, но в этом случае имеет место эллипсис словосочетания. Они вообще не требуются, если ту же роль выполняют ситуация речи и логика контекста, препятствующие актуализации номинативно более «выпяченных» словозначений. В определенных условиях *sausage* будет понятно как *sausage balloon*, однако все дело именно в том, что актуализация этого словозначения требует подкрепления, в то время как другое значение «колбаса» актуализируется словом без дополнительных условий.

3) Частотность: более частотные vs менее частотные словозначения.

Противопоставление словозначений по частотности не требует особых пояснений: частая актуализация, рекуррентность значения в речи усиливают связь десигнатора с данным десигнатом.

4) Мотивированность значения морфологической структурой десигнатора: структурно мотивированные vs немотивированные словозначения. Пояснение начнем с примеров. Следующие слова обнаруживают два значения: **arrival** 1) прибытие; 2) тот, кто прибыл; **acquaintance** 1) знакомство; 2) *субст.* знакомый. Первые и вторые значения статутно неравноценны. Предпочтение отдается первым, поскольку они мотивированы морфологической структурой: суффиксы *-al*, *-ance* образуют отглагольные существительные со значением действия, а не лица, совершающего действие (или связанного с ним). В общем виде: из двух значений слова, десигнатор которого имеет структуру, связанную с достаточно определенной концептуальной областью, предпочтителен статус того, содержание которого входит в эту область (иными словами, согласуется с морфологической структурой, с «внутренней формой» слова).

5) Полнота словообразовательных рядов (парадигм): словозначения с более полными vs менее полными словообразовательными рядами. Из двух словозначений одно может иметь более развернутый словообразовательный ряд, в то время как ряд другого словозначения менее полон. Предпочтительнее статус первого словозначения. Ср. **address** *n* 1) адрес; 2) обращение, речь; 3) ловкость, искусство, такт; **address** *v* 1) адресовать, направлять; 2) обращаться (к кому-либо); **addressee** 1) адресат; **employ** *v* 1) занимать работой, использовать чей-либо труд; 2) употреблять, применять, использовать; 3) занимать (себя чем-либо); производные **employ** *n*, **employability**, **employer**, **employee**, **employee**, **(un)employment** идут по первому значению; **beauty** 1) красота; 2) красавица. Словообразовательная парадигма **beauty** *n* – **beauty** *v*, **beautify** – **beautician** – **beautiful**, **beauteous** относится только к первому словозначению.

Вообще говоря, в статутном плане важна не только полнота словообразовательной парадигмы словозначения, но объем всего словообразовательного гнезда данного словозначения. Важна также суммарная частотность слов такого гнезда. С точки зрения статуса они как бы связаны круговой порукой.

Если имеется слово N^1 со значениями m_1^1 и m_2^1 такими, что m_2^1 – значение переносно-производное от m_1^1 , и слово N^2 со значением m_2^2 таким, что m_2^2 – его первичное прямое значение, то N^1 в значении m_2^1 обычно реализует лишь часть словообразовательного ряда (парадигмы), свойственного N^1 в m_1^1 . Кроме того, N^1 в значении m_2^1 имеет обычно более бедную словообразовательную парадигму, чем N^2 . Ср. **sun** 1) солнце; 2) светило, звезда. Обширная семья производных и сложных слов связана с первым значением. С другой стороны, **star** (= N^2) в своем прямом значении «звезда, светило» (= m_2^2) образует многие производные и сложные слова. Ср. также **fruit** 1) плод(ы); 2) плод(ы), результат(ы). Все производные и сложные слова связаны с первым значением: **fruit** *v*, **fruitage**, **frutarian**, **fruited**, **fruiter**, **fruiterer**, **fruiting**, **fruity**, **fruit-bud**, **fruit-cake**, **fruit-knife**, **fruit-piece**, etc. Исключения составляют **fruitful** (-ly/-ness), **fruitless** (-ly/-ness), содержащие оба значения, и **fruition** – только второе значение.

Напротив, одинаковая мощность словообразовательных рядов обычно свидетельствует при равенстве прочих факторов, что и статусы словозначений приблизительно равны. Ср. **adhere** 1) прилипнуть,

приставать, приклеиваться (ряд: adhesive – adhesion, adhesiveness); 2) твердо держаться, придерживаться, быть верным (о принципах, решениях и т. д.) (ряд: adherent – adherence, adhesion).

6) Полнота формообразовательных парадигм: словозначения с полной vs неполной парадигмой. Некоторые словозначения используют всю парадигму формоизменения, у других парадигма недостаточна. Предпочтительней статус первых. Ср. **drive** 1) вести, править (о машине, экипаже и т. п.); 2) вести, клонить (к чему-либо – at smth) – только в длительных формах; **abuse** 1) плохо обращаться; 2) обманывать – только в страдательной форме; **get** 1) получать; 2) иметь – только в перфектной форме; 3) долженствовать – только в перфектной форме + инфинитив; **number** 1) число, 2) численное превосходство – только в форме мн. ч.; **flower** 1) цветок; 2) цвет, краса, лучшая часть чего-либо (только в ед. ч.).

7) Объем разрешенных синтаксических функций: словозначения без ограничений vs с ограничениями синтаксических функций. Некоторым словозначениям разрешены не все синтаксические функции из полного их перечня, свойственного данному синтаксическому классу. В этом смысле такие словозначения не вполне свободны синтаксически. Ср. **pure** 1) чистый, однородный; 2) явный, pure mischief, nonsense, waste; **right** 1) правый, справедливый, верный; 2) такой, какой требуется; **absolute** 1) абсолютный, без ограничений, оговорок, исключений; 2) подлинный, несомненный. Во вторых значениях прилагательные не употребляются предикативно.

8) Круг синтаксических валентностей: словозначения с более широким vs менее широким кругом синтаксических валентностей. Словозначения могут отличаться тем, что набор синтаксических формул сочетаемости, свойственных одному словозначению, составляет лишь часть синтаксических валентностей, разрешенных другому. Предпочтительней статус последнего. В английском языке этот случай наиболее наглядно иллюстрируется обширным классом примеров – сочетаниями V prep. N. Для статутно ограниченных словозначений это нередко единственная синтаксическая формула (структура), в которой они реализуются, в то время как для словозначений с широким статусом – она лишь одна из многих. Ср. **lead** 1) вести, направлять; 2) приводить, иметь результатом, lead to smth; **stop** 1) останавливать(ся), прекращать движение; 2) останавливаться для временного проживания, stop at a hotel, etc.; **cut** 1) резать; колоть; 2) вмешиваться, cut into a dialogue и т. д.

В более общем случае предпочтителен статус словозначений с более мощным набором валентностей, независимо от того, включены или не включены валентности одного словозначения в валентности другого, пересекаются они или нет.

9) Объем лексических дистрибуций: словозначения с широкой vs узкой лексической дистрибуцией. Круг лексической сочетаемости (а также обобщенных формул этой сочетаемости = лексической валентности) у одного словозначения может составлять лишь часть другого. Предпочтителен, естественно, статус последнего. В общем случае можно просто сравнивать мощности двух дистрибуций, независимо от того, включены ли они одна в другую или нет, пересекаются они или нет.

Есть два рода правил, определяющих круг нормативной лексической сочетаемости словозначения в синтаксических структурах с подчинительной связью: импликационально-логические и коллокацион-

но-языковые. Поясним различие между ними на примере атрибутивных сочетаний «имя вещи + имя признака». Примем, что M — множество классов вещей, с которыми совместим признак P_1 и несовместим признак P_2 ; N_1, N_2, \dots, N_n — имена классов в множестве M , A_1 — имя P_1 , A_2 — имя P_2 (т. е. A_1 имеет значение P_1 , а A_2 — значение P_2). Условимся также, что P_1 относится к области слабого (свободного) импликационала имен N_1, \dots, N_n , а не к их интенционалам, жестким или сильно-вероятностным импликационалам. Что же касается несовместимого признака P_2 , то он принадлежит области негемпликационалов N_1, N_2, \dots, N_n . Сочетая N_1 и A_2 подчинительной связью, получаем в любом случае сочетание, логически не нормативное. Напротив, любое сочетание N_1 и A_1 с подчинительной связью между ними логически нормативно.

Однако импликационально-логической нормативности недостаточно, чтобы разрешить сочетание двух лексем в естественном языке. Объединение их подчинительной связью должно еще удовлетворять собственно языковым правилам лексической сочетаемости (лексемотактики), которые можно назвать вслед за О. С. Ахмановой коллокационными, или — приняв широкое понимание термина [см. Копыленко, Попова] — фразеологическими. В этом случае на сочетаемость лексем накладываются ограничения, дополнительные к импликационально-логическим. Ограничения эти не связаны с логикой сочетания концептов, они мотивированы устройством языка и его историей, сложившимися в нем системами корреляций между десигнаторами и десигнатами и отстоявшейся традицией употребления. Если таких дополнительных ограничений нет, то словозначение имеет полномощную сочетаемость, и о нем говорят, что оно фразеологически свободно. Если, напротив, в норме выявляются коллокационные запреты, не мотивированные импликационалом словозначения, то его сочетаемость неполномощна, и о нем говорят как о фразеологически связанном.

Очевидно, что при сравнении статусов словозначений важно оценивать их не только по мощности их лексических дистрибуций, но и по признаку полномощности vs неполномощности их лексической сочетаемости. В первом случае словозначение полностью реализует свой ономазиологический потенциал: имя способно назвать любой денотат из числа тех, для которых характерен признак, составляющий содержание словозначения. Во втором случае этот потенциал не может быть реализован полностью: имя называет меньше, чем могло бы, судя по значению. Это и составляет реальный смысл противопоставления свободных значений фразеологически связанным, указанного В. В. Виноградовым [Виноградов].

Для иллюстрации обратимся к словам с конверсивной энантиосемией, т. е. совмещающим в своих семантических структурах полярные конверсивные значения (см. § 2.3.4. этого раздела). Полярные конверсивные значения прилагательных различаются коллокационными ограничениями. Атрибутивное сочетание прилагательных с существительными представляет собой одну синтаксическую структуру, и семантические различия внутри нее связаны с семантикой сочетающихся слов. При этом если денотат существительного может обнаруживать оба полярных конверсивных признака P_+ и P_- (разумеется, в отношении к разным вещам), то прилагательное, отражающее в своей семантической структуре и P_+ , и P_- , в сочетаниях с таким существительным нормативно используется только в одном из полярных значений, а именно в том, которое является его главным (основным) статутно пре-

обладающим значением. Это значение прилагательного полномерно (свободно) в указанном выше смысле: прилагательное в этом значении может сочетаться с любым существительным, денотат которого способен обнаруживать данный признак.

То же прилагательное в полярном конверсивном значении употребляется только с существительными, денотаты которых способны обнаруживать лишь этот конверсивный признак, но не противоположный. Более того, в этом втором значении прилагательное, как правило, несвободно в сочетаемости и не исчерпывает всего круга классов денотатов, с которыми такой признак совместим; это его значение вторично, фразеологически связано, объем сочетаемости узок и ограничен установившейся традицией, семантическая модель не реализуется на полную мощность, это значение с неполномощной коллокацией.

Ср. *sad* | *печальный* 1) опечаленный; 2) печальный, наводящий печаль. *Sad* | *печальный*-1 сочетается с именами классов людей и полностью исчерпывает множество способных обнаружить этот признак (основное значение с полномоощной коллокацией). С теми же именами это прилагательное не употребляется во втором значении «наводящий печаль», хотя этот признак совместим с денотатами этих классов, *Печальный*-2 сочетается с именами классов неодушевленных вещей, неспособных принимать признак «опечаленный» (*news, result, event, lesson* и т. п.), но не охватывает полностью соответствующее множество: коллокация неполномощна, ее границы нечетки и определяются традицией, значение связано фразеологически. Сочетания *sad* | *печальный*-2 с конкретными неодушевленными существительными ощущаются как ненормативные, но это же справедливо относительно многих существительных других лексико-грамматических разрядов. Ср. *So she wistfully, sensitively sniffs the air! And then turns, goes off in slow sad leaps.* (D. H. Lawrence, 4-131).

Нарушение импликационально-логической нормы порождает бессмысленные сочетания. В осмысленных сообщениях оно лишь видимость и сигнализирует необходимость переосмыслить значения каких-то имен. Реально в осмысленных сообщениях нарушается не импликационально-логическая норма сочетания смыслов, а ономаσιологическая норма, норма обозначения (именования, называния): какие-то имена следует понимать не в их первичных прямых, а во вторичных переносных значениях. Возникающие при этом выразительные эффекты, основанные на ненормативной сочетаемости лексем, широко используются в поэтической (художественной, образной) речи.

Здесь же достаточно указать, что для тропеического осмысления слова не обязательно нарушать импликационально-логическую норму, но бывает достаточно отклониться от коллокационной нормы. Так, прилагательное в значении одного из полярных конверсивных признаков осознается как фигура речи в двух случаях: 1) это значение вовсе не представлено в семантической структуре слова, т. е. в его узусе, 2) значение это представлено в узусе слова, но с коллокационными ограничениями, которые в сочетании нарушены. В обоих случаях возникает фигура речи, которую следует отнести к метонимическим эпитетам, так как в основе именования лежит своеобразная «ассоциация по смежности» — импликация взаимодополнительных полярных признаков. Ср. эпитет *sad* в приведенном выше примере: троп основывается только на расширении коллокационной нормы прилагательного, так как значение «наводящий печаль» представлено в его семантической структуре.

Продолжим рассмотрение факторов, определяющих языковой статус словозначений.

10) Логические ограничения сочетаемости в результате взаимодействия словозначений: словозначения ограничивающие vs ограничиваемые. Если слово имеет значения с гипо-гиперонимической связью, то возможен такой случай, что словозначение-гипоним накладывает логические ограничения на лексическую сочетаемость словозначения-гиперонима, запрещая те сочетания, которые ложны или логически некорректны для словозначения-гипонима. В таком случае явно предпочтителен статус гипонимического словозначения. Например, *man* обнаруживает значения 1) мужчина, 2) человек. В силу воздействия первого значения словозначению *man* 'человек' запрещены сочетания вроде **A woman is a man* или **Here is Mrs Smith, the man we spoke about*. Употребление *man*-2 ограничено общей соотнесенностью (высказываниями общего смысла о классах типа *Man is mortal*).

Ограничения этого рода возможны и при импликационной связи словозначений «часть — целое». Значение части может быть настолько более ярким в семантике слова, что запрещает сочетания того же слова в значении целого, если эти сочетания ложны или некорректны относительно первого словозначения. Ср. в русском языке: *день* 1) светлая часть суток; 2) сутки. Не вполне корректно выражение «*день* (m_2) — это *сутки*», поскольку оно алогично относительно «*день*» (m_1). Однако выражения с «*день*» (m_1): «*день* — это часть суток», «*день, ночь* — *сутки* прочь» и т. п. представляются вполне корректными. Разрешены те выражения с «*день*»-2, которые справедливы и для «*день*»-1: «*прошли* еще три *дня*». Такое неравенство в статусе «*день*»₁ и «*день*»₂ связано с тем, что русский язык располагает еще словом «*сутки*». Последнему нет *vis-a-vis* в английском, и *day*, 'светлая часть суток' — *day*₂ 'сутки' имеют приблизительно равный статус.

Это простейшие случаи ограничения лексической сочетаемости в результате взаимодействия значений одного слова. Предстоит еще исследовать весь круг зависимостей между разрешенной сочетаемостью словозначения, его содержательными связями с другими словозначениями и его статусом в семантической структуре слова и системе номинативных средств языка. Круг этих зависимостей, по-видимому, шире, чем здесь намечено. Проблема имеет также генетический аспект: несомненно, что возможная двусмысленность и алогичность сочетаний сдерживают семантическое развитие слова, ограничивают возможность появления определенных словозначений, ограничивают полноту использования словоизменительных, словообразовательных и словосочетательных парадигм и, как минимум, ограничивают круг разрешенной лексической сочетаемости словозначения.

11) Набор десигнаторных вариантов словозначения: словозначения с десигнаторными вариантами vs без вариантов. В одних значениях слово не имеет десигнаторных вариантов (обычный случай), в других располагает ими (редкий, но возможный случай). Ср. *Scotch* 1) шотландский (варианты: *Scots, Scottish*); 2) пуританский, суровый; 3) скупой, прижимистый. Варианты-аббревиатуры имеются обычно у статусно «видных» словозначений и отсутствуют у второстепенных: *professor* насчитывает 7 значений, но только в двух сокращается до *prof* 1) профессор; 2) учитель.

Этот признак мало существенен, но при равенстве прочих факторов предпочтителен статус словозначения, имеющего десигнаторные вари-

анты. Ср. также *русск.* елка 1) вид дерева (вариант: ель); 2) новогодний праздник с елкой-1.

Последние два фактора касаются только существительных.

12) Употребление в функциях репрезентации и дефиниции денотата: словозначения, для которых характерны обе функции, *vs* словозначения, которым более свойственна одна дефинитивная функция. Переносным метафорическим словозначениям свойственна не столько репрезентация денотата, сколько его описание. Это было замечено В. В. Виноградовым, который, впрочем, несколько узко квалифицировал это явление, сводя его к синтаксической функции предикатива [Виноградов, 184]. Фактически же следует говорить о преобладании семиотической дефинитивной функции. Имя в этой функции может выступать не только как предикатив, но и как приложение, определение и сравнение. Более того, в определенных условиях имя несет только дефинитивную функцию независимо от того, какова его синтаксическая функция. Таковы, например, первые имена в выражениях, вроде *the snake of a tail* † *флейты водосточных труб*.

Предпочтителен статус словозначения, не ограничиваемого в семиотических функциях. Это одна из причин, почему переносные метафорические значения вторично сравнительно с прямыми. Как количественно выражено ограничение семиотических функций? Было бы ошибкой сводить дело к абсолютному численному преобладанию одной функции над другой. Очевидно, тут действуют относительные показатели: надо вычислить распределение словозначений в текстах по двум функциям и затем сравнить показатели переносного значения с соответствующими показателями того же слова в прямом значении и показателями другой единицы, для которой переносное значение первого слова является ее прямым значением, ср. *ass* 1) осел, вид животного; 2) осел, дурак; *toad* 1) жаба, вид земноводного; 2) жаба, мерзкий человек.

«Репрезентативная недостаточность» переносных словозначений, их «дефинитивная специализация» наглядно проявляются при первичном именовании денотатов в сообщениях, особенно при введении в речь денотатов, не мотивированных контекстом и ситуацией речи.

13) Употребление в частной и общей соотнесенности: словозначения, которым одинаково свойственна и общая, и частная соотнесенность, *vs* словозначения, которым менее свойственна общая соотнесенность. Наричательное существительное в высказывании может репрезентировать или класс (общая соотнесенность существительного) или индивидуальных представителей класса (частная соотнесенность). Переносным словозначениям нарицательных имен не свойственно употребление в общей соотнесенности. Репрезентация класса в высказываниях общего смысла для них не нормативна. Ср. *sheep* 1) овца, баран, *sheep feed on grass*; 2) робкий, застенчивый человек (нормативно: *sheep are easily embarrassed*). В силу ненормативности использование переносных словозначений в общей соотнесенности создает дополнительный выразительный эффект (например комический, как в приведенном примере).

Таковы соотносительные собственно языковые (*vs* содержательные) признаки, определяющие в совокупности статус словозначения в семантической структуре слова и системе номинативных средств языка. Нами, по-видимому, отмечены лишь главные из них. Представляется перспективным дальнейшее исследование с целью расширить и уточнить перечень признаков языкового статуса словозначений, установить их взаимозависимости (эквивалентности), а также установить, что в них

универсально, а что носит частный характер и зависит от особенностей строя конкретных языков и, более того, от особенностей отдельных разрядов слов. Исследования такого рода проливают свет на то, как устроена семантическая структура слова и как организована система номинативных средств языка. Наконец, они имеют тесное отношение к уяснению психолингвистических механизмов порождения речи (выбор слова) и ее понимания (осмысление слова).

3.3. Нетрудно видеть, что статутные признаки словозначения прямо связаны с проблемой выявления главных (основных) и второстепенных значений в семантике слова, а точнее — с проблемой соотносительной ранжировки значений одного слова.

3.3.1. Десигнатор многозначного слова связан с несколькими десигнатами (концептами). Эти связи могут быть равноценными или неравноценными относительно их предпочтительности. Вопрос еще не изучен должным образом, но имеющиеся исследования заставляют предполагать, что преобладает второй случай, т. е. одному словозначению обычно отдается предпочтение перед другими в равных условиях актуализации при отсутствии речевой установки. Для обеспечения таких условий в эксперименте необходимо предъявлять слова вне всякой контекстуальной и ситуационной обусловленности. При этом, как правило, с очевидностью обнаруживается достаточное единообразие и стабильность результатов эксперимента у разных информантов, хотя и возможны отклонения в зависимости от пола, возраста, профессии информантов и других факторов, при достаточной лингвистической однородности информантов (т. е. при достаточной тождественности языковой системы их диалектов) все они отдают предпочтение одним и тем же словозначениям. Такие словозначения принято называть главными, или основными.

Таким образом, различие главного и второстепенных значений состоит в степени актуализации связи десигнатора и десигната в условиях равной речевой мотивированности (точнее, в отсутствие речевой мотивации, при снятой речевой установке). Что определяет уровень этой актуализации, степень предпочтения одного десигната другому? Очевидно, они определяются по сумме статутных признаков словозначения. Для нас должно быть ясно, что градуирование значений многозначного слова по главенству — это суммарное, итоговое выражение статуса словозначений. Основанием разграничения главного и второстепенных значений является различие в их языковом статусе, в наборах, определяющих этот статус признаков.

3.3.2. Выше были рассмотрены собственно языковые (не содержательные) основания статутных признаков. К ним следует добавить еще два противопоставления: словозначения конкретные vs абстрактные и словозначения с большим vs меньшим числом содержательных связей в семантической структуре слова. Это уже оппозиции содержательного плана. Первая опирается на фундаментальную особенность сознания: абстрактные концепты возникают на базе конкретных в результате отвлечения признаков или обобщения по признакам. Будучи исходной, идея конкретного отработана в сознании с большей четкостью и яркостью. При равных условиях конкретное значение с большей силой «навязывается» слову, с большей легкостью всплывает в памяти. Поскольку проблема главного и второстепенных значений — это проблема преимущественного «права на десигнатор», то признак конкрет-

ности — абстрактности оказывается существенным для соотносительной характеристики словозначений.

Второе противопоставление основывается на числе содержательных связей словозначений в семантической структуре слова. Иные значения имеют семантические части, общие с большим числом других значений того же слова, а иные — с меньшим. Первые занимают центральную позицию в семантике слова, вторые — периферийны. Это хорошо видно на графах семантической структуры слов, см. § 2.5.2. этого раздела, например, у слова *green* центральны значения 1, 8 (6 связей) и периферийны 2, 3 (1 связь), 4 (2 связи) и др. Можно полагать, что этот признак также сказывается на соотносительной оценке словозначений. Чем больше семантических связей, тем актуальнее связь десигнатора с таким десигнатом: актуализация многих периферийных значений слова всегда сопряжена с актуализацией понятий — частей одного и того же десигната.

3.3.3. Имеются, таким образом, следующие основания соотносительной характеристики словозначений: 1) способ номинации; 2) референционная достаточность; 3) частотность; 4) мотивированность морфологической структурой десигнатора (соответствие «внутренней форме» десигнатора); 5) полнота словообразовательных рядов (парадигм), объем словообразовательных гнезд, суммарная частотность слов словообразовательного гнезда; 6) полнота формообразовательных парадигм; 7) объем разрешенных синтаксических функций; 8) круг синтаксических валентностей; 9) объем и полномощность лексической сочетаемости; 10) логические ограничения сочетаемости в результате взаимодействия словозначений; 11) наличие десигнаторных (формальных) вариантов словозначений; 12) употребление в семантических функциях репрезентации и дефиниции денотата; 13) употребление в частной и общей соотнесенности; 14) степень конкретности — абстрактности словозначений; 15) число содержательных связей в семантической структуре слова.

По каждому основанию словозначение может получить положительную или отрицательную оценку, а именно: 1) прямое *vs* переносное; 2) референционно достаточное *vs* недостаточное; 3) более *vs* менее частотное; 4) мотивированное структурой десигнатора *vs* немотивированное; 5) имеющее более полный *vs* менее полный словообразовательный ряд (парадигму), большее *vs* меньшее словообразовательное гнездо, большую *vs* меньшую суммарную частотность слов такого гнезда; 6) имеющее полную *vs* недостаточную парадигму формообразования; 7) не ограниченное *vs* ограниченное в репертуаре синтаксических функций; 8) имеющее более *vs* менее широкий круг синтаксических валентностей; 9) имеющее более *vs* менее широкую лексическую дистрибуцию, полномощную *vs* неполномощную лексическую сочетаемость; 10) ограничивающее лексическую сочетаемость другого словозначения *vs* ограничиваемое в сочетаемости; 11) имеющее десигнаторные варианты *vs* не имеющее их; 12) не ограничиваемое *vs* ограничиваемое в функции репрезентации единичного и 13) класса; 14) конкретное *vs* абстрактное; 15) центральное *vs* периферийное в содержательной структуре слова.

Соотносительный статус словозначения определяется всей совокупностью признаков. Если два словозначения при равенстве прочих признаков отличаются по одному основанию, то главным является то словозначение, у которого соответствующий признак положителен, а второстепенным — то, у которого этот признак отрицателен. Практически, однако, приходится иметь дело с гораздо более сложной картиной: статутные признаки сравниваемых словозначений не равны по несколь-

ким основаниям, их совокупность содержит как положительные (левые), так и отрицательные (правые) признаки. В подобных случаях словозначения оцениваются, очевидно, по суммарным соотношениям положительных и отрицательных признаков. Одному словозначению отдадут предпочтение перед другими, и оно ощущается в языковой интуиции («чувстве, чутье языка») как главное, как значение десигнатора *par excellence*, если, сравнительно с другими словозначениями, совокупность его статутных признаков обнаруживает заметный суммарный перевес положительных признаков.

3.3.4. Статутные признаки неравноценны для ранжировки словозначений. Можно полагать, что определяющими являются а) способ номинации, б) референционная самодостаточность, в) частотность, г) словообразовательные связи (основание 5 в перечне), д) синтагматические лексические связи (основание 9) и е) конкретность — абстрактность значения. Остальные признаки «срабатывают» во вторую очередь, когда определяющие признаки вступают в конфликт и не отдают явного предпочтения какому-то одному словозначению в общей «очереди на десигнатор».

3.3.5. Поясним примерами предлагаемую методiku выявления ранжировки словозначений. На таблице 3 буквы в левом вертикальном ряду обозначают основания в перечисленном выше (§ 3.3.4.) порядке, в горизонтальном ряду указаны следующие слова и значения: **deep** 1) глубокий, не мелкий; 2) глубокий, серьезный, основательный; **extinguish** 1) гасить (огонь, свечу и т. п.); 2) гасить, подавлять (чувства, надежду); **fire** 1) огонь, пламя; 2) огонь, стрельба; **grunt** 1) хрюкать; 2) ворчать; **heat** 1) жара, зной; 2) жар, пыл, горячность; **heaven** 1) небо, небесный свод; 2) небеса, царство небесное; **hunger** 1) голод, голодание; 2) потребность; **install** 1) официально вводить в должность; 2) устанавливать, монтировать. Знак + указывает на положительный (левый) признак, знак — отмечает отрицательный (правый) признак, х означает приблизительное равенство словозначений по данному основанию, (+) указывает на несущественное преобладание по данному признаку. Наконец, при пустых клетках оценка словозначений по какому-то основанию не производилась.

Учтены словообразовательные связи: **deep** *adj*, **deep** *n*, **deep** *adv*, **depth**, **deepen**, **deepie**, **deeping**, **deeply**, **deepest**, **deepness**, а также сложные слова (в целом незначительное преобладание по линии **deep**); **extinguish**, **extinguishable**, **extinguished**, **extinguisher**, **extinguishment** (преобладание по линии **extinguish**); **fire** *n*, **fire** *v*, **fireless**, **firer**, **firing** (оба значения равноценны) и сложные слова (определенное преобладание по линии **fire**); **grunt** *v*, **grunt** *n*, **grunter**, **grunting** *n*, *adj*, **gruntingly**, **gruntle**, **gruntling** (оба значения равноценны); **heat** *n*, **heat** *v*, **heated**, **heatedly**, **heater**, **heating** *n*, *adj* и сложные слова (по линии **heat**); **heaven**, **heavenlike**, **heavenly** *adj*, *adv*, **heavenward(s)** и сложные слова (преобладает линия **heaven**); **hunger** *n*, **hunger** *v*, **hungered**, **hungry**, **hungrily** и сложные слова (некоторое преобладание по линии **hunger**); **install**, **installation**, **instal(l)ment** (оба значения приблизительно равноценны).

Из таблицы видно, что по совокупности признаков выявляются как главные в словах **deep**, **extinguish**, **heat**, **hunger** первые значения, в словах **heaven**, **install** — вторые. Напротив, в **fire** и **grunt** нет оснований полагать какое-либо из двух значений главным, статутно они приблизительно равноценны.

Указанная методика имеет смысл не столько в целях выявления главного и второстепенного значений — это может быть сделано в

ассоциативном эксперименте, — сколько для интерпретации данных, получаемых в ассоциативных экспериментах, а именно для выяснения причин, на основании которых одному значению отдается предпочтение перед другими. Выявляется, таким образом, то, что лежит в основе «чувства языка» применительно к семантическим структурам слов.

Таблица 3

Основания	deep	extinguish	fire	grunt	heat	heaven	hunger	install
	1 2	1 2	1 2	1 2	1 2	1 2	1 2	1 2
а	+ -	+ -	x x	+ -	+ -	+ -	+ -	x x
б	x x	x x	x x	x x	x x	x x	+ -	- +
в	x x	x x	x x	x x	(+) (-)	- +	+ -	- -
г	(+) (-)	+ -	(+) (-)	x x	+ -	- +	(+) (-)	x x
д	x x	x x		- +	+ -	x x	- +	- +
е	+ -	+ -	x x	x x	+ -	x x	(+) (-)	- +

Если справедливо, что статус словозначения оценивается по сумме признаков, не по одному, а одновременно по нескольким основаниям, то вполне естественным оказывается то реально наблюдаемое положение, что в семантических структурах разных слов степень предпочтительности словозначений и яркость выявления главного значения варьирует в широком диапазоне: от явного преобладания одного значения над другим до полного равенства словозначений, когда ни тому, ни другому нельзя отдать заметного предпочтения. И при наличии главного значения оно выявляется всякий раз с различной яркостью, равно как различна и «затененность» неглавных значений. Так, приняв следующие оценки: $+/- = +2/-2$, $(+)/(-) = +1/-1$, $x = 0$, получим следующую градацию яркости главных значений: $heat_1 (9) - install_2 (8) - extinguish_1 (6), hunger_1 (6) - deep_1 (5) - heaven_2 (2)$.

Методика в изложенном виде позволяет построить иерархию предпочтительностей словозначений лишь посредством попарного их сопоставления. Если бы мы захотели одновременно градуировать все словозначения многозначного слова по их «главенству» при данном десигнаторе, то для этого потребовались бы количественные оценки признаков по каждому основанию и знание пороговых величин, т. е. диапазонов количественного изменения, за пределами которых оно становится релевантным и «ощущается». Это чрезвычайно сложная и трудоемкая задача, и вряд ли она может быть выполнена в полном объеме, по крайней мере в настоящее время. Дело в том, что уже в изложенном виде методика сопоставительных оценок статутных при-

знаков словозначений наталкивается на ряд трудностей. Трудности эти состоят в том, что 1) не вполне уяснены понятия конкретного и абстрактного значений, неизвестны критерии степени конкретности — абстрактности значений и тем более неизвестна какая-либо методика количественной оценки словозначений по этому основанию; 2) не вполне уяснены понятия прямого и переносного значений и неизвестна убедительная методика установления такого соотношения между словозначениями и тем более количественного определения степени зависимости переносного значения от прямого; 3) отсутствуют достаточные данные о частотности словозначений, тем более что в идеальном случае следовало бы учитывать не просто частотность словозначения, а суммарную частотность всех словоформ, однокорневых производных и сложных слов, а также словосочетаний, связанных с рассматриваемым словозначением; 4) не всегда ясны границы разрешенной и запрещенной сочетаемости, объем лексической и синтаксической валентности и даже объемы словообразовательных рядов; более того, не всегда можно с уверенностью сказать, разрешены или запрещены те или иные словоформы в парадигме словозначения; к тому же все эти вопросы еще не обследованы и не изучены с достаточной полнотой; 5) зачастую сложно установить степень референционной самодостаточности словозначения, т. е. определить, насколько императивна потребность в вербальных уточнителях для десигнатора в данном значении.

И, наконец, следует указать на главную трудность — сложность демаркации полисемии, так что иногда приходится сопоставлять словозначения без должной убежденности в том, что сравниваешь то, что нужно.

Эти трудности, однако, не отменяют реальности всех отмеченных категорий и понятий. Они существуют объективно и определяют реальные различия в психолингвистическом и собственно языковом статусе словозначений. Приближенные оценки, согласующиеся с данными эксперимента, например ассоциативного, могут быть достаточными и показательными для соотносительной оценки словозначений по их статусу в семантической структуре слова и в системе номинативных средств языка.

ГЛАВА II

КОМБИНАТОРИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

Вводные замечания

Настоящая глава посвящена области семасиологии, еще не получившей общепризнанного наименования. Речь идет о взаимодействии лексических значений слов в словосочетаниях, о закономерностях «сложения смыслов» отдельных полнозначных слов (имен), объединяющихся в сложные номинативные единицы, о соотношениях между значениями имен-компонентов и значением целого сочетания.

Отсутствие общепринятого обозначения показательно: в лингвистике до сих пор нет достаточно разработанной теории, соответствующей этой предметной области. Хотя задача разработки теории «сложения смыслов» и общее направление этой разработки были достаточно четко сформулированы Л. В. Щербой еще в 1931 г., попытки этого рода были предприняты не ранее 60-х годов. На это есть несколько причин, и прежде всего недостаточность лингвистических представлений о значении, его типологии и структуре, с одной стороны, и недостаточная разработанность синтаксической теории, с другой.

Наша задача состоит в исследовании основных закономерностей взаимодействия лексических значений слов в словосочетаниях на английском материале (для сравнения приводятся также аналогичные русские примеры). Соответствующий раздел семасиологии будем называть комбинаторной семасиологией, а предметную область обозначим, вслед за У. Вейнрейхом, как «комбинаторную семантику» [Вейнрейх, 189]. Говоря о самом взаимодействии лексических значений, будем также пользоваться термином «семантическая комбинаторика» (иногда, для краткости, просто «комбинаторика»). Таким образом, термин «комбинаторная семантика» описывает результат действия комбинаторно-семантических правил, а «семантическая комбинаторика» — само их действие.

Взаимодействующие лексические значения не исчерпывают, а составляют лишь часть общей семантики словосочетания, в которую помимо этого входят также грамматические значения и, в частности, синтаксические значения. Совокупная семантика словосочетания является предметом синтаксической семасиологии. Соответственно комбинаторная семасиология есть раздел синтаксической семасиологии, рассматривающий один из аспектов совокупной семантики словосочетаний, а именно взаимодействие лексических значений входящих в сочетание слов.

Нами исследуется преимущественно семантическая комбинаторика в бинарных подчинительных свободных словосочетаниях, но при необходимости учитываются также и семантические связи слов в более широких окружениях (в синтаксических структурах большей сложности). Этого в принципе достаточно для выявления самых общих закономерностей комбинаторики. Под словосочетанием понимается сочетание знаменательных (полнозначных) слов. Оно, понятно, может включать и служебные слова, но не на правах компонента того же уровня, что знаменательные слова. Иногда — в основном по стилистическим соображениям — говорится не «словосочетание», а «сочетание».

«сложное выражение», хотя два последних термина имеют, вообще говоря, более общий смысл: всякое синтагматическое соединение значимых единиц любого уровня есть сочетание, и всякое синтаксическое соединение слов есть сложное выражение.

Помимо комбинаторной и синтаксической семасиологии есть еще одна дисциплина, также имеющая своим предметом словосочетание. Речь идет о фразеологии (в широком понимании термина), или лексемотактике¹. Каждая из трех дисциплин занимается своим аспектом словосочетания. Первые две заняты значением, т. е. рассматривают словосочетания со стороны означаемого. Поскольку означаемое словосочетания обнаруживает структуру, в которой выявляются, с одной стороны, сочетающиеся лексические значения, а с другой — соединяющее их синтаксическое значение, это побуждает разграничить предметы комбинаторной (комбинаторно-лексической) и синтаксической семасиологии. Фразеология, или лексемотактика, рассматривает словосочетание со стороны обозначающего, т. е. обращена к сочетанию не лексических значений, а их десигнаторов — лексем. Предмет лексемотактики составляют не содержательно-языковые, а формально-языковые правила сочетаемости слов, проявляющиеся в виде собственно языковых норм и ограничений, не мотивированных импликационалом слова.

Коротко говоря, лексемотактика занимается коллокационными правилами сочетаемости слов.

Экспликационные и элизионные словосочетания

§ 1. Экспликационные сочетания, отношение экспликации и его аргументы: экспликандум и экспликант. § 2. Элизионные сочетания: общее представление (2.1), условия неравнозначности сочетаний (2.2.), вектор синтаксической зависимости и семантика сочетания (2.3.), определение и виды элизионных сочетаний (2.4.), выводы к § 2 (2.5.). § 3. Заключение.

§ 1. В комбинаторно-семантическом плане существенно различать два рода словосочетаний: экспликационные и элизионные. Экспликационными называем подчинительные словосочетания, в которых денотаты имен соотносятся как вещь и ее признак (свойство или отношение). Семантико-синтаксическое отношение имен в таком подчинительном сочетании называем отношением экспликации, а аргументы этого отношения соответственно экспликандумом (имя вещи) и экспликантом (имя признака). Вектор экспликации направлен от имени признака к имени вещи и не меняется при смене вектора синтаксического подчинения (т. е. вектора формально-синтаксической зависимости). Например, сочетания «белый снег, снег бел, белизна снега» — экспликационные, и в них имя вещи «снег» — экспликандум, а имена признака этой вещи «белый, бел, белизна» — экспликанты. Как видим, экспликационное словосочетание не то же самое, что атрибутивное (определятельное), поскольку экспликацией описываются глубинно-синтаксические отношения (отношения денотатов) и тут не существенно, какое

¹ Фразеология в узком смысле термина ограничивает свой предмет специальными типами словосочетаний: идиоматическими, устойчивыми и т. п. Фразеология в широком понимании включает в свой предмет любого рода сочетания, исследуя их с точки зрения сочетаемости лексем (а не лексических или синтаксических значений). См. [Копыленко, Попова].

Чтобы избежать смешения узкого и широкого смыслов термина, можно во втором смысле говорить о лексемотактике.

из двух слов подчинено другому и является ли их связь непредикативной или предикативной. Важно лишь, чтобы денотаты имен соотносились как вещь и ее признак. Ср. также «дети спят, спящие дети, сон детей» и т. п.

Признаки-свойства выражаются одноместными предикатными словами (в первую очередь глаголами и прилагательными). Признакам-отношениям соответствуют многоместные предикаты (в первую очередь глаголы, отчасти также прилагательные), т. е. предикаты, указывающие более одного аргумента. В этом случае экспликационное отношение отмечается в каждой паре «имя вещи (аргумента) — имя признака (отношения)». Например, в выражениях-трансформах «писатель пригласил детей», «писатель, пригласивший детей», «дети, приглашенные писателем», «приглашение детей писателем» экспликационное отношение обнаруживается не только между предикатными словами с идеей приглашения и именем первого аргумента — субъекта (писатель), но и между предикатными словами и именем второго аргумента (дети), т. е. не только в случаях «писатель пригласил (детей)», «писатель, пригласивший (детей)», «приглашение писателем (детей)», но и в случаях «(писатель) пригласил детей», «дети, приглашенные (писателем)», «приглашение детей (писателем)».

§ 2. Но кроме экспликационных возможны еще двучленные подчинительные словосочетания иного семантико-синтаксического типа, называемые элизионными сочетаниями.

2.1. К этому типу относятся весьма обычные и распространенные словосочетания вроде «отец матери», «отец солдата», «винтовка солдата», «отцов пиджак», «мать солдатская», «приток реки», «город у озера», «озеро у города» и т. п. Хотя зависимое слово в таких сочетаниях и называют определением, а все сочетание определительным (атрибутивным), очевидно, что зависимое слово не называет признак денотата главного слова. Скорее оно называет другую вещь, известное отношение к которой составляет признак денотата главного слова. Иначе говоря, денотат специфицируется через отношение, но так, что само отношение не названо отдельным именем, а назван другой аргумент отношения как спецификатор первого.

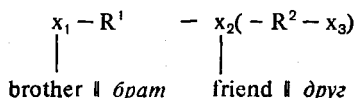
Следует несколько подробнее рассмотреть семантико-синтаксические особенности этого типа словосочетаний.

2.2. Два словосочетания могут различаться только лексическими значениями входящих в них слов, и тогда они семантически различны, ср. *mother's neighbour* | *подруга матери* и *father's neighbour* | *подруга дочери*. Два словосочетания могут различаться только синтаксическими значениями входящих в них слов, и тогда они семантически также различны, ср. *letter to John* | *письмо отца*, *letter from John* | *письмо отцу*. Наконец, два сочетания могут различаться только вектором содержательной логико-синтаксической зависимости (направлением экспликации), и тогда они также семантически различны, ср. *mother's neighbour* | *подруга матери* и *neighbour's mother* | *мать подруги*, *friend's brother* | *брат друга* и *brother's friend* | *друг брата*.

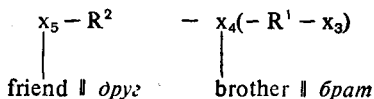
2.3. Последний случай особенно интересен с точки зрения синтаксической семасиологии (подробный анализ см. ниже) и наглядно показывает, что направление экспликации столь же семантически релевантно, как и сами лексические и грамматические (синтаксические) значения,

содержащиеся в словосочетании. Это и понятно, если учесть конфигурационную природу семантики подчинительного сочетания.

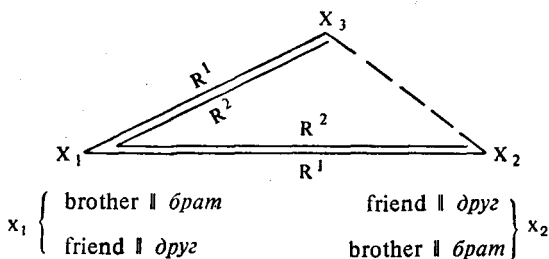
На роль вектора синтаксической зависимости в семантике словосочетания справедливо указано С. Д. Кацнельсоном (С. Д. Кацнельсон говорит о «направлении сращения значений» [Кацнельсон (2), 179–180]). Однако приводимые им примеры «желтый цветок — желтизна цветка, хозяин дома — дом хозяина, белый снег — белизна снега, человек долга — долг человека» не вполне показательны. Дело в том, что парам соотносительных сочетаний такого рода соответствует одинаковое «обстояние дел» на денотативном (семантическом) уровне: отношения денотатов не меняются, и каждый раз отражается одна и та же онтологическая картина, одно и то же положение дел (ситуация) в предметном мире. Меняется лишь, так сказать, угол освещения. Более доказательными могут быть такие примеры, в которых пары сочетаний, никак не отличающаяся семантическими составами компонентов, описывали бы разные ситуации в предметном мире за счет различия в векторе синтаксической зависимости. Именно такой характер имеют выражения вроде *friend's brother* — *brother's friend*, *brother's fiancée* — *fiancée's brother*, *family's friend* — *friend's family*, *mother's enemy* — *enemy's mother*, *sister's employer* — *employer's sister*, *son's teacher* — *teacher's son* || *брат друга* — *друг брата*, *невеста брата* — *брат невесты*, *друг семьи* — *семья друга*, *враг матери* — *мать врага*, *жених сестры* — *сестра жениха*, *учитель сына* — *сын учителя* и т. п. В самом деле, сочетанию *friend's brother* || *брат друга* обычно соответствует ситуация:



где x_1 , x_2 , x_3 — разные денотаты (вещи), R^1 — отношение родства, R^2 — отношение дружбы. *Brother's friend* ‘друг брата’ описывает ситуацию с другим соотношением и иными участниками:



хотя бы в обоих случаях и был сохранен один и тот же x_3 . Двум рассматриваемым выражениям соответствовало бы одинаковое «обстояние дел» только при следующем условии:



Сравнительно с семантическими составами отдельных слов *brother* || *брат* и *friend* || *друг* в словосочетаниях *friend's brother* || *брат друга* и *brother's friend* || *друг брата* возникает дополнительный семанти-

ческий компонент — некоторое отношение. Сочетания содержат некоторое семантическое приращение сверх суммы значений компонентов. Обнаруживается, что это семантическое приращение в обоих случаях различно, в первом — это отношение родства, а во втором — дружбы. Единственное различие в десигнаторах двух сочетаний, обеспечивающее разное их осмысление, состоит в векторе зависимости.

Если теперь сопоставить пары сочетаний, вроде *yellow flower — (the) yellowness of the flower, rising prices, prices rise — the rise of prices* || *желтый цветок — желтизна цветка, растущие цены, цены растут — рост цен* и т. п., т. е. выражения, находящиеся в трансформационном отношении, то в них 1) описывается одинаковое «обстояние дел», 2) сочетания не содержат какого-либо синтаксико-семантического приращения сверх суммы значений компонентов. Объяснение, очевидно, состоит в том, что выражения *yellow flower — (the) yellowness of the flower, rising prices — prices rise* || *желтый цветок — желтизна цветка, растущие цены — рост цен* и т. п. референционно соответствуют вещам и их свойствам, в то время как выражения *friend's brother — brother's friend* || *брат друга — друг брата* описывают отношения между вещами.

2.4. Если справедливо, что в сочетаниях *friend's brother* || *брат друга* и *brother's friend* || *друг брата* выражены два разных семантико-синтаксических отношения: родства и дружбы, то возникает вопрос, как выражены эти отношения, в каких компонентах этих структур они содержатся. Естественно, мы не можем приписать их как содержание вектору зависимости или окончанию притяжательного/родительного падежа (в иных случаях порядку слов, как, например, в *англ. pot flower — flower pot* или предлогам, как в случаях *the water in the glass — the glass in the water* || *вода в стакане, стакан в воде* и т. п.). Напрашивается парадоксальный, на первый взгляд, ответ: в сочетаниях типа *friend's brother* || *брат друга* семантико-синтаксическое отношение двух денотатов выражено главным словом словосочетания. На самом деле никакого парадокса здесь нет. Если, допустим, имеются вещи x_1 и x_2 , связанные отношением R , то можно построить высказывание об этой ситуации, обозначив элементы ситуации именами: $x_1 - N_1, x_2 - N_2, R - N_3$. При этом нет необходимости квалифицировать x_1 и x_2 по отношению к R , так как такое высказывание было бы плеонастично, ср., например *англ. the employer employed the employees* || *встречающий встречал встречаемых* и т. п. Информативным будет такое высказывание, в котором x_1 и x_2 квалифицированы вне отношения R , например, *the pilot met his fiancée* || *летчик встретил невесту*, или обозначены каждый своим именем собственным, например, *Pete met Mary* || *Иван встречал Марью* или x_1 met || *встречал* x_2 . Поскольку ситуация $x_1 R x_2$ сама может выступить как элемент более сложной ситуации, существует потребность в непредикативных выражениях для $x_1 R x_2$. При этом в естественном языке, наряду с выражениями типа *(the) author admitting his mistake — (the) mistake admitted by the author — (the) admission of the mistake by the author — the admission of the mistake — the author's admission* || *автор, признающий ошибку — ошибка, признаваемая автором — признание ошибки автором — признание ошибки — признание автора* и т. п., где отношение и его аргументы (последние — с разной степенью полноты) названы эксплицитно, возможен также класс выражений с лексической элизией отношения, ср. *the pilot married a stewardess — the stewardess's husband, the pilot's wife; the soldier defended his country — the defender of the country (the country's defender); the author makes a mistake — the author's mistake;*

the driver has a new car — the driver of a new car, the driver's new car; the town is situated near the lake — the town near the lake, the lake near the town || *летчик женится на учительнице — жених учительницы, невеста летчика; солдат защищает Родину — защитник Родины; школьник сочиняет стихи — стихи школьника; водитель работает на новой машине — водитель новой машины, новая машина водителя; город расположен близ озера — город близ озера, озеро близ города* и т. п.

Под выражениями с лексической элизией отношения (элизийными сочетаниями) мы понимаем такие незлиптические выражения о вещах (аргументах) x_1 и x_2 , связанных отношением R, в которых отсутствует однозначное имя отношения R, а есть лишь однозначные имена аргументов, связанные подчинительной связью. Если, например, x_1 — book || книга, x_2 — brother || брат, R — принадлежать, то brother's book || книга брата — выражение с лексической элизией имени R.

Заметим, что если отношение между x_1 и x_2 несимметрично и, следовательно, статус x_1 и x_2 в отношении R различен (ср., например, различия в статусе агента — объекта — инструмента — посредства — адресата и т. д. одного и того же отношения действия), то лексическая элизия имени отношения не освобождает от необходимости как-то выразить статус аргументов в отношении R (ср. brother's letter, (a) letter to (my) brother, (a) letter about (my) brother, (a) letter with (my) brother || *письмо брата, письмо брату, письмо о брате, письмо у брата* и т. п.).

Как выражено отношение при лексической элизии имени R? Возможны три случая. Во-первых, и x_1 и x_2 могут быть квалифицированы по отношению R, т. е. описываются именами классов, образуемых этим отношением, ср. liar's lie, commander's command, lender's loan, herdsman's herd, playwright's play, (her) son's mother || *муж своей жены* (название спектакля), *автор сочинения, мать своих детей* (название спектакля), *слуга двух господ* (название пьесы), *водитель автомобиля* и т. п. Нетрудно видеть, что сочинения такого рода плеонастичны, так как один аргумент отношения с необходимостью имплицитирует другой.

Во-вторых, один из аргументов отношения квалифицируется (описывается) по этому отношению, а другой назван вне этого отношения, ср. soldier's mother, pilot's fiancée, dog's master, (the) addressee of (the) letter, leader of masses, student of human nature, fortune hunter, speech recipient, fish cannery, hay spreader, cattle-breeder, taxi-driver, stock-holder || *мать солдата, невеста летчика, хозяин собаки, адресат письма, властитель душ и чувств народных, знаток фольклора, собиратель сказок, приток Волги, защитник Ленинграда, член правительства, председатель комитета, солдатская вдова (мать)* и т. д. и т. п. Нетрудно видеть, что отношение «задается» главным словом сочетания, которое и называет один из аргументов отношения, и квалифицирует (описывает) это отношение, в то время как зависимое слово сочетания квалифицирует другой аргумент вне отношения к первому или называет его именем собственным. Падежные окончания или иные синтаксические показатели (формы согласования, порядок слов) при этом к выражению отношения непосредственно не причастны, они лишь помогают определить главное слово, содержащее квалификацию отношения аргументов.

Поскольку именно главное слово «задает» отношения аргументов, то перемена мест имен в таких выражениях часто дает бессмысленные сочетания: *the river of (the) tributary, *the Ohio of the tributary || **река притока*, **Волга притока*. Транспозиция дает значимые выражения, только если 1) главное слово результирующего сочетания может быть осмысле-

но как описание отношения R^1 аргументов x_1 и x_2^1 , ср. friend's brother || *брат друга* и brother's friend || *друг брата*; 2) если N_1 и N_2 могут быть поняты как аргументы отношения R^1 , квалифицированные вне этого отношения, ср. mother's soldier || *солдат матери* не означает the soldier who is the mother's son || *солдат — сын матери*, а может обозначать, например, солдата, стоящего на постое у чьей-либо матери, R^1 — стоять на постое у кого-нибудь.

Третий случай, когда оба аргумента отношения R квалифицируются и называются вне этого отношения, столь же обычен в сочетаниях с лексической элизией имени R , как и второй. Ср. the soldier's rifle, children's institutions, roof of the house (house-roof), cup of tea (tea-cup), seaside village, street traffic, tree boughs, books about children, books for children, road to the sea, road on the slope, flight over the sea, race down the hill || *винтовка солдата, книга о детях, книга для детей, детская литература, таежный поселок, дорожное происшествие, крыша дома, ветви дерева, стакан чая, дорога к морю, дорога по склону, полет над морем, бег под гору* и т. п. В случаях такого рода отношение, связывающее два аргумента, не находит выражения в способе их описания (в их квалификации). Выражается оно синтаксико-грамматическими (не лексическими) единицами: падежными окончаниями, предлогами (последлогами), порядком слов, которые в этом случае, в отличие от первого и второго, семантически содержательны. Когда описывают семантику синтаксических показателей, то их значения устанавливают не в описанных выше сочетаниях первого и второго типа, а сочетаниях третьего типа или в выражениях без лексической элизии имени R (в выражениях с номинированным отношением).

Таким образом, в выражениях с лексической элизией имени отношения само отношение не исчезает бесследно: в первом и втором случае оно амальгамировано с именем одного из аргументов — главным словом сочетания, а в третьем случае содержится в синтаксических показателях при зависимом слове. Естественно, что выражения такого рода не имеют ничего общего с эллиптическими.

Если в рассмотренном втором случае зависимое слово — имя класса, образованного каким-то отношением, то получаем сочетание, в котором оба слова, и главное, и зависимое, — имена классов, образуемых отношениями, с той разницей, что главное слово квалифицирует свой денотат по отношению R аргументов данного сочетания, а зависимое слово — по какому-то иному отношению R^1 , ср. friend's brother, mother's defender, neighbour's debtor || *брат друга, защитник матери, должник соседа* и т. п. Поскольку отношение аргументов в таких сочетаниях устанавливается именно по главному слову, то транспозиция имен радикально меняет семантику сочетания: R^1 становится отношением аргументов. Более того, обычно и сами аргументы, как мы могли видеть, уже другие вещи. Ср. friend's brother — brother's friend, mother's defender — defender's mother, neighbour's debtor — debtor's neighbour || *брат друга — друг брата, защитник матери — мать защитника, должник соседа — сосед должника* и т. п. Коль скоро лексические компоненты таких пар сочетаний тождественны, а изменение в семантике никак нельзя приписать синтаксическому

¹ Это возможно, если N_1 и N_2 — имена непарных конверсивных классов (см. ниже).

показательно зависимого слова (здесь — окончанию родительного падежа)¹, то вывод ясен: семантика таких выражений не может быть описана ни правилом конъюнкции, ни правилом суммирования означаемых.

2.5. Как видим, анализ выражений типа *friend's brother — brother's friend* || *брат друга — друг брата* помогает прояснить основания синтаксической семасиологии и ее раздела — комбинаторной семасиологии, так как при этом 1) достаточно наглядно демонстрируется конфигурационная природа семантики подчинительных сочетаний; 2) выявляется роль вектора содержательной синтаксической семасиологии слов в формировании семантики словосочетания как структуры с иерархической зависимостью компонентных значений (т. е. конфигурации); 3) обнаруживается, что значение сочетания в силу его конфигурационной природы может не равняться ни сумме, ни конъюнкции значений входящих компонентов (включая показатели как лексических, так и семантико-синтаксических значений); 4) обнаруживается лишний раз зависимость между семантико-синтаксическим значением структуры сложного выражения и ее лексическим наполнением и демонстрируется взаимопроникновение синтаксиса и семантики в естественных языках и невозможность раздельного описания одного независимо от другого.

§ 3. Еще более существенен другой, общий вывод: приступая к комбинаторно-семантическому анализу, следует различать два рода бинарных подчинительных сочетаний полнозначных слов: сочетания с экспликационным отношением имен и сочетания с элизией имени отношения. В первом случае сочетанию имен референционно соответствует отношение вещи и ее признака (свойства или отношения). Во втором случае имена референционно соответствуют аргументам какого-то отношения, причем само это отношение в сочетании не поименовано лексически. В сочетаниях с лексической элизией имени отношения зависимое слово называет отнюдь не признак денотата главного слова, а некую вещь, отношение к которой (в сочетании не названное полнозначным словом) есть признак денотата главного слова.

Различие это необходимо, так как семантическая комбинаторика и правила, ее описывающие, в каждом случае различны.

Семантическая комбинаторика экспликационных словосочетаний

§ 1. Предмет и задачи комбинаторно-семантического анализа. § 2. Отбор и организация материала для анализа. § 3. Экспликация интенционала. 3.1. Дублирование интенционала экспликациандума в логическом и лингвистическом аспектах. 3.2. Тавтологии. 3.3. Структурно-грамматические функции экспликационных сочетаний с лексико-семантическим дублированием. 3.4. Снова о логическом и лингвистическом аспектах. 3.5. *Resumé* к § 3. § 4. Экспликация жесткого и сильновероятностного импликационала. 4.1. «Научающая» функция. 4.2. Поэтическая функция. 4.3. Краткое *resumé* к § 4. § 5. Экспликация свободно имплицлируемых признаков. § 6. Экспликация негемпликационных признаков. 6.1. Естественный язык и негемпликационные сочетания. 6.2. Фигуры поэтической речи: переподчинение (6.2.1.), контракция (6.2.2.), переподчинение предикатов при сравнении (6.2.3.), метонимические и синкретические виды эпитетов (6.2.4.), приемы семантической либерализации в современной поэзии (6.2.5.).

¹ Пришлось бы считать, что в каждом сочетании синтаксический показатель зависимого слова имеет иное значение и всякий раз это значение было бы тем же, что значение отношения в главном слове.

6.3. Виды негиппликациональных сочетаний. Символика. 6.4. Сочетания с экспликацией несовместимых антонимических признаков: $A \leftarrow B$ при $B = -A$ (6.4.1.), $A \leftarrow B$ при $A = \frac{c}{d}$ и $B = -C$ (6.4.2.), $A = \frac{c}{d}$ и $B = \frac{-c}{d}$ (6.4.3.), *resumé* к 6.4. (6.4.4.). 6.5. Экспликация несовместимых неантонимических признаков: возможные случаи (6.5.1.), первичные и вторичные значения в коллективном и индивидуальном кодах (6.5.2.), краткое *resumé* к 6.5. (6.5.3.). 6.6. Алогичен ли поэтический язык? 6.7. Естественный vs формализованный язык. 6.8. *Raisons d'être* негиппликациональных сочетаний: диалектичность мира и естественный язык. (6.8.1.), неадекватность ономазиологических систем потребным задачам выражения и преодоление этой неадекватности (6.8.2.), краткое *resumé* к 6.8. (6.8.3.). 6.9. Мера семантического экспериментирования: осмысление негиппликациональных сочетаний (6.9.1.), допустимые пределы семантической свободы в поэзии (6.9.2.), осмысление гиперсемантизированных поэтических сообщений с разладом семантико-синтаксических связей (6.9.3.). 6.10. *Resumé* к § 6. § 7. Экспликация разнопорядковых семантических признаков.

§ 1. Теперь, когда уяснены основные лексико-семасиологические (т. е. относящиеся к содержанию отдельного слова) и синтаксико-семасиологические (т. е. относящиеся к содержанию сложных выражений) предпосылки семантической теории языка, можно с большей определенностью сформулировать предмет, задачи и особенности комбинаторно-семантического анализа. Если считать, что семасиология имеет дело с содержанием языковых выражений любого рода, а синтаксическая семасиология, будучи ее частью, занимается содержанием сложных выражений разного уровня (словосочетаний, предложений, сверхфразовых единиц), то комбинаторная семантика входит в компетенцию последней как определенный аспект содержания сложных выражений. В чем особенность комбинаторно-семантического аспекта сложных выражений и что составляет предмет комбинаторной семасиологии как раздела синтаксической семасиологии? Особенность эта состоит в том, что комбинаторно-семантический анализ предполагает обращение к семной структуре значений, а именно 1) разложение значений на такие компоненты содержания, называемые семами, которые в данном слове непосредственно не выражены (т. е. не имеют в нем собственного десигнатора), а существуют и выявляются реляционно в парадигматических соотношениях значений; 2) выявление зависимостей сем, т. е. образуемых ими структур, или конфигураций, и 3) выявление взаимодействий семных структур сочетающихся значений. Соответственно предмет комбинаторной семасиологии определяется семантическими взаимодействиями слов на более глубоком уровне, чем эксплицитный уровень значений как целостных выраженных единиц содержания, а задача ее состоит в выявлении правил семантических взаимодействий слов на этом имплицитном уровне содержания.

Для описания содержания выражений на коммуникативно-синтаксическом уровне нет ни возможности, ни необходимости прибегать к комбинаторно-семантическому анализу на уровне сем. При порождении и понимании выражений на коммуникативно-синтаксическом уровне оперируют более крупными единицами, своего рода «блоками содержания», исключаящими потребность в семном разложении значения. Понятно поэтому, почему традиционный синтаксис справлялся со своими задачами на этом уровне описания языка, обходясь без какой-либо теории компонентного строения значений слов. Понятно также, почему современные теории комбинаторной семантики не поднимаются до полного описания содержания предложений: они просто не

в состоянии объяснить коммуникативный аспект содержания предложений.

Предмет комбинаторной семасиологии ограничивается предметно-логической стороной содержания сложных выражений, т. е. той частью содержания сложных выражений, которая касается описания так называемого «обстояния дел» в отражаемом мире.

Итак, комбинаторно-семантический анализ не может претендовать на исчерпывающее описание содержания предложений. Но такое ограничение его задач позволяет вместе с тем отвлечься от всех категориальных признаков сложных выражений, характеризующих их на коммуникативно-синтаксическом уровне. С комбинаторно-семантической точки зрения не существенны субъектно-предикатные, темо-рематические и иные подобные отношения между словами. Иррелевантно также — что несколько менее очевидно — различие между предикативным и непредикативным сложными выражениями. Наконец, с этой точки зрения не существенны также — и это весьма важно, хотя еще менее очевидно, — семантико-синтаксический и формально-синтаксический ранги главного и зависимого слов, равно как и вид формально-синтаксической связи между ними — атрибутивной или комплетивной. Напротив, направление экспликации (вектор логико-синтаксической содержательной зависимости, или, иначе сказать, соотносительная характеристика двух слов как экспликанта и экспликандума) вполне релевантно.

Поясним сказанное примерами. 1) (the) ship sails || *корабль плывет* — (the) sailing ship || *плывущий корабль*; 2) the cottage is very nice || *домик очень мил* — a very nice cottage || *очень милый домик*; 3) retreated rapidly || *отступил поспешно* — a rapid retreat || *поспешное отступление* — (the) rapidity of the retreat || *поспешность отступления*; 4) chooses words || *переводит текст* — choice of words (word choice) || *перевод текста* — chosen words || *переводимый текст* — words are chosen || *текст переводится* (но не choice words || *текст перевода*); 5) (a) yellow flower || *желтый цветок* — the yellowness of the flower || *желтизна цветка*.

Все эти выражения в каждой группе идентичны в комбинаторно-семантическом плане, несмотря на то, что в них наблюдаются различия по признакам 1) предикативности — непредикативности, 2) формально-синтаксических рангов, 3) виду формально-синтаксической связи (например, chooses words, choice of words, word choice || *переводит текст*, перевод текста — комплетивная связь, a chosen words, words are chosen || *переводимый текст*, текст переводится — атрибутивная связь), и несмотря даже на то, что в некоторых случаях есть различие в семантике за счет грамматических значений (ср., например, chooses words — choice of words, word choice || *переводит текст* — *перевод текста*). Но в каждой группе выражений направление экспликации одинаково (ср. chooses words — words are chosen — chosen words — choice of words || *переводит текст* — *текст переводится* — *переводимый текст* — *перевод текста*). Выражения word choice (choice of words) || *перевод текста* и choice words || *текст перевода* не идентичны в комбинаторно-семантическом плане, так как во втором случае лексическое значение имени choice || *перевод* содержит дополнительно сему «(выбор) лучшего/результат (деятельности)», которой нет в первом случае.

§ 2. Выше сформулированы основные посыпки излагаемой здесь теории комбинаторной семантики. С тем чтобы оценить, насколько они

теоретически состоятельны и продуктивны, надо обратиться к практическому анализу семантической комбинаторики сложных выражений. Последние должны быть как-то разумно упорядочены, чтобы рассмотрение не было хаотичным. Порядок рассмотрения определяется следующим соображением. Выше было показано, что семантика слова складывается из следующих частей: интенционал, жесткий и сильный импликационал, слабый импликационал и негимпликационал. Значение экспликанта может лежать в одной из указанных частей семантики экспликандума, т. е. совпадать полностью или частично с интенционалом экспликандума, относиться к его жесткому, сильному или слабому импликационалу и даже к негимпликационалу экспликандума. Это и определяет группировку (отбор) сложных выражений и порядок их рассмотрения. Вначале будут последовательно рассмотрены экспликационные сочетания, в которых экспликант относится к каждой из указанных частей семантики экспликандума. Далее будет определено понятие порядка семантического признака и рассмотрены сочетания с экспликацией разнопорядковых семантических признаков. И в заключение будет исследована семантическая комбинаторика в сочетаниях с элизией имени отношения.

В поисках иллюстративного материала будем обращаться к различным функциональным разновидностям языка (подъязыки и стили), но особое внимание будем уделить поэтическому языку. Именно поэтический язык должен дать полный набор образцов семантической комбинаторики. Следует ожидать, что в поэтическом языке представлен весь диапазон приемов комбинирования смыслов. Поэзия использует весь спектр семантического комбинирования. Поэты нередко работают на пределе осмысленного, максимально используя репертуар «грамматики смыслов».

Строгость языка науки — антипода поэтического языка — обусловлена, в частности, жесткой и узкой «грамматикой смысла». Впрочем, было бы преувеличением сказать, что эти два языка пользуются совершенно разными «грамматиками смысла». Правила сочетания смыслов в научном языке составляют логическую основу любой грамматики значений, они образуют рациональный фундамент всякой комбинаторной семантики. Но художественное словотворчество не ограничивается ими. Правила логического «сложения смыслов» дополняются другими, нарушение логико-комбинаторных норм используется как метасемиотический прием выражения. Синтаксис значений в поэзии оказывается несравненно более обширным, гибким и изощренным, а правила их сочетания наиболее широкими и свободными. Поэзия пользуется своеобразной «грамматикой смысла», и это надо считать одной из ее отличительных черт.

§ 3. Рассмотрим экспликационные сочетания, в которых экспликант относится к интенционалу.

3.1. Если эксплицирующее значение содержательно равно интенционалу эксплицируемого, то при этом ничего не прибавляется сверх содержания экспликандума и значение словосочетания им и исчерпывается. Имеет место простое дублирование интенционала, словосочетание тавтологично, неэкономно и логически аномально. Например: (a) *quadratic square, oily oil, clandestine secret, happenings (incidents) occur (happen), tell a tale* || *квадратный квадрат, масло масляное, тайный секрет, происшествия (случаи) случаются (происходят)* и т. п.

Равным образом информационно избыточны и логически аномальны

словосочетания, в которых дублируется часть интенционала экспликанда или экспликанта. Например: a rectangular square, accidents (will) happen, tell a story || *прямоугольный квадрат, гром гремит, метель (метелица) метет* и т. п.

Однако сочетания с двукратной экспликацией части или всего интенционала достаточно обычны в естественных языках и выполняют ряд семиотических и метасемиотических функций. Они информационно избыточны и логически аномальны в том случае, когда интенционалы знаков одинаково известны и содержательно тождественны у обоих участников семиотического акта: SP и SR.

Поскольку же приходится иметь дело с формированием и выравниванием систем знаний и знаковых систем, с определением классов, понятий и соответствующих знаков, то необходимо эксплицировать интенционалы одних знаков через содержание других (ср. the elephant has a trunk, the swine is omnivorous, the tiger is predatory, clandestine is secret, a square is a rectangular equilateral quadrangle || *слон имеет хобот, свинья всеядна, тигр — хищник, секрет — это тайна, квадрат — прямоугольный равнобедренный четырехугольник* и т. п.). Таким образом, сочетания рассматриваемого рода несут семиотическую функцию изъяснения имен.

Эпликант при этом обычно предцифирован, и словосочетание имеет статус предложения, но не обязательно. Наряду с tigers are predatory || *тигры хищны* возможно и predatory tigers || *хищные тигры*, например, в предложении Predatory tigers were separated || *хищных тигров поместили отдельно* (тигров как хищников поместили отдельно). Непредикативное¹ употребление интенционального эпликанта возможно, если 1) он эксплицирует часть (отдельные семы) интенционала и если 2) между этим признаком интенционала и признаком, предцифированным в предложении, имеется определенная логическая зависимость (причинно-следственная, уступительная и др.) и на эту зависимость необходимо указать: тигров поместили отдельно, потому что они хищны.

3.2. К рассматриваемому типу относятся тавтологии с предикативным удвоением имени, вроде meat is meat; let bygones be bygones; the cubists are not cubist enough (G. K. Chesterton, 21—313); in this other girl the new virtues were virtues, whether or not they were new (G. K. Chesterton, 21—409); London is London || *мясо есть мясо, осел останется ослом (хоть осыпь его звездами), у человека нет выбора — он должен быть человеком* (Ст. Е. Лец), *Москва есть Москва* и т. п. Как и в предыдущих случаях, здесь имеет место какое-то изъяснение имен (и, естественно, соответствующих понятий и референтов). Тавтологии имеют вид классификационных предложений типа the tiger is a carnivore || *тигр — хищник*, в которых референту приписывается какой-то признак посредством отнесения к какому-то классу. Однако неясно, что может дать для описания референта предикация того же имени, которым он репрезентирован в высказывании. Между тем в естественном языке это достаточно обычный класс высказываний. Связкой объединяют удвоенные имена классов, имена единичного и имена признаков.

Тавтология в логическом аспекте — вид некорректного определения концепта, логическая ошибка определения idem per idem. Тавтология

¹ Разумеется, можно утверждать, что на уровне глубинного синтаксиса «хищный» в предложении «хищных тигров поместили отдельно» также признак предцифруемый и поверхностной структуре соответствует следующая глубинная: «тигров поместили отдельно, так как тигры — хищны».

в семиотическом аспекте — апелляция к семиотической, языковой компетентности и знанию слушающего. Это случай своеобразной хезитации — хезитации в определении и изъяснении имен. В силу различных причин — познавательного, семиотического и даже морального характера — SP затрудняется или воздерживается дать определение имени (и, соответственно, понятия и денотата) или изъяснить какой-то признак в интенционале имени, релеванный для сообщения. Вместо этого он апеллирует к языковой и познавательной компетентности SR. В основе тавтологии лежит билатеральность знака и расщепление отдельных его сторон на два аспекта, а именно расщепление знака на десигнатор и значение (десигнат), семиотической функции знака в высказывании на репрезентативную и дефинитивную, когнитивного значения знака на сигнификативное и денотативное, сигнификативного значения на индуктивно-эмпирический и дедуктивно-логический аспекты.

Когда в каком-то контексте говорят *fast is fast* || *быстро есть быстро* или *red means red* || *красный значит красный*, то апеллируют к знанию SR значения соответствующих десигнаторов: субъектом является автономно названный десигнатор, а предикатом значение того же десигнатора. Когда говорят *London is London* || *Москва — это Москва*, то апеллируют к знанию обычных предикатов этого имени собственного: «Лондон — столица Великобритании», «Москва — столица СССР, крупный промышленный и культурный центр, город с большим населением» и т. д., т. е. в конечном счете апеллируют к тому, что SR знает Лондон, Москву: субъектом является город как единичное, а предикатом — неэксплицированные свойства этого единичного. В денотативном значении неявно вычленяется сигнификативный компонент.

Наконец, тавтологии на уровне имен классов, помимо этого, обыгрывают различие двух аспектов понятия: индуктивно-эмпирического и дедуктивно-логического. Имя-субъект репрезентирует класс и содержательно соответствует индуктивно-эмпирическому понятию о нем. Имя-предикат квалифицирует (описывает, определяет) этот класс и содержательно соответствует дедуктивно-логическому понятию о том же классе. Возникает эффект неэксплицированного устроения, уточнения понятия о классе. Приведенный выше шуточный афоризм Леца сводится к тавтологии «человек должен быть человеком». Эта тавтология не бессодержательна. Ее эффект строится на различии между индуктивно-эмпирическим понятием о классе «человек» и возможным дедуктивно-логическим определением этого класса, например: «человек — это разумное гуманное существо». Признаки разума и гуманности представлены в индуктивно-эмпирическом понятии об этом классе, но не на правах безусловно обязательных.

Именно расщепление функций имени на репрезентативную и дефинитивную, а понятия — на индуктивно-эмпирический и дедуктивно-логический аспекты делает осмысленными предикативные удвоения имен с отрицанием (тавтология наоборот, при этом экстенционал экспликандума ограничивается каким-то дополнительным экспликантом). Ср.: *Love is not love! Which alters when alteration finds! Or bends with the remover to remove* (Shakespeare, Sonnet 116).

3.3. В следующей группе словосочетаний (предикативных и непредикативных) также имеет место дублирование интенционала главного слова: *an incident took place (happened, occurred), the wind is blowing, the sun shines, the storm raged, time passes* || *случилось происшествие, ветер веет, гром гремит, молния сверкает, метель (метелица) метет*

и т. п. Однако собственно семантическая спецификационная функция зависимых слов в таких словосочетаниях вообще не существенна. Их основная функция — структурная: они позволяют построить предложение и сообщить сочетанию глагольные грамматические значения времени, вида и др. Как справедливо отмечает С. Д. Кацнельсон, глаголы в подобных сочетаниях или предложениях полностью или частично повторяют содержание имени и служат прежде всего «своего рода „вербализаторами“, указывающими глагольное время» [Кацнельсон (2), 59 и след.]

Та же структурно-грамматическая функция превалирует и в случае внутренних дополнений, повторяющих полностью или частично лексическое значение глагола: to dream a dream, to fight a fight (a battle), to plod a way, to run a run (a race), to sleep the sleep (of the just/that knows no waking), to sleep a (dog-) sleep, to die a (dog's/natural) death, to laugh a laugh || *прожить жизнь, думать думу, пройти путь, шутить шутки* и т. п. Они позволяют избежать синтаксических ограничений при развернутой квалификации действия. Ср. he lived a happy life = he lived happily, но ... lived the modern life (G. K. Chesterton, 21–394) = *lived modernly || *он живет спокойной жизнью = он живет спокойно*, но «он живет жизнью, полной приключений»? он живет с приключениями = *он живет приключенчески»; «он живет жизнью, полной риска и приключений = *он живет с риском и приключениями» и т. п.

Отметим — на русском материале — еще одну группу случаев типа «дивное диво, ранней ранью, (самые) тайные секреты, (самый) человеческий человек»¹ и т. п., в которых непредсказуемый экспликант полностью дублирует интенционал экспликандума. Если отвлечься от известной идиоматичности, свойственной некоторым словосочетаниям этого рода, то анализ семантики приводит к парадоксальному выводу: даже если лексические значения эксплицирующего и эксплицируемого слов тождественны, первое, тем не менее, способно ограничить экстенционал второго и образовать с ним синтетическое, а не аналитическое составное понятие. В самом деле, «дивное диво» означает «большое (так сказать, «оченное») диво», «ранней ранью» = «очень рано», «самые тайные секреты»² = «самые большие секреты» и т. д.

Дублирование служит средством указать большое количество или высокую степень какого-то качества. В приведенных выше примерах имеет место, по-видимому, и структурно-синтаксический фактор — невозможность соединить «интенсификаторы» «очень, самый» непосредственно с существительным: «*очень диво, *самый секрет» и т. п.

Так же анализируются словосочетания вроде «ошибка ошибок, чудо чудес, из (всех) предателей предатель, (всем) гордецам гордец, всем дворцам дворец» и т. п. Все они выступают как своеобразные суперлативы или элативы существительных, допускающих качественное толкование. Ср. также *англ.* in one's heart of hearts, the heaven of heavens.

3.4. Логика требует в качестве предварительного условия, чтобы тезаурусы знаний и языков у SP и SR были выравнены, — только тогда

¹ Заметим, что в этой фразе В. Маяковского «человечный» употребляется в смысле более широком, чем «гуманный».

² См. «Комсомольская правда», № 250, 1972 г.: «У журналистов есть такая привычка: выведывать у нас, тренеров, самые тайные секреты...» (из интервью Р. И. Кныша, тренера гимнастики О. Корбут).

она вступает в свои права. Исходя из этой предпосылки, она оценивает все рассмотренные случаи дублирования интенционала как логически некорректные, информационно избыточные и коммуникативно неэкономные. Она готова принять лишь те из них, которые являются нетавтологическими определениями или изъяснениями имен, т. е. выражения типа London is the capital of Great Britain || Москва — столица СССР или The tiger is a carnivore (carnivorous) || Тигр — хищник (хищен). Даже высказывания, содержащие аналитическое составное понятие типа Predatory tigers were separated || Хищных тигров поместили отдельно, безусловно с логической стороны, так как затемняет логическую структуру высказывания (тигров поместили отдельно, так как тигры хищны) и может породить иллюзию, что не все тигры хищны. Однако естественному языку приходится не только считаться с логической правильностью выражений, но и удовлетворять многим иным требованиям, нередко вступающим в конфликт друг с другом: различия в точках зрения SP и SR, различия в их познавательных и семиотических тезаурусах; разнообразие прагматические факторы, обеспечение качественной непрерывности языка, его структур и норм их употребления во времени, с одной стороны, при давлении инноваций и новых потребностей выражения, с другой; потребность в ясности и экономии выражений при возможности воспользоваться контекстуальной и ситуационной «подсказкой» при установлении смысла выражений; возможности и особенности психологического и физиологического субстратов языка и т. д. В этих условиях язык допускает логически некорректные выражения, подчиняя их выполнению определенных задач.

3.5. Подведем краткий итог случаям дублирования интенционала экспликандума.

1) Экпликант может дублировать интенционал экспликандума полностью или частично. Соответственно имеет место простое удвоение имени или экспликация посредством семантически нетождественных имен. В первом случае интенционал дублируется полностью, во втором — полностью (определение имени) или частично (изъяснение имени и другие случаи). Удвоение имени может быть явным или скрытым. При скрытом удвоении используется синоним экспликандума. Экпликант и экспликандум могут принадлежать к одной или разным частям речи.

2) Сочетания, в которых экспликант предиктирован и раскрывает значение (семный состав и структуру) экспликандума (тип (a) pirate is a sea gobbet → *пират — морской разбойник*) являются регулярными определениями имен и соответствующих им концептов и референтов. Сочетания, в которых экспликант предиктирован и дублирует какой-то признак интенционала экспликандума (тип (the/a) tiger is a carnivore (carnivorous) || *тигр — хищник (хищен)*), являются регулярными изъяснениями имен и соответствующих концептов и референтов (неполные определения). Выражения-определения и изъяснения имен (относятся не к предмету комбинаторной семасиологии, а к ее инструментам (методу). Они позволяют вскрыть семный состав и структуру имен и тем самым произвести их содержательное сравнение. Предмет комбинаторной семасиологии, таким образом, исключает предикативные выражения — определения и изъяснения имен, и на них, естественно, не распространяется действие комбинаторно-семантических правил.

3) Сочетания, в которых непредикативный экспликант дублирует полностью или частично интенционал экспликандума, логически не вполне корректны, так как могут быть поняты как спецификация интен-

сионала. Семантически они избыточны (плеонастичны), так как экспликант дублирует информацию, уже содержащуюся в экспликанте. При осмыслении их вступает в силу правило амальгамации тождественного многократно выраженного содержания. По аналогии с операциями над множествами его можно назвать правилом конъюнкции. Суть его сводится к тому, что семантический признак представлен в значении сочетания единицы независимо от того, сколько раз он содержится в значениях слов — компонентов сочетания.

Сочетания этого рода достаточно обычны в речи, если между дублируемым признаком и признаком, предидируемом в предложении, имеется определенная логическая зависимость и ее следует акцентировать для SR (тип *the predatory tigers were separated* || *хищных тигров поместили отдельно*). Выражения такого рода содержат косвенное изъяснение имен (= являются аналитическими), что обнаруживается при трансформации их в так называемые глубинные структуры (*the tigers were separated, as tigers are predatory* || *тигров поместили отдельно, так как тигры хищны*).

4) Непредикативные сочетания с дублированием семантики экспликанда используются языками в различных некогнитивных функциях: как структурно-синтаксический прием, обеспечивающий полное выражение развернутой мысли в условиях синтаксических ограничений, принятых в норме языка; как структурно-синтаксический прием образования элатива существительных с качественным значением и выражения субъективно-эмоциональной оценки референта (способ выражения прагматических значений).

Предикативное удвоение имен (тавтология) также не несет когнитивной функции и используется как способ апелляции к семиотической и когнитивной компетентности SR.

§ 4. Обратимся далее к экспликационным сочетаниям, в которых экспликант относится к жесткому и сильновероятностному импликационалу.

4.1. Здесь рассматривается тот случай, когда экспликант называет признаки, составляющие жесткий и сильновероятностный фон интенционала экспликанда. Экпликант не дублирует интенционал экспликанда, но эксплицирует такие его признаки, которые связаны с ним жесткой и сильновероятностной импликацией. Речь идет о случаях типа *white snow, snow is white, (the) snow was white* || *белый снег, снег бел, снег был белый*. Поскольку называются признаки, ожидаемая вероятность которых равна или близка единице, то для равноинформированных систем такие выражения избыточны и неинформативны, однако они вполне уместны в «научающей коммуникации» (термин Н. И. Жинкина). Характерно, что из приведенных примеров впечатление наибольшей нормативности производит *snow is white* || *снег бел* — научающее вне-временное высказывание общего смысла. В то же время непредикативное сочетание *(the) white snow* || *белый снег* и выражение *(the) snow was white* || *снег был белый* производят несколько странное впечатление: нормативно первое должно быть именем подкласса класса *snow* || *снег*, а второе высказыванием о единичном. Возникает своеобразный «эффект обманутого ожидания» наоборот. *White snow* || *белый снег* имеет экстенционал, одинаковый или приблизительно одинаковый с *snow* || *снег*. Высказывание *the snow was white* || *снег был белый* не сообщает о единичном ничего (или почти ничего) сверх признаков класса. Выражения

этого рода становятся информативными, если указано особое качество признака: *the snow was dazzlingly white* || *снег был ослепительно белым*, *dazzlingly white snow* || *ослепительно белый снег* и т. п.

Таким образом, обнаруживается большое сходство между экспликацией жесткого и сильного интенционала и сочетаниями, эксплицирующими интенционал экспликандума. И те, и другие нормативны как способ «научающей коммуникации», как средство выравнивания информативных потенциалов и тезаурусов SP и SR, как средство сообщения знаний. И в том, и в другом случае обычны высказывания общего смысла, в которых экспликандум называет класс. Семантическая комбинаторика сочетаний в обоих случаях подчиняется конъюнкционному правилу, так что сочетание не более информативно, чем один экспликандум.

4.2. Сочетания с экспликацией интенционала или жесткого/сильного импликационала как будто противопоказаны художественной речи. С точки зрения ее задач они кажутся банальными, тривиальность убивает поэтический эффект. Но вот хрестоматийное стихотворение поэтессы, отличающейся отточенностью и классическим изяществом стиха:

VELVET SHOES

Let us walk in the white snow
In a soundless space;
With footsteps quiet and slow,
At a tranquil pace,
Under veils of white lace.
I shall go shod in silk,
And you in wool,
White as a white cow's milk,
More beautiful
Than the breast of a gull.
We shall walk through the still town
In a windless peace;
We shall step upon white down,
Upon silver fleece,
Upon softer than these.
We shall walk in velvet shoes;
Wherever we go
Silence will fall like dews
On white silence below.
We shall walk in the snow. (Elinor Wylie, 1-527)

Непотревоженная белизна тихо падающего снега использована как стержень поэтических ассоциаций. Цепь коннотаций основана именно на этом, а не ином качестве снега. Констатация уже в первой строке белизны снега, сама по себе тривиальная, задает интеллектуальную и эмоциональную установку поэтического сообщения, определяет направление его развития и позволяет немедленно развернуть картину естественно и гармонично сопряженных образов (*soundless space, footsteps quiet and slow, at a tranquil pace, veils of white lace, windless peace, silver fleece, the still town, white silence* и др.)

4.3. В более общем смысле можно сказать, что помимо контекстов «научающей коммуникации» сочетания с экспликантами этого рода возможны в широком кругу контекстов, включая поэтические, если смысл высказывания мотивирован именно признаком, входящим в ин-

тенционал экспликандума или связанным с ним жесткой и сильновероятностной импликацией (аналогия случаев с аналитическим понятием типа «хищных тигров поместили отдельно»). В поэтических контекстах экспликация таких семантических признаков намеренно используется, чтобы развязать игру коннотаций и импликаций (прагматических и импликационных значений), связанных с именем данного признака. Ср. также: *But somewhere, beyond Space and Time, Is wetter water, slimmer slime!* (R. Brooke, 12–607). *With yellow gold and white jewels, we paid for songs and laughter.* (E. Pound, 12–614)

§ 5. Рассмотрим сочетания, в которых экспликант называет признаки, квалифицируемые по отношению к интенционалу экспликандума как признаки нежесткой и слабовероятной импликации. В этих случаях интенционал экспликанта принадлежит к области свободной (нежесткой и слабовероятной) импликации интенционала экспликандума. Поскольку свободно имплицуемый признак — это такой признак, который может быть, а может и не быть у денотатов данного класса, то атрибуция такого признака информативна и для систем, равноинформированных на уровне понятий, т. е. обладающих одинаковыми тезаурусами понятий.

Если сочетания с экспликацией интенционала, жесткого и сильного (обязательного) импликационала познавательны на уровне класса, то сочетания с экспликацией свободного импликационала познавательны на низших уровнях обобщения: на уровне подклассов класса экспликандума и на уровне единичного в классе экспликандума. Разумеется, свободно имплицуемые признаки разномошны, т. е. покрывают в классе подклассы разных объемов, но все они имеют общую черту: зная класс денотата по экспликандуму, нельзя судить с достоверностью, обладает ли денотат таким признаком или нет. Может показаться, что относительно признаков этого рода неуместно говорить об импликации. Но это не так. Мыслительная операция импликации имеет место: свободная импликация очерчивает при данном интенционале круг возможных, совместимых, хотя и не всегда совмещенных свойств и ограничивает его как от круга свойств, которые обязательны, так и от круга свойств, которых быть не может.

Вряд ли требуются пространные иллюстрации этого случая. Он достаточно очевиден. Сюда относится подавляющее большинство встречаемых в речи атрибутивных сочетаний, предикативных и непредикативных. Статистически и логически это нормальный тип. Сопоставим следующие выражения:

- I. 1) *The tiger is predatory.* || *Тигр хищен.* 2) *Snow is white.* || *Снег бел.*
 3) *The house is empty.* || *Дом пуст.*
 II. 1) a predatory tiger || *хищный тигр;* 2) *white snow* || *белый снег;*
 3) *an empty house* || *пустой дом.*

Предикация признаков интенционала или обязательного импликационала (I, 1–2) имеет целью изъяснение имен и классов (понятий о классах). Экпликандум называет класс (общая соотнесенность имени). Непредикативная атрибуция тех же признаков (I, 1–2) создает избыточные, не вполне корректные сочетания. Предикация свободноимпликационного признака нарицательному имени (1, 3) есть изъяснение единичного, экспликандум уже не репрезентирует класс, он имеет денотативное значение. Наконец, непредикативная атрибуция того же признака (II, 3) образует имя подкласса класса экспликандума с регулярными свойствами нарицательного имени: оно может репрезентировать в вы-

сказываниях свой подкласс и тогда имеет сигнификативное значение (ср. *How saddening is an empty house!* || *Что может быть печальнее пустого дома?*) или же может репрезентировать единичное и тогда имеет денотативное значение (ср. *How saddening was the empty house.* || *Как печален был вид пустого дома*).

§ 6. Перейдем далее к рассмотрению сочетаний, для которых характерна экспликация негемпликациональных признаков.

Напомним, что негемпликационал — совокупность понятий отрицательной импликации, т. е. семантических признаков, несовместимых с интенционалом экспликандума. Если бы естественные языки были строго логичными, то сочетания, в которых экспликант приписывает экспликандumu признак, несовместимый с его интенционалом, были бы запрещены. Между тем примеры этого рода вовсе не какая-нибудь редкость. Если нашей целью является описание и теория не какого-то препарированного языка, а естественного языка во всей полноте его проявлений и функций, если цели и методы лингвистики определяются естественным языком как эмпирической данностью и теория этого эмпирического объекта должна согласовываться с его реальной сущностью и не должна во всяком случае начинать с разрушения его онтологической сути, с подмены его реальной природы, то и случаи такого рода при всей их видимой алогичности не могут быть сброшены со счета, но должны уложиться в теорию семантической комбинаторики естественных языков. Следует выяснить возникающие при этом эффекты и определить функции сочетаний с экспликацией негемпликациональных признаков.

Итак, рассматриваемый раздел семантической комбинаторики принадлежит к числу таких свойств естественных языков, которые дают повод упрекать их в логическом несовершенстве. Ср. с явлениями полисемии, омонимии, несоответствия логической и грамматической формы предложения. Вместе с тем это универсальные свойства естественных языков, хотя они и делают естественный язык не вполне удобным инструментом логического анализа и вызывают потребность в искусственных формализованных языках, специально приспособленных для целей логического анализа научного знания, это — фундаментальные и необходимые свойства естественного языка, показательные для его природы.

6.1. Сочетания рассматриваемого типа принадлежат поэтическому языку, ср. несколько примеров из современной поэзии: *joyous alarms, yesterday's silences are much louder, a poem should be wordless, furnished souls, delighted fingers, peevish gutter, the day blinks, the river sweats oil and tar, eyeless road, a white sleep, the hyenna despair, breasted tree, the conceiving moon, gooseskin winter, dunghill sky, in its box of sky lavender and cornerless | the moon rattles like a fragment of angry candy, sour cream wall, my blood stings, winds that knife us, with fingering stealth; the seeds, assuaged, peep from nested spray; lifelong the fishlipped lovers lie | kissing catastrophes, smothering mountains of my silence, lizards of reminiscence* || *бесславный подвиг (сотворения тени), беспечно мучилась (душа), свободный раб, соленая работа, честный пот, белый мир, белая музыка, белая зависть, замороженные громы, тугой звук, спящая гроза, остывающий лепет изменчивых уст, шинель жухлых трав, громкий лед, прозрачные колокола, при грустных фонарях, работает бессонница, штиль изнывал, шхуна дремала, проклянет снежные скорлупы трава, флейты водосточных труб,*

треугольная груша и т. п. Полная оценка смысла этих примеров, естественно, требует более широкого поэтического контекста, и здесь они приводятся лишь для уяснения семантического типа сочетаний: экспликант как будто принадлежит к области предикатов, логически «противопоказанных» экспликандуму, т. е. к области его негемпликационала.

6.2. Всякое осмысленное негемпликациональное сочетание содержит фигуру речи: один из его компонентов или оба являются ненормативными обозначениями соответствующего концепта и представляют собой тропы: метафоры, метонимии и оксюмороны. Здесь нет необходимости в особом рассмотрении этих тропов, поскольку они достаточно хорошо известны. Пояснения заслуживают лишь некоторые разновидности фигур, имеющих место в негемпликациональных сочетаниях и не освещенных в теории поэтического языка. Поэтому прежде чем обратиться непосредственно к семантическому анализу негемпликациональных сочетаний, опишем явления переподчинения и контракции, весьма характерные для семантической комбинаторики современной поэзии, а также рассмотрим разновидности метонимических эпитетов.

6.2.1. Поэтическое переподчинение смысла — это нарушение логических норм подчинения (логической связи) смыслов в поэтическом тексте. Переподчинение вызывается техническими условиями поэзии, специфическими требованиями поэтической формы (ритм, размер и т. п.) и вместе с тем создает эффект контракции смысла. Ср.:

I will make a palace fit for you and me | Of green days in forest¹ and blue days at sea. (R. L. Stevenson, 12–570) (← days in green forest, at blue sea).

There rises the hidden laughter | Of children in the foliage. (T. S. Eliot, 12–625) (← the laughter of hidden children)

The huddled warmth of crowds | Begets and fosters hate. (E. Wylie, 12–610) (← the warmth of huddled crowds)

... the terrible white malice | Of waves high as cliffs. (J. Wain, 1–419) (← the malice of white waves)

... the bud's tipped rage. (T. Gunn, 17–379) (← the tipped bud's rage)

... in the lion's intolerant look. (W. H. Auden, 12–628) (← in the intolerant lion's look)

О мать революция! Нелегка! | Трехгранная откровенность штыка. (Э. Багрицкий) (← откровенность трехгранного штыка)

... впадали в длинный воздух коридора. (Б. Ахмадулина, 29, 1970 г., № 8, с. 71) (← впадали в воздух длинного коридора)

6.2.2. Как видим, поэтические сообщения нередко, хотя и содержат все необходимые компоненты смысла, комбинируют их в достаточно произвольном порядке, так что при осмыслении сообщения их необходимо расставить по местам сообразно логическим связям. Если $N_1 \leftarrow (N_2 \leftarrow N_3)$ — подчинение нормального вида, как в *the malice of white waves* || *воздух длинного коридора*, то переподчинение имеет вид $(N_1 \leftarrow N_2) \leftarrow N_3$ — *the white malice of waves* || *длинный воздух коридора*. При подчинении нормального вида N_2 играет роль посредствующего термина семантико-синтаксического отношения N_1 и N_3 ; N_3 является нормальным предикатом N_2 , и это фиксируется синтаксисом сочетания. При переподчинении N_3 изъято из синтаксического под-

¹ Здесь и далее в примерах из поэтических текстов выделены сочетания, иллюстрирующие рассматриваемое явление.

чинения N_2 и подчинено N_1 , но N_2 сохраняется в качестве изъясняющего термина отношения N_1 и N_3 . Если же посредствующий термин N_2 опущен, то имеет место контракция выражения смысла: $N_1 \leftarrow N_3$. При контракции N_1 помимо собственных предикатов «присваивает» предикаты, нормально принадлежащие N_2 : *huddled warmth, tipped gage, white malice* || *длинный воздух, трехгранная откровенность, крошечный час*. Поскольку множества предикатов N_1 и N_2 обычно неэквивалентны, N_1 приобретает экспликанты из области своего негемпликантала. Это и есть контракция. Посредствующий термин N_2 может быть прямо не назван, но содержится в сообщении хотя бы имплицитно и должен быть восстановлен при логическом декодировании смысла сообщения. Распределение предикатов по аргументам составляет часть совокупного знания SP и SR и их умения пользоваться языком. Необычность предиката ощущается SR и побуждает его к поискам посредствующего термина. Ср.:

His form began its **senseless change**. (R. Eberhart, 17–35) (senseless change ← change of senseless body)

How can those **terrified vague fingers** push! The feathered glory from her loosening thighs?! And how can body, laid in that **white rush**! But feel the strange heart beating where it lies? (W. B. Yeats, 12–595) (feathered glory ← feathered god's glory, white rush ← white bird's rush).

No **mortal eye** could see. (Th. Hardy, 4–58) (mortal eye ← mortal man's eye).

In a fiercely **mourning house**. (D. Thomas, 12–635) (mourning house → mourning family's house)

The spellbound horses walking warm out of the **whinnying green stable**. (D. Thomas, 6–449) (the whinnying stable ← the whinnying horses' stable)

Miss Woirs! Wispers to me her **international fears**. (J. Berryman, 8–8) (international fears ← fears on the account of international affairs)

Идет-гудет **Зеленый Шум**, **Зеленый Шум**, весенний шум! (Н. А. Некрасов, 27–243)

Залатанный старик (А. Преловский, 29, 1968 г., № 3, с. 78) (← старик в залатанной одежде).

Ср. также *amorous sojourn* (Shakespeare) ← *amorous men's sojourn*, *hated back* (Shakespeare) ← *hated daughter's back*, *sentimental journey* (Stern) ← *sentimental traveller's journey*, *temperate valley* (Eliot) ← *valley of temperate climate*, *scarlet soldiers* (Auden) ← *scarlet uniform soldiers* || *соленая работа* (В. Коржигов — о работе грузчика) ← *работа до (соленого) пота*, *честный пот* (В. Коржигов) ← *пот честного труда*, *белый пир* (И. Кашежева — о зимних забавах) ← *веселье, забавы, пир на (белом) снегу*, *железная игра* (о тяжелой атлетике) ← *игра, спорт (железной) штанги и т. п.*

Наряду с окказиональной поэтической контракцией, отметим случаи узуальной контракции, утвердившиеся как привычные выражения, ср. *mad house* (doctor), *dead list*, *retired list*, *Stone Age* || *сумасшедший дом, белая олимпиада, бронзовый (каменный и др.) век* (век бронзовых, каменных и др. орудий) и т. п.

Весьма часта контракция «антропоморфного» типа (как окказиональная выразительная, так и узуальная стертая), т. е. приписывание признаков, свойственных человеку как целому, частям человеческого тела, признакам (действиям, состояниям и т. д.) человека, вещам, связанным с ним. Ср. *distressful* (automatic, patient, delicate, mad, anxious,

loving, etc.) hand(s), faithless arm, terrified vague fingers, patronizing kiss, indifferent eye (beak), insistent feet, angry stick, etc. (extracted from R. Eberhart, W. Owen, W. B. Yeats, St. Spender, R. Wilbur, E. Dowson, W. H. Auden, T. S. Eliot, H. MacDiarmid, J. Hollander) || *но оробелая рука! Покровы холодные хватает, рукою чистой и безвинной! В порабощенные бразды! Бросал живительное семя (А. С. Пушкин), мимо глаз моих тихих прошел (Т. Кузовлева), метят каверзным снежком (И. Кашежева), и шла война, и голодно и тяжело жилось моей натруженной стране (А. Преловский), нетерпеливое (робкое, притыженное, горделивое, надменное и т. п.) движение, жест, кивок и т. д.*

Для английского языка весьма характерна глагольная контракция, когда в глаголе «спрессовывается» значение действия и способа его исполнения: to blink about for smth, to curse through smth, to limp on, to wince out, to trickle, to flap, etc. Напротив, русскому языку более свойственна адекватная контракция. Ср., в дополнение к приведенным выше, примеры из газет: *белая страда, белый рейс, голубой патруль, зеленая жатва, быстрый лед, серебряный тренер* (ЛГ, № 27, 1973 г., подборка А. Калинина).

Контракция — частый случай компрессии выражения. Доля смысла, приходящаяся на единицу выражения, увеличена против нормы, сочетания гиперсемантизированы. Однако при этом расширяются принятые в языке нормы соотношения между формулами лексической сочетаемости слов и формулами положенного им смысла. Иначе говоря, типу отношений компонентов сложного понятия соответствует ненормативный тип лексической сочетаемости. Возникающие при этом лексически полуотмеченные структуры нуждаются поэтому в поддержке более широкого контекста, с тем чтобы можно было декодировать их смысл. Сама по себе структура с контракцией страдает референционной неопределенностью. Поскольку для выражений научного языка референционная недвусмысленность — существенное условие, то этот вид компрессии выражения для него непригоден. Как известно, компрессия выражения в научном языке достигается преимущественно заменой развернутого сложного обозначения новым простым термином.

Напротив, целевая установка поэзии иная. Здесь не столько важно точно обозначить, сколько актуализировать у SR переживания, идентичные переживаниям SP. Точнее сказать, важно, чтобы SR переживал предмет сообщения соответственно замыслу (purport) SP. Поэтому поэзия склонна оперировать глобальными единицами смысла, в которых прагматический элемент, и в частности субъективно-оценочный, не ограничивался бы от собственно интеллектуального. Более того, поэт склонен переформулировать выражения так, чтобы этого разграничения не было. Контракция и есть один из способов такой перестройки нормативных выражений. Сталкиваясь с непривычным сочетанием, SR в поисках смысла возвращается на исходные позиции декодирования: он ищет его в глобальном смысле единиц выражения, синтаксической структуры, коннотативных ассоциациях и отбирает из этого глобального смысла то, что согласуется с целым поэтического сообщения.

Но есть и другая причина, побуждающая к контракции атрибутивных сочетаний: затруднения в именовании посредствующего понятия, отсутствие имени, адекватного замыслу. «Зеленый шум», по замыслу Н. А. Некрасова, — это шум не просто зеленых дубрав, но начинающих зеленеть дубрав, и не только дубрав, но и лесов, роц, де-

ревьев, кустарников, трав, листы — шум всех растений, пробуждающихся к новой жизни на весеннем ветру. Наконец, это символ радостного и стремительного пробуждения всего живого. Контракция позволяет избежать затруднений в именовании этого обширного содержания. Будучи референционно расплывчатым, контракционное сочетание не препятствует ассоциативному домысливанию и свободно вмещает авторский замысел. Но нельзя не видеть, что достигается это ценой известной аморфности, неопределенности мысли. Содержание выражения само по себе утрачивает четкие границы, выражение в значительной мере «черпает» свой смысл из целого, очерчивает его с необходимой определенностью лишь под воздействием других выражений в сообщении.

6.2.3. Особым случаем переподчинения является переподчинение предикатов при сравнении по формуле $N^1 \text{♀} N^2 \leftarrow N^3 (P) > N^1 \leftarrow N^3 (P) \text{♀} N^2$, где + — символ сравнения, а \leftarrow — вектор экспликации. Предикаты, описывающие один из аргументов сравнения, переносятся на другой. Переподчинение при сравнении — весьма характерная фигура речи в современной поэзии. Ср.:

And his answer trickled through my head|Like water through a sieve.
(L. Carrol, 6-455)

The door still swinging to, and girls revive,|Aeronauts in the upmost altitudes|Of boredom fainting, dive|Into the bright oxygen of my nod.
(K. Amis, 8-5)

Down the road someone is practising scales,|The notes like little fishes vanish with a wink of tails. (L. Mac Neice, 12-633)

What happens to a dream deferred?|Does it dry up|like a raisin in the sun?|Or fester like a soar —|and then run?|Or crust and sugar over —|like a syrupy sweet?|Maybe just sags|like a heavy load?|Or does it explode?
(L. Hughes, 1-551)

Your hair|Wept round your face like a willow|Unstirring|Your eyes were dry. (A. Alvarez, 8-4)

По лицу проносятся очи,|как буксующий мотоцикл. (А. Вознесенский, 25-17)

Душа моя, мой звереныш,|Меж городских кулис|Щенком с обрывком веревки|Ты носишься и скулишь! (А. Вознесенский, 25-41)

Обычное направление переноса — от того, с чем сравнивают, на сравниваемое (см. примеры выше). Но возможно переподчинение предикатов и с обратным вектором $N^3(p) \rightarrow N^1 \text{♀} N^2 > N^1 \text{♀} N^2 \leftarrow N^3(p)$:

Their eyes sunk jellied in their holes|Were held up to the sun like begging bowls.|Their hands like rakes with finger-nails of rust|Scatched for a little kindness from the dust. (St. Spender, 1-4-7)

Buba sits a wrinkled monument in Old Ladies Home. (A. Ginzberg, 9-580)

Bare skin is my wrinkled sack. (A. Ginzberg, 1-575)

The town froze, close as a fist|Winter was setting about us.|Like birds the bare trees shivered,|Birds without leaves or nests. (A. Alvarez, 8-3)

Аргумент сравнения может использоваться как модель описания сравниваемого, и тогда возникают развернутые сравнения с множественным переподчинением предикатов.

Constantly risking absurdity|and death|whenever he performs|above the heads|of his audience the poet like an acrobat|climbs on rime|to a high wire of his own making|And balancing on eyebeams|above a sea of

faces|paces his way|to the other side of day|performing entrechats|and slight-of-foot tricks|and other high theatrics. (L. Ferlinghetti, 1-563)

Как известно, в основе метафоры также лежит мысленное сравнение, но метафора — это отработанное, освоенное и скрытое сравнение, когда убран аргумент сравнения, а его имя используется как имя сравниваемого¹. Переподчинение предикатов при сравнении стоит на полпути от сравнения к чистой метафоре. Мыслительный механизм такого переноса можно представить так. Имеется вещь D^1 класса K^1 , имя N^1 ; у нее обнаруживается признак P^1 , не находящийся в ономазиологической норме удовлетворительного обозначения. Имеется также вещь D^2 класса K^2 , имя N^2 со сходным, хотя и не тождественным признаком P^2 , имя N^3 . Имя N^3 используется для обозначения P^1 , а отсылка к D^2 помогает правильно осмыслить N^3 в сочетании $N^3 \rightarrow N^1 \text{ } \neq \text{ } N^2$. Обозначение P^1 посредством N^3 ощущается как метафорический перенос этого имени (метафорический эпитет)².

Переподчинение при сравнении существенно отличается от ранее описанных случаев переподчинения. Последние совершаются в цепях с последовательным подчинением. Чтобы не смешивать одно с другим, можно говорить о линейном переподчинении (как в случае *white malice of waves* || *трехгранная откровенность штыка*) и симилятивному переподчинению (как в случае *his answer trickled like water* || *стояли очи, как вода*).

6.2.4. Поскольку при линейном переподчинении и контракции также нарушена норма обозначения, сочетания содержат фигуру речи. Ненормативно обозначение признака экспликандума: N_3 вместо $N_2 \leftarrow N_3$. Экспликандум сочетания с линейным переподчинением или контракцией представляет собой вид метонимического эпитета, основанного на своеобразной ассоциации по смежности: признак какой-то вещи, выступающей в качестве признака другой вещи, приписывается непосредственно этой последней.

Другой вид метонимического эпитета основан на конверсивном сдвиге значения в атрибутивных словах, на своеобразной конверсивной энантиосемии (конверсивной поляризации значения) имен признаков. При этом атрибутивное слово, узуально обозначающее конверсивный признак P^1 , развивает значение парного конверсивного признака P^2 . Если такое употребление слова не фиксировано в ономазиологической норме, оно воспринимается как образная фигура — вид метонимического эпитета, ср. *slow sad leaps* || *печальные поляны* и т. п.

Помимо переподчиненного (контракционного) и конверсивного метонимических эпитетов, отметим еще синкретический эпитет, сочетающий метафору с метонимией. К примеру, у Ю. Тынянова говорится о «зимних глазах Николая I»: «холодные глаза» (метафора) — «зимние глаза» (метонимия: холод — зима).

6.2.5. За счет каких фигур достигается все большая либерализация семантических норм, характерная для современной поэзии? Имеет ли

¹ Заметим попутно, что случаи типа: *the long flat skis of her legs, that steel-strong snake of a tail* (I. N. Lawrence), *the lake of my eyes* (R. Eberhart), || *флейты водосточных труб, змея улицы* (В. Маяковский), *дробинки икринок, торпеды горбуш* (Р. Рождественский) — с комплетивной связью компонентов следует считать сравнениями. В них отсутствует знак сравнения, но представлены оба аргумента сравнения. Их также не без основания называют сравнениями-метафорами.

² Однако в случае $N^3(P) \rightarrow N^1 \text{ } \neq \text{ } N^2 > N^1 \text{ } \neq \text{ } N^2 \leftarrow N^3(P) \text{ } N^3(P)$ употребляется в своем прямом значении, ср. *Buba sits a wrinkled monument*.

место более интенсивное использование всех поэтических приемов, известных классической поэзии? Выдвигаются ли на первый план способы, не характерные для классического арсенала? На эти вопросы пока можно ответить лишь предположительно. По нашим наблюдениям, при общем абсолютном увеличении тропов всех видов возрастает относительная доля экспликационных тропов (эпитетов), включая предикативные. Среди последних широко представлен традиционный метафорический эпитет, но вместе с тем относительно возрастает число метонимических и синкретических эпитетов, мало свойственных классической поэзии. Приемы переподчинения, контракции и синкретического эпитета редки в поэзии XIX в., но весьма характерны для поэзии новейшего времени. Более традиционен лишь конверсивный энантиосемический эпитет, связанный с эффектом персонификации.

6.3. После этих замечаний об особенностях семантической комбинаторики поэтического языка обратимся к систематическому анализу негиппликациональных сочетаний, установлению их возможных семантических типов и выявлению сопутствующих им семантических эффектов. Различаются две категории таких сочетаний: сочетания с несовместимыми антонимическими признаками и сочетания с несовместимой неантонимическими признаками. В соответствии с принятой символикой антонимический (контрадикторный) признак (сема, понятие) будем обозначать перед символом или над ним прямой чертой, а волнистой — несовместимый неконтрадикторный (неантонимичный) признак. Интенсионалы будем обозначать заглавными буквами А, В и т. д., отдельные семы в их составе — строчными буквами а, b, с и т. д. Если интенционал какого-либо слова содержательно равен семе в интенционале другого слова (один и тот же концепт), то им соответствует одна и та же буква, заглавная в первом случае и строчная во втором. Например: *parent* || *родитель* — А, *father* || *отец* — $\frac{b}{a}$ (b — сема мужского пола). Для различения гипо- и гиперсемы будем изображать интенционал в виде дроби, помещая гиперсеме в знаменатель, а гипосеме — в числитель (ср. выше). Импликациональные семы будем помещать справа или слева от интенционала, взятого в скобки.

6.4. Вначале рассмотрим сочетания, которые характеризуются экспликацией несовместимых антонимических признаков.

6.4.1. 1) $A \leftarrow B$ при $B = \neg A$. Интенсионалы экспликандума и экспликанта взаимно исключают друг друга и находятся в антонимическом отношении. Впрочем, у них еще сохраняется различие в самых общих категориальных признаках вещи и признака. Онтологическое основание сочетаний такого типа состоит в том, что абсолютно несовместимых признаков Р и $\neg R$ нет. Р и $\neg R$ несовместимы в какой-то предметной области, пусть весьма обширной, но может найтись и такая предметная область, в которой они совместимы. В этом смысле сочетания $A \leftarrow \neg A$ вполне диалектичны.

Вернемся к понятию антонимии и сформулируем в более общем виде определение, намеченное выше. Если имеются два признака P_1 и P_2 , такие, что соответствующие им классы $K_1(P_1)$ и $K_2(P_2)$ полностью покрывают предметную область (экстенционал, объем) некоего класса К, деля ее на две части, такие, что ни один из элементов (вещей) класса K_1 не принадлежит K_2 и наоборот, то такие признаки, классы и понятия называются контрадикторными (Р и $\neg P$, К и $\neg K$, С и $\neg C$), а соответствующие имена признаков и классов — антонимическими

(N и -N). Такое разграничение обобщает часто наблюдаемый реальный модус вещей и имеет большую познавательную и прогностическую ценность. Но, как и всякое обобщение, оно конструктивирует действительность, «ужесточает» объективное положение вещей. Наш опыт нередко подсказывает, что такое противопоставление действительно не в абсолютном, но в стохастическом смысле. На практике приходится сталкиваться со случаями, когда объект обнаруживает P и -P и имеет место некоторое наложение классов K (P) и -K (-P). Оба признака P и -P могут быть присущи одному и тому же объекту, но 1) одновременно, 2) одновременно, но в отношении к разным объектам, 3) одновременно, но с разными параметрами (например, P может быть постоянным, характерным, сущностным качеством объекта, а -P — спорадическим и т. п.), 4) наконец, P и -P могут быть одинаково характерны для какой-то особой фазы объекта, причем между P и -P нет ни одного из отличий, указанных в 1—3.

Случаи эти достаточно очевидны. Их иллюстрируют многочисленные примеры, когда антонимические слова в связном тексте описывают один и тот же денотат. Обычно эти слова соотносятся как однородные члены (точнее и шире — как соподчиненные члены, т. е. слова на одном уровне подчинения какому-то другому слову):

к 1: He's now **sad**, now **joyful** || *То грустит, то радуется.*

к 2: He **loves** the truth and **hates** falsehood || *Любит правду и ненавидит ложь.*

к 3: He's always **merry**, but at the moment he's **dejected** || *Всегда весел, а тут загрустил.*

к 4: **Victor and victim** of humility, | I closed in the wordless **ecstasy** | Of **mystery**. (R. Eberhart, 17—38)

What is this face, **less clear and clearer**, | The pulse in the arm, **less strong and stronger** — | **Given or lent? More distant than stars** | **And nearer than the eye**. (T. S. Eliot, 12—620)

I live and yet I die. (Bonar, 15—60)

Да! **Ненавижу** и все же **люблю**. | Как возможно, ты спросишь? Не объясню я. | Но так чувствую, смертно томясь. (Катулл)

Россия — **Сфинкс**. **Ликуя** и **скорбя**. | И обливаясь черной кровью, | Она глядит, глядит в тебя! | **И с ненавистью, и с любовью!** (А. Блок)

Сочетания и целые сообщения, в которых антонимичные слова в дефинитивной функции описывают один и тот же денотат, сигнализируют относительность противопоставления признаков P и -P, неполноту антонимии соответствующих имен. Если денотат имени N обнаруживает признаки P₁ и P₂, которые мы склонны считать взаимоисключающими (P и -P), то, сочетая N экспликационной связью с именами этих признаков N₁ и -N₁, естественные языки лишь фиксируют реальный модус этих признаков, свидетельствуя относительность противопоставления, неабсолютный характер несовместимости. При этом обнаруживается, что признание P и -P взаимоисключающими признаками связано с чрезмерной конструктивацией действительности, и выявляются пределы, за которыми постулированная нами несовместимость признаков не действительна.

Таким образом, признаки оцениваются не просто по совместимости — несовместимости, а значительно сложнее: по степени и условиям совместимости — несовместимости. Атрибуция N одновременно и N₁ и -N₁ осознается бессмысленной, логически ненормативной или неожиданной вовсе не в любом случае, но только когда она выходит за пределы

таких «допусков». Как правило, контекст содержит эксплицитное или имплицитное, прямое или косвенное уточнение условий, при которых контрадикторность признаков снимается.

Приведенные соображения справедливы и относительно сочетаний, в которых N_1 и $-N_1$ соотношены как экспликандум и экспликанд. Однако непосредственная — не через третье имя N — «конфронтация» N_1 и $-N_1$ усиливает эффект семантической антитезы, логической ненормативности. Это понятно. Логической нормой экспликационного сочетания является обозначение подкласса класса экспликандума. Эта норма была бы нарушена, если бы подкласс класса конституировался признаком внеположенного класса. Возникали бы просто бессмысленные сочетания контрадикторных понятий, содержащие *contradictio in adjecto*. Поскольку сочетания $N \leftarrow -N$ содержат видимое нарушение этой нормы, намеренное их употребление осознается как особая фигура речи — оксюморон.

Однако логическая норма не может быть нарушена без утраты смысла. Ее нарушение в оксюморе лишь видимость. Осмысленных сочетаний с абсолютной антитезой интенционала $A \leftarrow -A$ не может быть. Оксюморонные сочетания осмысленны постольку, поскольку 1) контрадикторность A и $-A$ относительна и снята для данного случая или же 2) имеет место семантический сдвиг в экспликанде или экспликандуме, так что в новых значениях они не антонимичны. Это справедливо для всякого рода сочетаний, в которых имена приписывают несовместимые признаки одному и тому же денотату; подчинительных — одинаково двучленных и многочленных — и сочинительных. Это справедливо независимо от того, связаны ли такие имена прямой синтаксической зависимостью или опосредованной (через другие слова).

Следующие примеры иллюстрируют ограниченную контрадикторность семантических признаков в ЛЗ экспликанды и экспликандума, снимаемую в оксюморонных сочетаниях:

Beautiful tyrant! fiend angelical!|Dove-feather'd raven! wolfish-ravening lamb!|Despised substance of divinest show!|Just opposite to what thou justly seem'st;|A damned saint, an honourable villain! (W. Shakespeare, "Romeo and Juliet", act III, scene II)

Ballad of the Unmiraculous Miracle. (Название стихотворения, автор — V. Miller, 17—314)

The miniskirt is a joy to behold,|Coily revealing, racy and bold,|Unashamedly caressing the bounciest charms|Filling the mind with joyous alarms. (H. D. Atherton, 15—35)

Своих страстей свободный раб ...|Своих страстей кабальный князь, | В рубаху лезу торопясь ...|Прощайтесь, милые, с отцом,|Слугой своих свобод. |Надежды вольные рабы, |Теперь помчимся кто куда. (Дм. Сухарев, 29, 1970 г., № 8, с. 72)

бесславный подвиг сотворения тени (Б. Ахмадулина, 29, 1970 г., № 8, с. 71)

беспечно мучилась душа (Б. Ахмадулина, там же, с. 71)

Ср. также более привычные оксюмороны того же рода: «поспешай, не торопясь; горькая радость, сладкая боль, унылый оптимизм» и т. п.

Во всех приведенных примерах оксюморонные сочетания осмысляются как обозначения подклассов класса экспликандума с ограниченной контрадикторностью интенциональных признаков, снимаемой в конкретных условиях.

Рассмотрим теперь оксюмороны с семантическим сдвигом в экспликанте или экспликандуме, устраняющим контрадикторные признаки в их интенционалах:

Yesterday's silences are much louder. (D. Anderson, 15–27)

Dark, dark my light, and darker my desire. (The Roethke, 17–77)

Shape without form, shade without color, | Paralised force, gesture without motion. (T. S. Eliot, 1–530)

The smile on your mouth was the **deadest** thing | Alive enough to have strength to die. (Th. Hardy, 4–53)

Living death (идиома, ср. «живой труп»). Жизнь не шутка | Но от шуток откажись — | И безжизненной тотчас же | Станет жизнь. (В. Татаринов, 29, 1963, № 9, с. 112)

А ведь все получил бы, | Возлюбя ремесло, — | ... И бессмертье при жизни, | И посмертную жизнь. (В. Корнилов, 29, 1971 г., № 8, с. 27)

Красноречивое молчание (идиома), **звонкая тишина**.

Примеры типа loud silence, dark light || *звонкая тишина* иллюстрируют частный случай синестезического сдвига в значении экспликантов. «Безжизненная жизнь» означает не «жизнь без жизни», а «скучная, пресная, вялая жизнь», — также сдвиг в экспликанте. Ср. также «красноречивое молчание» — многозначительное, показательное молчание. Living death || *живой труп, посмертная жизнь*, напротив, иллюстрируют сдвиг в экспликандумах. «Посмертная жизнь» — не биологическая жизнь после смерти, а «жизнь» в делах, памяти.

По существу семантика таких сочетаний уже не имеет вид $A \leftarrow -A$, однако эффект оксюморона сохранен во внутренней форме слов. Косвенно антонимичность присутствует в силу взаимодействия значений в семантической структуре слова: слова сочетаются не антонимическими значениями, но последние представлены в их семантических структурах и являются их главными значениями.

6.4.2. 2) $A \leftarrow B$ при $A = \frac{c}{d}$ и $B = -C$. В этом случае сочетаются слова, интенционалы которых не полностью антонимичны, но содержат антонимичные семы, точнее сказать, антонимичны гипосема экспликандума и интенционал экспликанта. Совокупный смысл сочетания при этом равен $A \leftarrow B = \frac{c}{d}$, т. е. гипосема экспликандума заменяется на контрадикторную. Например:

1) tell || сказать — сообщить словами: $\frac{c}{d}$

tell without words || сказать без слов¹ — сообщить без слов: $\frac{\bar{c}}{d}$

2) song || песня — ... музыкальное произведение на слова: $\frac{c}{d}$

song without words || песня без слов — ... музыкальное произведение без слов: $\frac{\bar{c}}{d}$.

Ср. также: «сухопутный моряк, неродный отец (мать), земные орбиты (космонавтов — об их визитах за границу)», «Славные были собаченции! Мы о них грелись. Печки живые!» (А. Казанцев).

Нормально в интенционале атрибутивного сочетания гиперсему

¹ Ср.: «Актёр должен иметь, что сказать зрителю, даже если у него роль без слов» (Ст. Е. Лец).

составляет интенционал экспликандума, а гипосеме — интенционал экспликанта. Здесь же в силу контрадикторности экспликанта и гипосемы экспликандума последняя исключается из содержания сочетания: экспликанту отдается предпочтение перед гипосемой экспликандума. Гиперсема сочетания при этом остается равной гиперсеме экспликандума в его первичном значении. Но теперь ей уже соответствует собственный десигнатор, и неизбежен параллельный семантический процесс: значение экспликандума обобщается, из его содержания исключается гипосема. В самом деле, *tell* || *сказать* в *tell without words* || *сказать без слов* уже означает не «сообщить словесно», а только «сообщить». Комбинаторно-семантический процесс в целом имеет вид:

$$\frac{c}{d} (A) \leftarrow - C > \frac{-C}{D} (= D \leftarrow - C).$$

6.4.3. Семантическое взаимодействие по формуле

$$\frac{c}{d} (A) \leftarrow - C > \frac{-c}{d} > D \leftarrow - C$$

обнаруживается при условии, что экспликант употреблен в прямом смысле, а экспликандум отклоняется от ономаσιологической нормы. Экспликандум в этих случаях, как мы видим, переосмысливается, обобщая свое первичное значение. Если же, напротив, экспликандум используется в своем прямом значении, а экспликант не соответствует норме обозначения, то переосмысливается этот последний. В его первичном значении погашается антонимический признак, и значение его также обобщается. Процесс в целом разворачивается по схеме:

$$\frac{c}{d} (A) \leftarrow \frac{-c}{e} (B) > \frac{c}{d} (A) \leftarrow E.$$

Ср.: *living volcano* (language, hope, faith, etc.), *dead volcano* (soil, matter; fingers; eyes; match; ball; river; wine, beer; law; colour; motor, etc.) || *живой стиль* (речь, краски; отклик, участие; дело и т. д.), *мертвый язык* (капитал; сезон, тишина и т. д.), *морская пехота, свой парень Света, сестра была мне матерью* и т. п.

6.4.4. Таким образом, осмысление сочетаний с антонимической экспликацией предполагает в качестве неперемennого условия или различия в экстенционалах антонимических признаков (относительная, ограниченная антонимия имен) или изменения в интенционалах слов (переосмысление экспликандума или экспликанта путем обобщения их первичных значений). В любом случае контрадикторность семантики компонентов оказывается снятой. Однако сохраняется фоновое противопоставление виртуальной семантики слов, что и создает эффект сочетания несовместимых десигнатов.

6.5. Теперь обратимся к экспликационным сочетаниям с несовместимыми неантонимическими признаками. Это весьма характерный и наиболее распространенный в поэтическом языке вид негиппликационных сочетаний. Следует, однако, сразу же уточнить, что и в этом случае несовместимость признаков имеет место только на уровне виртуальной семантики компонентов, а не в конкретной актуализации. Никакое сочетание не может иметь смысла, если в нем сочетаются действительно несовместимые концепты. Осмысленные сочетания расцениваются как негиппликационные не потому, что в них нарушена логическая норма — в таком случае они просто не имели бы смысла, — а потому, что они отклоняются от нормы ономаσιологической.

6.5.1. Пусть C_1 и C_2 — десигнаты имен N_1 и N_2 и вместе с тем принятые в ономасиологической норме значения этих имен, т.е. их первичные семантические (ономасиологические) функции, и атрибутивное сочетание имен в этих значениях образует бессмысленные выражения. Используя те же имена во вторичных, ономасиологически ненормативных значениях гесп. C_3 и C_4 , можно, однако, получить осмысленные сочетания при условии, что C_1 и C_4 или C_2 и C_3 или C_3 и C_4 — совместимые концепты. Таким образом, неимпликациональные атрибутивные сочетания с неантонимическими признаками возникают: 1) если экспликандум N_1 является нормативным именем референта D , а экспликанд N_2 — ненормативным переносным обозначением признака P , совместимого с D , причем нормативно N_2 обозначает признак, не совместимый с D ; 2) если N_1 является ненормативным переносным именем D , а N_2 — нормативным обозначением признака P , совместимого с D , причем нормативно N_1 обозначает референты, не совместимые с признаком P ; 3) если и N_1 и N_2 являются ненормативными именами гесп. D и P , причем P также совместимо с D , а нормативные значения N_1 и N_2 несовместимы; 4) если N_2 — нормативное имя P , совместимого, однако, не с D , а D_1 (имя N_3), но при $N_3 \rightarrow N_1$ (экспликационное отношение), N_2 переподчиняется N_1 по схеме $(N_2 \rightarrow N_3) \rightarrow N_1 > N_2 \rightarrow (N_1 \rightarrow N_3)$ или же имеет место контракция (N_3 опускается) по схеме $(N_2 \rightarrow N_3) \rightarrow N_1 > N_2 \rightarrow N_1$.

Следующие примеры иллюстрируют первый случай, когда обозначение экспликандума (выделен полужирным шрифтом) нормативно, экспликанта (выделен разрядкой) — ненормативно:

And the **seeds**, a s s u a g e d, p e e p from the nested spray. (R. Eberhart, 17—36)

The gaunt **houses** put on majesty. (W. B. Yeats, 12-593) Words strain, | Crack and sometimes break under the burden, | Under the tension, slip, slide, perish, | Decay with imprecision, will not stay in place, | Will not stay still. (T. S. Eliot, 12—625)

The **river** sweats oil and tar. (T. S. Eliot, 4-158)

I am long weaned. | My mouth, puckered on gall, | Sucks dry curd. | My **thoughts**, those sterile watercourses, | Scarring a desert. (Brother Antoninus, 8—7)

And the lake of **my eyes** is sweet. (R. Eberhart, 9—528)

Море смеялось. (М. Горький)

Враги приходили — на тот же стул | Садись и рушились в пус-
тоту. | Их нежные кости сосала **грязь**. | Над ними захлопыва-
лись **рвы**. (Э. Багрицкий)

Проклюнет снежные скорлупы | **Трава**. (И. Кашежева, 29, 1968 г., № 3, с. 11)

Штиль изнывал. На спокойной воде | **Шхуна** дремала. (В. Коржиков, 29, 1972, № 9, с. 51)

Свежак надрывается. Прет на рожон | **Азовского моря** корыто. (Э. Багрицкий, 26—237)

Второй случай противоположен первому в том, что ненормативно обозначение экспликандума, а имя экспликанта — нормативно:

When men were all asleep, the snow came flying | ... Then boys I heard, as they went to school, calling; | They gathered up the crystal **manna** to freeze | Their tongues with tasting. (R. Bridges, 12—573)

March was able to examine the man almost as if he had been a statue for some minutes before the **statue spoke**. (G. K. Chesterton, 21-312).

In the groin of the natural **doorway** | I crouched like a tailor | Sewing a shroud for a journey | By the light of the meat-eating sun. (D. Thomas, 17-196).

And in the cold **sheet** of the sky | Lifelong the fishipped lovers lie | Kissing catastrophes. (G. Barker, I, 1-408)

And those in the restaurants of Greek street eating **income tax** did not hear the laugh. (D. Abse, 8-2)

Я рукопись сдала, когда в сугробах марта | Слабело и текло водою **серебро**. (Б. Ахмадулина, ЛГ, 1.1.1974 г.)

Проклонет снежные **скорлупы** | Трава. (И. Кашежева, 29, 1968 г., № 3, с. 11)

Покрытая шинелью жухлых трав, | Земля пропахла **горем** и махроу. (З. Вальшонок, 29, 1971 г., № 3, с. 5)

В третьем случае негиппликациональных сочетаний ненормативны имена и экспликандума, и экспликанта:

...Heaven's great **lamps** do dive | Into their west and straight again revive | But soon as once set is **our little light**, | Then must we sleep one ever during night. (Th. Campion, 1567-1620, 6-296)

I wept out the dark **load** of human love. (R. Eberhart, 17-38)

The **glacier** knocks in the cupboard, | The **desert** sighs in the bed, | And the crack in the tea-cup opens | A lane to the land of the dead. (W. H. Auden, 22)

Soft is the cooled night, and cool | Those regions where dreamers rule | As **Summer**, in her rose and robe, | Astride the horses of the globe, | Drags, fighting, from the midnight sky, | **The mushroom** at whose glance we die. (G. Barker, 1-409)

Я умчался туда, где за горным хребтом | Многогорбый **старик**-океан, | Разрыдавшись, багровые волны-**горбы** | Разбивает о лбы валунов. (Н. Рубцов, 29, 1971, № 8, с. 26)

И белый пир идет в снегах. | Здесь снег с земли не убирают, | Здесь **близны** не убивают. (И. Кашежева, 29, 1968 г., № 3, с. 11)

В четвертом случае негиппликациональные сочетания возникают в результате переподчинения экспликантов и контракции. Он уже иллюстрировался ранее.

6.5.2. Выше приведены примеры негиппликациональных сочетаний, в которых компоненты употреблены в окказионально-переносных значениях. Но положение не меняется, если вторичное переносное значение представлено в узусе слова и регистрируется словарями. Статус значения в семантической структуре слова, а именно деление значений многозначных слов на первичные прямые и вторичные переносные (производные от первичных), отражается на оценке ономазиологической нормативности сочетания. Если m_1^1 и m_1^2 — первичное прямое и вторичное переносное значения N_1 — экспликандума, а m_2^1 и m_2^2 — первичное прямое и вторичное переносное значения экспликанта N_2 , то сочетание $N_1 \leftarrow N_2$ нормативно только в случае $m_1^1 \leftarrow m_1^2$ и ненормативно (содержит фигуру речи) в случаях $m_1^1 \leftarrow m_2^2$, $m_2^1 \leftarrow m_2^2$ и $m_1^2 \leftarrow m_2^2$. Нормативными оказываются только сочетания слов в их первичных прямых значениях. Это необходимый — хотя, естественно, еще недостаточный — признак нормативности сочетания.

Уже говорилось, что ономасиологически ненормативны все употребления слова не в первичном прямом, а во вторичном переносном значении независимо от того, является ли это переносное значение только окказиональным или в той или иной мере узуальным. Эффект несовместимости десигнатов возникает в силу «фонового присутствия» первичного прямого значения и конфликта между актуальным переносным значением и виртуальным прямым. Последнее как бы навязывается слову во всех его актуализациях. Нормативность атрибутивного сочетания оценивается по совместимости экспликандума и экспликанта в их первичных прямых значениях. Если же один или, тем более, оба компонента употреблены во вторичных переносных значениях — известных или неизвестных в узусе, — то такое сочетание оценивается как ономасиологически ненормативное, даже если соответствующие десигнаты (концепты) логически совместимы.

Приведем пример негемпликационального сочетания на тот случай, когда оба значения, прямое и переносное, представлены в семантической структуре слова (узуальны). Существительное *gold* 'золото', наряду с первичным прямым значением, в котором оно обозначает определенный ценный металл желтого цвета, имеет вторичное переносное значение «нечто ценное, дорогое». Признак «ценный, дорогой» входит в жесткий импликационал первого значения:

m_1 — ценный желтого цвета ... металл: $a \left(\frac{bc}{d} \right)$.

a b c d

Тот же признак составляет интенционал вторичного значения: $m_2 = A$. Теоретически в этом значении слово означает класс вещей с признаком «ценный, дорогой», однако в силу вторичности значения его номинативная способность ограничена. Обозначение денотатов этого класса именем *gold* || *золото* ономасиологически ненормативно и расценивается как фигура речи — метафора, ср. *he has a heart of gold, he is pure gold* || *не человек, а чистое золото* (= человек высоких достоинств). Равным образом в силу «фонового присутствия» первичного значения атрибутивные сочетания с словом *gold* || *золото* во вторичном значении создают эффект соединения несовместимых десигнатов. Экспликант ощущается как негемпликациональный признак, хотя фактически нарушена не логика сочетания концептов, а ономасиологическая норма. Ср.: *black gold* || *черное золото* (о нефти, каменном угле), «зеленое золото» (о лесе), «белое золото» (о хлопке, водных ресурсах) и т. п.:

black gold: $\frac{\sim B}{A} (A \leftarrow \sim B)$.

6.5.3. Как видим, осмысление негемпликациональных сочетаний с несовместимыми неантонимическими признаками предполагает семантический сдвиг, окказиональный или узуальный, в интенционалах экспликанта или экспликандума или в них обоих. В результате сдвига несовместимость их первичных значений оказывается снятой.

6.6. Семантический анализ негемпликациональных сочетаний, составляющих одну из характерных особенностей семантической комбинаторики поэтического языка, приводит к следующему общему выводу: факт их использования не есть свидетельство алогичности поэтического мышления. Они свидетельствуют лишь о ненормативности поэтического выражения сравнительно с обыденным и научным языками. Суть дела — не в нарушении онтологической картины мира, не в искажении реальных

связей вещей и свойств, не в своеобразии поэтического видения мира, а в ненормативном выражении, логические же закономерности сцепления смыслов сохраняют свою силу. Если десигнат — концепт, связанный знаком, то, строго говоря, здесь не имеет места сочетание несовместимых десигнагов. Сочетаемость нормативна на концептуальном уровне и ненормативна на уровне отработанной и принятой в коллективном языке нормы связей десигнагов с десигнаторами. Нарушаются нормы обозначения, первичного распределения десигнагов и десигнаторов («первичные семантические функции знаков» по Е. Куриловичу) и происходит «транспозиция семантической стороны знака» (по С. Карцевскому), т. е. нарушаются нормы ономаσιологические, а не логико-семантические.

Выше уже указывалось, что логической нормой атрибутивного сочетания является обозначение подкласса класса экспликандума. Если отвлечься от так называемых аналитических атрибутивных сочетаний (см. выше), нормально экспликант называет признак, конституирующий такой подкласс. Соответственно и атрибутивные сочетания «несовместимых десигнагов» осмыслены постольку, поскольку негемпликационный экспликант может быть понят как признак, конституирующий некий подкласс класса своего экспликандума. Это логическое условие *sine qua non* смысла атрибутивных сочетаний. Намеренные нарушения этого принципа лишь используют его непреложность, лишь обыгрывают его, создавая парадоксальные эффекты, но они не в силах отменить его. Нарушение оказывается лишь видимостью, оно не затрагивает смысла как такового, а ограничивается областью норм соотнесения содержания с выражением. Осмысление таких ненормативных сочетаний основывается на том же логическом принципе. Как можно было видеть, в негемпликационных атрибутивных сочетаниях этот принцип выдерживается ценой изменений в интенционалах и экстенционалах компонентов сочетания.

6.7. В негемпликационных сочетаниях ярко проявляются некоторые существенные черты естественного языка, отличающие его от языков формализованных. Последние реализуют какую-то завершённую систему готового знания и исходят из предпосылок, что о вещах, свойствах, отношениях и распределении свойств и отношений между вещами известно достаточно. Имена в таких языках также распределяются в строгом соответствии с вещами (имена аргументов) и свойствами-отношениями (имена предикатов), так что интенционалы имен, равно как их экстенционалы и импликационалы, четко и строго очерчены. Без этого формализованный язык не годился бы для той функции, для которой он предназначен, — служить средством построения логически корректных цепей рассуждений в терминах си темы готового знания. Всякое негемпликационное сочетание в формализованном языке есть *contradictio in adjecto* и может свидетельствовать лишь о том, что знание не вполне систематизировано, а язык, его выражающий, не вполне формализован.

Напротив, естественный язык, будучи первичной основой абстрагирующего обобщающего сознания, находится в таком отношении к сознанию и устроен так, что способен обслуживать знание в его становлении, развитии, движении, в незавершенности и неполной систематизированности. Естественный язык предусматривает и такое положение, когда о вещах, их свойствах — отношениях и о распределении свойств и отношений между вещами известно еще недостаточно. Поэтому экстенционалы и импликационалы, равно как и сами интенционалы имен (ср.

индуктивно-эмпирическое понятие) подвижны, текучи. (Это одно из отношений, в которых лексику естественных языков следует квалифицировать как открытую систему). Негимпликационные сочетания в этом аспекте выступают как отражение в языке бесконечности связей объективного мира, как одно из проявлений «текучести» и диалектичности сущностей объективного мира, отсутствия в нем жестких непреложных границ. Вместе с тем в негемпликационных сочетаниях обнаруживается также и отраженная диалектичность самого сознания. Содержание понятий, их связи, границы их импликационалов оказываются также подвижными. Установление непреложных границ, жесткое определение интенционалов и импликационалов, совершенно необходимое для решения конкретных задач познавательной и практической деятельности человека, вместе с тем сопряжено с известной конструктивной действительности и оправдывается лишь потребностями определенного уровня познания и определенного круга задач человеческой деятельности. Развитие сознания совершается через конструктивации такого рода и последующее преодоление их узости, неадекватности посредством конструктиваций высшего порядка [Горский].

В формализованном логическом языке экстенционально-импликационные правила сочетаемости имен должны быть строгими, с тем чтобы можно было недвусмысленно квалифицировать выражение как истинное, ложное или бессмысленное. Коллокационные правила в формализованном языке излишни. Напротив, естественный язык допускает значительную свободу экстенционально-импликационных правил сочетаемости, а вместе с тем вводит дополнительные коллокационные правила, осложняющие норму сочетаемости слов. Норма сочетаемости в естественном языке существует как подвижное правило, возникающее из усреднения знаний о мире и опыта языковой деятельности, она находится в постоянном движении и подвергается постоянным сдвигам. Осознание сдвига предполагает осознание нормы, и вместе с тем сдвиг представляет собой попытку заменить старую норму новой, более широкой. Привычный сдвиг видоизменяет норму и приводит к тому, что или расшатываются коллокационные ограничения сочетаемости или узаконивается новое значение в узусе слова.

6.8. Можно указать по меньшей мере две причины, объясняющие возникновение и допустимость негемпликационных сочетаний.

6.8.1. Так, прежде всего диалектическая природа объективного мира и познавательного процесса предусмотрена строением естественного языка и находит свое отражение, в частности, в возможности осмысленных сочетаний относительно несовместимых десигнатов. Осмысленные негемпликационные сочетания свидетельствуют о том, что несовместимость десигнатов относительно, ограничена какими-то пределами. В этом аспекте *raison d'être* негемпликационных сочетаний состоит в интеграции сознанием некоторого более широкого взгляда на мир, в замене какой-то привычной, но узкой и неадекватной картины его связей картиной более сложной и полной.

Свобода экстенционально-импликационных и коллокационных норм сочетаемости, позволяемая естественным языком, максимально используется поэзией. Нестандартность семантической комбинаторики, своеобразия и широта лексической сочетаемости составляет одну из отличительных особенностей поэтического языка. Более того, поэзия, по видимому, непрерывно развивается в этом направлении, и каждый ее последующий этап отличается все большей свободой семантического

синтаксиса. Совершается постоянное расширение «допусков» сочетаемости, сочетание семантически «несовместимых десигнатов» становится все более привычным приемом. Поэты сплошь и рядом экспериментируют с негиппликационными признаками. В целом это неизбежный и необходимый процесс. Поступая таким образом, поэт не просто «облегчает душу выражением», но выполняет общественно необходимую познавательную-языковую функцию — функцию интеграции концептов и элементов объективного мира в глобальном сознании. Указывая новые необычные связи десигнатов, а через них — вещей и признаков, до того считавшихся несовместимыми, разрозненными, он помогает интегрировать их в общей системе связей, отраженных в сознании, и вместе с тем эксплицирует более развитую систему этих связей. Это касается прежде всего чувственно-эмоциональной интеграции десигнатов, но не ограничивается только этой стороной: одновременно разветвляются и интегрируются интеллектуально-когнитивные связи десигнатов.

Функция такой интеграции не менее, а может быть, еще более существенна в настоящее время, когда экспоненциальное ускорение общественной жизни сталкивает человека со стремительно возрастающим потоком новых вещей и понятий. Можно предположить, что существует корреляция между экспонентой научно-технического и культурного прогресса человечества и либерализацией семантических норм поэзии.

6.8.2. В другом аспекте негиппликационные сочетания свидетельствуют об известной неадекватности ономаσιологической системы потребным задачам поэтического (художественного) выражения. Отработанная общепринятая система средств обозначения оказывается недостаточной для поэтических целей и неспособна полностью удовлетворить специфическим задачам поэтического сообщения. Как уже указывалось выше (при разборе контракции), своеобразие коммуникационной задачи в поэзии, специфическая целевая установка (purpose) художественного сообщения состоит в том, чтобы предмет сообщения переживался SR соответственно замыслу SP. Иными словами, в поэтическом сообщении необходимо не только актуализировать в сознании SR некоторое информационное состояние, но и вызвать в нем требуемое субъективно-эмоциональное, прагматическое отношение к предмету сообщения. Поэтому поэзия склонна отбирать такие средства выражения, которые, помимо собственно информационного, интеллектуального когнитивного компонента смысла, были бы дополнительно нагружены прагматическим, субъективно-оценочным содержанием.

Неадекватность наличной системы ономаσιологических средств поэтическому замыслу может быть обусловлена различными факторами: концептуальное несоответствие наличных имен авторскому замыслу (т. е. отсутствует имя, интенционал и экстенционал которого бы соответствовали идее SP), коннотационное несоответствие наличных имен авторскому замыслу (т. е. отсутствует имя с требуемым эмотивным значением), импликациональное несоответствие наличных имен авторскому замыслу (т. е. не находится имени, импликациональные признаки которого соответствовали бы замыслу поэтического сообщения, так чтобы совокупное содержание отдельного имени ассоциативно согласовывалось с содержанием целого сообщения) и, наконец, несоответствие наличных имен техническим условиям поэтической формы (например, стихотворному размеру, требованиям фонетического строя: благозвучию,

аллитерации и т. п.). Поскольку поэту приходится учитывать все эти факторы одновременно, то можно оценить сложность задачи поэтического выражения.

Указанная неадекватность имен преодолевается «транспозицией семантической стороны знака» (С. Карцевский), обращением к «вторичным семантическим функциям слов» (Е. Курилович), «метасемиотическим использованием языкового знака» (О. С. Ахманова). Имена употребляются не в нормативных первичных прямых, а во вторичных переносных значениях: вступает в дело вторая ступень ономаσιологической системы.

6.8.3. Итак, другой *raison d'être* негиппликациональных сочетаний состоит в том, что это — способ выразить трудно выразимое и обозначить то, для чего в норме нет прямого обозначения. Они возникают тогда, когда для концептов экспликанта и/или экспликандума не находится прямого имени, адекватного замыслу SP. Имена экспликанта и/или экспликандума используются во вторичных значениях, соответствуя концептам в замысле SP, а их первичные прямые смыслы создают фоновый эффект сочетания несовместимых десигнагов.

6.9. Семантическая транспозиция ставит перед SR задачу правильного осмысления имен. Возможность однозначной семантизации ненормативных имен определяет разумно допустимый предел семантического экспериментирования SP. Негиппликациональный характер сочетания сигнализирует SR ненормативность обозначения и побуждает его к поискам смысла. Вторичные значения связаны с первичными весьма разнообразными ассоциативными связями, между ними нет регулярной зависимости. Окказиональные значения, вторично приписываемые именам, не предсказуемы или же только вероятно предсказуемы, если опираться только на знание первичных значений. Положение, однако, радикально меняется, как только значения связываются в цепи осмысленных контекстов. В лингвистике давно замечено и неоднократно по разным поводам указывалось, что относительно небольшой контекст (так называемый минимальный контекст) и условия речевого акта (речевая ситуация) снимают полисемию имен и обеспечивают однозначность осмысления имени, в том числе ненормативно используемого. Универсальная, единообразная у всех людей система логических связей концептов, составляющая основу всякого знания, снимает многозначность возможных осмыслений отдельного имени и обеспечивает правильную и единственную семантизацию имен в окказиональных вторичных значениях.

6.9.1. В целом осмысление сообщений с негиппликациональными сочетаниями совершается по следующему алгоритму. На первом шаге выявляется какой-то достаточный контекст, позволяющий определить предметно-референционную область сообщения, что, в свою очередь, позволяет судить о том, какие имена употреблены нормативно в первичных значениях, а какие — ненормативно во вторичных переносных. На втором шаге осмысляются ненормативно употребленные имена. При этом совокупное содержание первичного значения такого имени, т. е. относящиеся к нему содержательные интенциональные и импликациональные признаки, очерчивает область семантического поиска, а логические связи концептов в сообщении указывают направление этого поиска и вынуждают отобрать из указанной области те содержательные признаки, которые логически вписываются в общую картину и составляют содержание вторичного значения ненормативного имени в данном

контексте. Ср. с этой точки зрения выдержки из поэтических контекстов с негемпликационными сочетаниями, приведенные выше. К примеру, выражения *the seeds, assuaged, реер from the nested spray* (R. Eberhart) || *проклюнет снежные скорлупы трава* (И. Кашежева) составляют достаточный контекст для установления и однозначной семантизации ненормативно использованных имен *assuaged, реер* || *проклюнет, скорлупы*: налившиеся семена прорастают из своего ложа, пробьется сквозь снежную корку новая трава¹.

Важно заметить, что в описанном процессе ни SP, ни SR не имеют дела с каким-либо новым кодом, отличным от имеющегося. Иными словами, процесс семантизации имен в негемпликационных сочетаниях не есть процесс дешифровки, при которой от SR требовалось бы раскрыть неизвестный ему код для того, чтобы понять сообщение. И замысел, и осмысление опираются на знание логических связей концептов и соотношений между концептами и знаками в данном языке, т. е. не предполагается знание чего-либо сверх того, что уже известно SP и SR. Успех семантизации, ее соответствие авторскому замыслу вовсе не зависит от раскрытия какого-то особого кода, якобы скрытого в поэтическом тексте. Он зависит от того, насколько соизмеримы системы знания и тезаурусы словарей в мышлении SP и SR, т. е. от факторов, обеспечивающих коммуникабельность всяких текстов у людей, говорящих на одном языке.

В связи с этим представляется ошибочной точка зрения У. Вейнрейха, полагавшего, что порождение и понимание всяких нестандартных гиперсемантизированных сообщений сопряжено с принятием особого кода, хотя бы создаваемого *ad hoc* [Вейнрейх, 169 и след.]. Это справедливо лишь относительно символического иносказания, т. е. таких жанров поэтического сообщения, как притча, басня, аллегория и т. п., где действительно вводится особый код, но никак не справедливо как общий тезис. Объявление всякого образного языка своеобразным кодом мало что добавляет к раскрытию сущности художественного выражения, а скорее лишь демонстрирует силу физикалистских иллюзий, гипнотизм естественнонаучной терминологии. Надо подчеркнуть, что, если только поэтическое сообщение не ставит символическое иносказание своей намеренной целью, поэзии нет необходимости изобретать специфические коды, а достаточно обратиться к метасемиотическим возможностям выражения, заложенным в средствах общепринятого языка. Использование этих возможностей вовсе не равнозначно созданию особого кода, оно происходит на базе общепринятого кода естественного языка по общим закономерностям мышления и психики, в соответствии с логическими и психологическими нормами ассоциирования концептов в сознании. Смена кода означала бы, что привычным десигнаторам естественного языка приписываются несвойственные им в общепринятом коде первичные значения. Метасемиотическое использование языковых средств, однако, не предполагает смены кода в таком смысле и не отменяет общепринятую систему первичных значений. Вторичные значения в текстах существуют на базе первичных и осмысливаются через них. Выразительный образный эффект вторичного обозначения

¹ В этой связи представляется справедливым взгляд на первичное значение слова как на значение, не определяемое контекстом, а на вторичное — как на обусловленное контекстом. В самом деле, осмысление контекста, как можно видеть, опирается на первичные значения имен, а имена во вторичных значениях сами осмысливаются с опорой на контекст.

достигается именно за счет взаимодействия вторичного значения с первичным.

6.9.2. Принятие особых кодов в поэзии, не мотивированное потребностями символического иносказания или криптологического выражения мысли, порождает поэтическую «заумь», делает поэзию некоммуникабельной, отнимает у нее качество народности и лишает ее познавательной и прагматической (эстетической и воздействующей) ценности. Поэзия при этом вырождается в бессодержательный формалистический эксперимент. Именно здесь проходит допустимый предел свободы поэтического выражения и, в частности, свободы в способах именовании и комбинаторике имен. Семантическое экспериментирование, получившее в современной западной поэзии «небывалое распространение» [Вейнрейх, 195], нередко переходит этот разумный предел. В крайних формах модернистского искусства это экспериментирование доведено до полного обесмысливания выражений именно за счет того, что поэты разрушают общепринятый код системы первичных значений естественного языка и изобретают индивидуальные коды *ad hoc*.

Итак, ономаσιологическая и комбинаторно-семантическая свобода поэтического языка и связанная с ними свобода негемпликационных сочетаний не беспредельны, а управляются логико-психологическими закономерностями, общими у SP и SR, и основываются на системе первичных обозначений, также общей у SP и SR. Чрезмерная эксплуатация этой свободы может нарушить разумную меру и сделать поэтическое сообщение бессмысленным. Мера семантического экспериментирования определяется возможностью осмыслить сообщение на базе общепринятого кода естественного языка, не прибегая к какому-то специальному коду, создаваемому *ad hoc*, для данного поэтического сообщения. (Часто такой код не известен никому, кроме его автора, а иногда не вполне понятен и ему самому!)¹.

Если поэт основывается на общепринятой ономаσιологической норме естественного языка, то семантический эксперимент оправдан и, по-видимому, является единственной соответствующей специфическим целям поэтического сообщения возможностью выразить, не увеличивая словарь единиц выражения, содержание, для которого в норме не предусмотрено адекватное выражение. Не создавая нового словаря десигнаторов, сверх имеющегося в норме — так поступил бы ученый, — поэт использует метасемиотические возможности единиц готового словаря, их потенциальный содержательный *surcharge*. При этом возникают содержательно осложненные, но доступные пониманию гиперсемантизированные сообщения, в которых на единицу выражения приходится больше содержания, чем в норме. Дело в том, что переносные значения имеют более богатое (хотя и менее определенное) содержание, чем первичные. Было замечено, что определение переносных вторичных значений включает имена в первичном значении, которые, таким образом, составляют часть содержания вторичного значения [Арнольд, (1)]. К этому еще добавляется прагматический компонент содержания, более

¹ К примеру, исследователи поэтики Одена (W. H. Auden) и Элиота (T. S. Eliot) отмечают значительные индивидуальные особенности их образно-символических кодов. В поэзии Одена 1928-36 гг. вода символизирует обновление, животворное начало, города и долины — места современной юдоли, страданий людей, острова — землю обетованную, место избавления от страданий и т. д. У Элиота *dry* — *dryness* всегда ассоциировано с бесплодной, никчемной, пустой жизнью без цели, веры и надежды.

богатый во вторичных семантических функциях имен, чем в первичных.

6.9.3. При переподчинении и контракции негемпликациональный экспликант семантически достаточно автономен по отношению к своему экспликандumu. Синтаксическая связь между ними формальна и не подкрепляется отработанным отношением десигнагов. Это обстоятельство имеет любопытные следствия для структуры поэтического сообщения, избоблюющего негемпликациональными сочетаниями такого рода: она расслаивается на внешний (поверхностный) текст и внутреннюю (глубинную) интерпретацию, подтекст сообщения. Внешний текст при этом мозаичен в том смысле, что синтаксические связи слов достаточно формальны и внешняя синтаксическая структура неадекватна имплицитной структуре содержательных связей. Слова лишь заполняют соответствующие позиции (места) во внешней синтаксической структуре, но семантически достаточно автономны от тех связей, которые навязывает им формальный синтаксис. Интерпретация поверхностного текста есть восстановление в полном объеме имплицитной структуры логических связей семантических компонентов сообщения согласно авторскому замыслу и в конечном счете ориентирована на воссоздание сообщения в терминах нормативного языка, хотя и не обязательно, чтобы она доводилась до эксплицитного конструирования сообщения в терминах нормы, т. е. необязателен эксплицитный перевод поэтического сообщения в терминах нормативного языка. Она может задерживаться на каком-то уровне внутренней речи, но даже неосознанно норма задает направление интерпретации, при этом восстанавливаются пропущенные имплицитно содержащиеся концепты (имена), происходит перестроение концептов (имен) в логические цепи.

Иллюстрацию удобно начать с русского примера. Возьмем стихотворение Н. А. Заболоцкого (две первые строфы, не влияющие существенно на анализ, опущены):

...Можжевеловый куст, можжевеловый куст, | Остывающий лепет
изменчивых уст, | Легкий лепет, едва отдающий смолой, | Проколовший
меня смертоносной иглой!! В золотых небесах за окошком моим!
Облака проплывают одно за другим, | Облетевший мой садик безжизнен
и пуст ... | Да простит тебя бог, можжевеловый куст! (26—314)

Тема ясна: горькое, но «прощающее» воспоминание о разрыве с любимой, изменившей своему чувству; печальным напоминанием и символом разрыва остался можжевеловый куст: его зелень так же вечна, как чувство поэта, и так же колюча, как память о разрыве. Облетевший, безжизненный и пустой сад, напротив, ассоциирован с глубокой переживанием утраты. Уменьшительная форма «садик» вносит ноту горестного бессилия. Образы сада и можжевелового куста контрастируют как антиподы, параллельные лирическому герою и неверной возлюбленной. Совмещение настолько сильно, что прощение адресовано можжевеловому кусту.

Первая и вторая строфы кардинально различны по семантическому строю. В первой много сочетаний несовместимых десигнагов: остывающий лепет (уст); изменчивые уста; лепет, едва отдающий смолой; лепет, проколовший смертоносной иглой. Во второй сочетаемость почти нормативна, метафоры «безжизненный сад», «золотые небеса» и метонимическая контракция «облетевший садик» умеренны и достаточно привычны. Это различие хорошо согласуется с темами и *rapport* двух строф. Первая — рассказ о горестном объяснении, и «взбудораженная»

сочетаемость коннотирует смятение чувств: эмоциональное потрясение настолько велико, что логика отказывает. Вторая говорит о чувстве горьком, непреходящем, но отстоявшемся, просветленном, и ей соответствует спокойная комбинаторика.

Интерпретация (декодирование) восстанавливает имплицитные концепты (и имена), например: она, (ее) объявление о разрыве, дыхание и смущение говорящей, глубина (его) переживания. Вместе с тем реконструируется логическая связь концептов, например, можжевельный куст: запах смолы, колючие иглы, вечно зелен; она: дыхание, пахнущее смолой; тихая смущенная речь; объявление об «остывающем», «изменчивом» чувстве и т. д. Ассоциирование параллельных образов достигается за счет того, что признаки можжевельного куста приписаны образу женщины: дерево лишь названо в первой строке, а связанные с ним признаки обнаруживаются позднее как предикаты «лепета изменчивых уст». С другой стороны, безжизненность «проколотого смертоносной иглой» возникает как предикат облетевшего сада.

Обратимся к английским примерам: The apes yawn and adore their fleas in the sun | ...Cage after cage seems empty or | Stinks of sleepers from the breathing straw. (T. Hughes, 17-384)

O when I take my love out walking | In the soft frosted stillness of this summer moon ... (K. Patchen, 17-93)

В первом примере описывается посещение зоопарка в жаркий день. Свобода семантического комбинирования позволяет автору «спрессовать» в одном предложении несколько мыслей, поступаясь в известной мере логикой и однозначностью выражения: the apes adore their fleas in the sun — обезьяны ловят блох, день солнечный, им нравится и солнце, и их занятие; cage after cage stinks of sleepers from the breathing straw — из клеток пахнет, звери спят, зарывшись в солому, солома колышется от их дыхания. Логика связей восстанавливается из контекста целого при интерпретации.

Второй пример иллюстрирует весьма типичную для поэтического языка свободу синтаксической организации экспликантов — эпитетов, разрешающую самые разнообразные их перестановки в подчинительных структурах. Имена концептов: лето, луна, тихая, мягкая погода, матовый рассеянный свет — связаны друг с другом в соответствии не столько с онтологией вещей, сколько с требованиями техники стиха, желанием (rigor) максимально актуализировать в сознании SR одни концепты и оставить в тени другие и т. п.

Гиперсемантизированные сообщения с нарочитым разладом семантических связей требуют для осмысления большего контекста, чем нормативные. Однозначность таких сообщений у SR и SP, естественно, более проблематична, не исключена множественность интерпретаций и референционная неопределенность. Искусство кодирования таких сообщений состоит, очевидно, в том, чтобы при видимой свободе сочетания концептов в своей совокупности они создавали законченную сеть импликаций, вмещающую все семантические компоненты внешнего текста и исключающую неопределенность интерпретации. Внешний текст может содержать ключевые компоненты, замыкающие на себя семантическую структуру текста и облегчающие его однозначную интерпретацию. В приведенном стихотворении Н. А. Заболоцкого таким ключом, ориентирующим интерпретацию, служит эпитет «изменчивые (уста)».

Гиперсемантизированные сообщения осмысляются не столько за счет

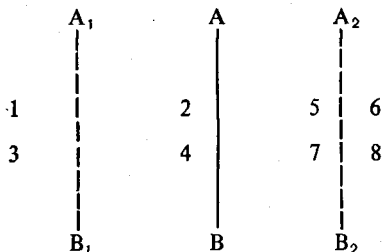
содержания, черпаемого непосредственно из структур внешнего текста, сколько из его интерпретации. Достоинство поэтической гиперсемантизации, впрочем, заключается не просто в экономной компрессии выражаемого содержания, но в невозможности иного адекватного выражения авторского замысла. Ср. следующий пример (говорится о каретах скорой помощи):

Closed like confessionals, they thread | Loud noons of cities ... (Ph. Larkin, 1-417)

Нормативный синтаксис – Closed like confessionals they thread the (streets of) cities at noon, at which time the streets are (crowded and, therefore) noisy (X loud) – восстановил бы имплицитные концепты и логические связи, но мы получили бы два содержательно не равноценных предложения. Они, хотя и описывают одинаковое обстояние дел, но соответствуют разным коммуникативным задачам. Второе будет воспринято SR иначе, чем первое: оно соответствует умозрительному, нейтральному восприятию ситуации. В первом же SP и SR сопричастны описываемой ситуации, эмоционально вовлечены в нее. Синтаксис в нем «спешит», но столь же неотложен описываемый факт.

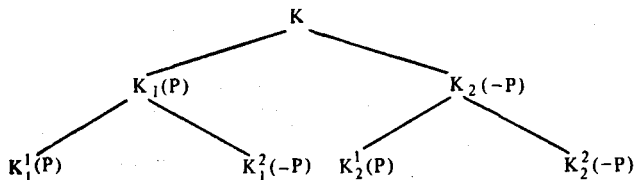
6.10. Подведем общий итог семантической комбинаторики негемпликациональных сочетаний. Сочетания с экспликацией антонимических и неантонимических несовместимых признаков обнаруживают действие другого комбинаторно-семантического правила – правила дизъюнкции. Суть дизъюнкционного правила состоит в том, что в негемпликациональном сочетании из двух несовместимых признаков выбирается один, а другой погашается. Если экспликант и экспликандум содержат несовместимые семантические признаки, то сочетание может быть осмыслено при следующих условиях. Во-первых, обнаруживается, что несовместимость признаков не абсолютная и не распространяется на данный описываемый факт. Во-вторых, обнаруживается, что имеет место переподчинение предикатов в цепочках с последовательным подчинением при вынесении или полном устранении посредствующего термина (контракция выражения). При осмыслении контракционных выражений восстанавливается посредствующий концепт и тем самым снимается несовместимость семантических признаков. В-третьих, обнаруживается, что или экспликант, или экспликандум, или, наконец оба они не «вписываются» в своих первичных значениях в когнитивно-референционную модель сообщения, и тогда соответствующее слово переосмысливается таким образом, что устраняется несовместимость семантических признаков. Переосмысливаемое слово при этом или обобщает свое значение или подвергается семантическому сдвигу. Правила конъюнкции и дизъюнкции составляют непреложную логико-семантическую основу комбинаторики экспликационных сочетаний. Нарушение их – лишь видимость, так как ведет к бессмыслице. Мнимая свобода от комбинаторно-семантических правил – не более чем способ, посредством которого естественные языки, обыгрывая непреложность правил конъюнкции и дизъюнкции семантических признаков, эффективно решают нестрогим образом многообразные и сложные задачи выражения когнитивного и прагматического содержания, не предусмотренные в общем коде первичных значений. В негемпликациональных сочетаниях имена приобретают вторичные значения, коммуникабельность которых зависит лишь от того, насколько они соответствуют общечеловеческим логическим и психологическим закономерностям ассоциирования концептов.

§ 7. В естественных языках возможен также своеобразный и теоретически весьма интересный класс экспликационных сочетаний с тождественными или несовместимыми антонимическими семантическими признаками, на которые, однако, не распространяются правила конъюнкции и погашения этих признаков, равно как и имена в таких сочетаниях не переосмысляются. Если имеем структуру объектов (обозначены цифрами), как на схеме,



то относительно центральной оси АВ они делятся на левые и правые. В свою очередь, и левые, и правые объекты можно подразделить относительно осей $gesp. A_1B_1$ и A_2B_2 также на левые и правые. Таким образом, объекты 1, 3 могут быть обозначены как left left || *левые левые*; 2, 4 — как right left || *правые левые*; 5, 7 — left right || *левые правые*; 6, 8 — right right || *правые правые*. Интенционалы имен left || *левый* и right || *правый* не меняются, но на каждом шаге меняется их экстенционал, так что в сложном имени left right || *левый правый* экстенционал экспликанта составляет часть экстенционала экспликандума.

Итак, оказывается, что возможны такие семантически тождественные признаки Р и такие семантически контрадикторные признаки Р и $-P$, как, например, левый и правый, верхний и нижний, новый и старый и т. п., которые допускают последовательное членение класса К на $K_1(P)$ и $K_2(-P)$, а каждого из этих подклассов на том же основании на $K_1^1(P)$ и $K_1^2(-P)$, $K_2^1(P)$ и $K_2^2(-P)$, т.е. по схеме:



При обозначении и описании таких классов и вещей, к ним относящихся, возникают квазивавтологические и квазиоксюморонные (квазиантонимические) сочетания с явным экспликационным отношением имен типа: 1) the right right, the beginning of the beginning, the first among the first, (he) loves to love, (he) started to begin, (he) stopped finishing || *правый правый, начало начала, первый из первых, (ему) нравится любить, (он) начал закуривать, переставать заканчивать* и т. п.; 2) the right left, the first among the last, the beginning of the end, (he) likes to hate, (he) began to finish, (he) stopped finishing || *правый левый, первый из последних, начало конца, (ему) нравится ненавидеть, (он) кончил закуривать* и т. п. Очевидно, сочетания такого рода возникают, когда Р и $-P$ одновременно и контрадикторные (антоними-

ческие), и конверсивные признаки. Осмысление их предполагает, что уяснено соотношение экстенционалов.

Ср. также следующие примеры:

In doubtful dreams of dreams. (A. Ch. Swinburne, 6-463)

It is man did it, man! Who imagined imagination. | And he did what man can: | He uncreated creation. (R. Eberhart, 9-528)

There is a law governs their lawlessness. (R. Eberhart, 17-40)

Half the time they are simply showing off by not showing off. (G. K. Chesterton, 21-4206)

Unconventionality is their convention. (G. K. Chesterton, 21-386)

I am afraid of my fear. (J. Cornford, 1-413)

She was wearied of this tiredness. | This wearisome tiredness | That hung on her shoulders | Like a living thing. (M. Anderson, 15-32)

For if the watcher of the watcher shown | There in the distant glass, should be watched too ... (Thom Gunn, 17-379)

К кораблям и каютам я привык привыкать. (Песня)

...назначить ему меру наказания ниже низшего предела. (ЛГ, № 27 1973)

новые новые левые, старые новые левые («Иностр. лит-ра» 1972 № 10, с. 218).

В отличие от подлинных тавтологий и оксюморонов типа *oily oil* || *масляное масло* и *un-oily oil* || *немасляное масло* выражения этого рода логически вполне корректны. Они не плеонастичны, как *oily oil* || *масляное масло* или *live a happy life* || *любить странной любовью*, и не бессмысленны, как *un-oily oil* || *немасляное масло* или *live a happy death* || *любить странной ненавистью*. Для того чтобы описать семантику таких выражений, недостаточно сказать, что значением имени *N* является признак *P*, надо еще ввести понятие «порядок признака». Порядок признака *P* есть такое его свойство, что класс вещей *K(P)*, образуемый признаком *P*, включает подкласс *K₁*, образованный тем же признаком *P*, но не равный *K*. В этом случае мы должны сказать, что *P(K)* и *P(K₁)* — разные порядки признака *P*¹.

Не всякий признак имеет свойство порядка, а те, что имеют его, можно назвать ранжируемыми (*graded*) Таковы, помимо указанных выше, все признаки, образующие классы вещей, связанных линейной конверсивной зависимостью, например, признаки *be (a) father, mother* || *быть отцом, матерью* и т. п. Порядок ранжируемого признака и образуемого им класса удобно обозначать штрихами сверху: *P'*; *P''*; *K'*; *K''*. Если *K'(P')* включает не только *K'₁(P'')*, но и *K'₂(-P'')*, то по отношению к *P'* не только *P''*, но и *-P''* — признаки одного низшего порядка. Если, к примеру, в каком-то парламенте депутаты делятся по местам (но не по партийной аффилиации) на правых и левых, а каждая из этих групп также подразделяется на правых и левых, то правый правый (*P''*) и левый правый (*-P''*) — признаки второго порядка по отношению к правый (*P'*) или левый (*-P'*).

Различие в порядке семантического признака делает его содержательно не тождественным, хотя по существу это различие только в экстенционале, а не в интенционале понятия. Равным образом

¹ Стоит отметить, что понятие порядка признака — семасиологический рефлекс сложнейшей гносеологической и логической проблемы, известной как парадокс Рассела-Цермело. Здесь она решается в духе Расселовской теории типов.

квазиантонимические признаки разных порядков Р' и —Р" нельзя считать несовместимыми. По этим причинам не действуют правила конъюнкции и погашения; в таких сочетаниях нет тождественных или несовместимых семантических признаков.

В комбинаторно-семантическом плане важно еще заметить, что порядок признака нельзя включить в словарную дифиницию значения слова. Порядок не составляет часть лексического значения отдельного взятого имени ранжируемого признака (равно как и имени класса, образуемого этим признаком). Он оказывается семантическим приращением, возникающим в сочетании слов.

Если строить теорию комбинаторной семантики только на основе разложений лексических значений отдельных слов, то невозможно учесть такого рода семантические приращения сверх словарных значений и нельзя удовлетворительно объяснить, почему в одних случаях правило «зачеркивания» повторяющихся или несовместимых семантических составляющих действует, ср. *live a happy life* || *любить странной любовью* или *living corpse* || *живой труп*, а в других — нет, ср. *(he) loves to love and hate, the beginning of the end, father's father, father's mother* || *(ему) нравится любить и ненавидеть, начало конца, отец отца, отец матери*.

Квазитавтологиические и квазиоксюморонные сочетания наглядно показывают, что следует принять иной подход. Чтобы объяснить объем действия комбинаторно-семантических правил и прогнозировать это действие, мало знать семные составы и структуры сочетающихся лексических значений. Требуется еще и некий минимум сведений о синтаксисе сочетания, а именно надо знать, 1) есть ли экспликационное отношение между именами, и если есть, то 2) каков порядок совпадающих или несовпадающих семантических признаков.

Если мы учтем семантический компонент синтаксического происхождения, названный здесь «порядок признака», то станет ясным различие в комбинаторно-семантическом типе подлинных плеоназмов и оксюморонов, с одной стороны, и квазиплеоназмов и квазиоксюморонов, с другой. В *live a (happy) life* || *любить (странной) любовью* имена содержат однопорядковый тождественный признак, относящийся к описанию одного и того же денотата, и поэтому действует правило конъюнкции означаемых, тогда как в *he loves to love* || *(ему) нравится любить* имена называют разнопорядковые признаки. Такие признаки тождественны только в словаре, но не в сочетании. Поэтому для конъюнкции нет места, хотя оба признака и относятся к описанию одного и того же денотата.

Сходным образом анализируется оксюморон *living corpse* || *живой труп* и квазиоксюморон *he loves to hate* || *(ему) нравится ненавидеть*. «живой» и «мертвый» (сема в значении *corpse* || *труп*) — однопорядковые несовместимые признаки, сема «мертвый» погашается, так как именно *corpse* || *труп* употреблено не в первичном значении; *love* || *нравиться* и *hate* || *ненавидеть* называют в сочетаниях разнопорядковые признаки Р' и —Р", и «зачеркивание» не происходит, хотя в одном порядке эти признаки несовместимы.

Семантическая комбинаторика эллизионных словосочетаний

§ 1. Введение. § 2. Эллизионные сочетания слов с тождественными интенционалами: постановка задачи (2.1.), понятие парно-конверсивных связанных признаков (2.2.), референционная модель сочетаний этого типа (2.3.). § 3. Эллизионные сочетания слов с тождественными и несовместимыми семантическими признаками и их референционная модель. § 4. Семантическая комбинаторика эллизионных сочетаний: различия в комбинаторике экспликационных и эллизионных сочетаний (4.1.), конъюнкционное правило в эллизионных сочетаниях (4.2.), условия употребления атрибутивных сочетаний имен связанных парно-конверсивных классов (4.3.), дизъюнкционное правило в эллизионных сочетаниях (4.4.).

§ 1. Помимо экспликационных сочетаний с разнопорядковыми семантическими признаками — типа достаточного редкого, имеется другой и обширнейший класс подчинительных сочетаний, в которых зависимое слово также дублирует (полностью или частично) интенционал главного или же содержит антонимические семантические признаки и которые, тем не менее, 1) вполне корректны логически, 2) обозначают подкласс класса, называемого главным словом, и в которых 3) ни одно из имен — ни главное, ни зависимое — не подвергается переосмыслению. Речь идет о неэкспликационных сочетаниях типа *father's father*, *brother's friend*, *father's mother*, *colonel's daughters* || *отец отца*, *друг брата*, *мать отца*, *дочери полковника* и т. п. Все эти выражения относятся к сочетаниям с лексической эллизией имени отношения.

§ 2. Прежде всего рассмотрим комбинаторику эллизионных сочетаний с тождественными интенционалами.

2.1. В сочетаниях такого типа интенционал зависимого слова дублирует интенционал главного: *son's son*, *neighbour's neighbour*, *teacher's teacher*, *master's master*, *king of kings*, *tributary of (a) tributary* || *сын отца*, разг. *батин отец*, *мамина мама*, *вассал вассала*, *царь царей*, *слуга слуги*, *хозяин хозяина* и т. п. Теоретически возможны *n*-членные цепочки таких зависимостей: ...*father's father's father* || *отец отца отца*... Практически даже двучленные цепочки достаточно редки в речи, но и грамматически и логически они вполне правильны. Поскольку слуга слуги тоже слуга, а царь царей тоже царь и т. д., то потребность в подобных сочетаниях возникает только тогда, когда релевантным оказывается место в линейном ряду зависимостей¹. Далеко не всякое атрибутивное удвоение имени дает осмысленные выражения. Почему осмысленно, например, *tributary of a tributary* || *приток притока*, но бессмысленно **river of a river* || **река реки*, **branch of a branch* || **ветка ветки*? Каким условиям должна удовлетворять семантика имени, для того чтобы его удвоение в атрибутивном непредикативном сочетании давало логически корректное выражение? Или иначе: с именами ка-

¹ Заметим, что наряду со сложными терминами родства могут быть однословные термины близкой семантики. Хотя *father's father* || *отец отца* ≠ *grandfather* || *дед* (*grandfather* || *дед* = *father's / mother's father* || *отец отца / матери*), но часто ли это различие существенно?

Многочисленных сочетаний типа *father's father's father* || *отец отца отца*, а также типа *mother's father's mother* || *мать отца матери* и т. п. (см. ниже) избегают, по-видимому, не только по стилистическим причинам, но и потому, что они недостаточно обобщают; в них нет обобщения уровней иерархии (ср. с рядом *son - father - grandfather - great grandfather* || *сын - отец - дед - прадед* и т. п.), а поэтому обращение с ними затруднительно.

кого рода классов возможны логически корректные атрибутивные удвоения интенционалов? Очевидно, это возможно лишь для имен конверсивных классов.

2.2. В соответствии с определениями теории множеств будем различать два рода отношений: симметричные и несимметричные. При этом будем говорить, что отношение R симметрично, если статус аргументов в нем одинаков. Напротив, отношение R несимметрично, если статус аргументов в этом отношении различен. Например, если x и y связаны отношением соседства, то их статус в этом отношении одинаков: и тот и другой — соседи, поэтому отношение соседства симметрично. Если же x и y связаны, скажем, торговым отношением, то их статус в таком отношении неодинаков: x продает, y покупает. Поэтому отношение торговли несимметрично. Заметим, что такие понятия, как агент — объект — инструмент — средство — адресат и т. д. действия, не что иное как обобщенные категории статуса аргументов в несимметричных отношениях.

Если вещи D_1 и D_2 связаны несимметричным отношением и в этом и только этом отношении им присущи признаки $resp. P_1^+, P_2^+$, то такие признаки будем называть связанными парно-конверсивными признаками. Нетрудно видеть, что семантическое содержание связанного парно-конверсивного признака составляется из понятия некоего несимметричного отношения и некоего статуса аргумента в этом отношении. О таких признаках можно сказать, что они каузируют отношение R и сами каузируются этим отношением. Соответствующие классы вещей $K^1(P^1)$ и $K^2(P^2)$, а также имена классов $N^1(K^1)$, $N^2(K^2)$ и имена свойств $N_1^+(P^1)$, $N_2^+(P^2)$ будем называть парно-конверсивными *resp.* классами, именами классов и именами свойств, *ср.* master — servant, father — son/daughter, mother — son/daughter, giver — taker, seller — buyer, seller — commodity (goods), buyer — commodity (goods); buy — sell, sell — be sold, buy — be bought; interesting — interested, curious (idler) — curious (case) || *хозяин — слуга, отец — сын/дочь, мать — сын/дочь, вассал — сюзерен, продавец — покупатель, продавец — товар, покупатель — товар; продавать — покупать, продавать — продаваться, покупать — покупаться; интересный — интересующийся, любопытный (=интересный) — любопытный (=интересующийся)* и т. п. О парности приходится говорить, с тем чтобы отличить конверсивы, возникающие в отношении R , от конверсивов в отношениях R^1 , R^2 и т. д., не идентичных R . Так, муж и жена — парные конверсивы, а муж и теща — просто конверсивы (непарные).

Поясним теперь, почему необходимо говорить о связанных парно-конверсивных признаках. Допустим, имеется цепочка вещей D_1, D_2, D_3 , последовательно связанных идентичным отношением $D_1 - R - D_2 - R - D_3$, и D_1 так же относится к D_2 , как D_2 к D_3 . Тогда D_1 и D_2 имеют идентичный конверсивный признак P^1 , но у D_1 он существует в отношении к D_2 , а у D_2 — к D_3 . Вместе с тем D_2 и D_3 имеют другой идентичный конверсивный признак P^2 , парный с P^1 , но у D_2 признак P^2 возникает в отношении к D_1 , а у D_3 — к D_2 . Таким образом, D_2 обнаруживает оба парных конверсивных признака P^1 и P^2 , но эти признаки по определению не связаны; они существуют в отношениях D_2 к разным вещам, хотя эти отношения и идентичны.

По условию конверсивов не может быть вещи и класса вещей с двумя связанными конверсивными признаками, т. е. $K(P_1^+, P_2^+)$.

2.3. Референционную модель сочетаний типа (...father's) father's father || *отец отца (отца...)* обобщенно можно представить следующим

образом. Если денотаты $D_1, D_2, D_3 \dots D_n$ попарно связаны одинаковым отношением R и образуют линейный ряд, такой, что $R(D_1, D_2) = R(D_2, D_3) \dots = R(D_{n-1}, D_n)$, но не иначе, то все члены этого ряда, кроме D_1 , обнаруживают конверсивный признак P^1 и принадлежат к одному классу $K^1(P^1)$ и все члены этого ряда, кроме D_n , обнаруживают парный конверсивный признак P^2 и принадлежат к одному классу $K^2(P^2)$, а также все члены этого ряда, кроме D_1 и D_n , обнаруживают парные несвязанные конверсивные признаки P^1 и P^2 и принадлежат к одному классу $K^3(P^1, P^2)$. Если теперь введены имена N^1 для K^1 и N^2 для K^2 , то D_1 , при условии, что релевантно место в ряду, может быть обозначен как $N^1_1 + N^2_2 + \dots + N^1_{n-1}$ или как $N^2_1 + N^2_2 \dots + N^2_{n-1}$, где $+$ обозначает атрибутивную связь. Образующиеся при этом сочетания являются также и сложными именами соответствующих подклассов K^1 и K^2 . Ср.:

1) master – servant – servant’s servant – servant’s servant’s servant
 $D_1 \quad D_2 \quad D_3 \quad D_4$

2) master’s master’s master – master’s master – master – servant,
 $D_1 \quad D_2 \quad D_3 \quad D_4$

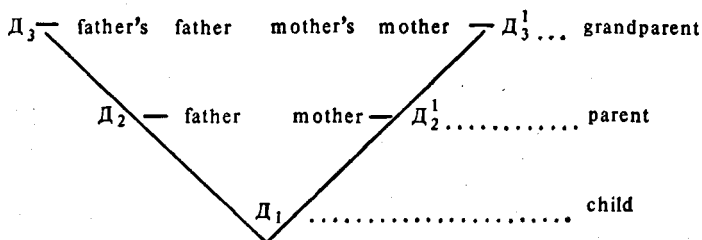
где P^1 — «быть слугой», P^2 — «быть хозяином», K^1 — «слуга», K^2 — «хозяин», N^1 — servant || *слуга*, N^2 — master || *хозяин*. В первом ряду члены квалифицируются относительно D_1 , во втором — исходный пункт квалификации определяется $D_n (= D_4)$.

Сочетания рассматриваемого типа осмысленны постольку, поскольку для имен конверсивных классов возможна указанная референционная модель. Если же она им несвойственна (ср. «продавец — покупатель, хозяин — гость, получатель — отправитель, писатель — читатель, рассказчик — слушатель» и т. п.), то, естественно, не отмечаются и атрибутивные удвоения.

§ 3. Наконец, имеется класс корректных атрибутивных непредикативных словосочетаний, в которых экспликант дублирует часть интенционала экспликандума. Это выражения типа father’s mother, mother’s father, son’s daughter, daughter’s son || *мать отца, отец матери, дочь сына, сын дочери* и т. п. Теоретически возможны n -членные цепочки таких зависимостей: ...son’s daughter’s son || *сын дочери сына*..., ...daughter’s daughter’s son || *сын дочери дочери*.... Практически уже трехчленные цепочки редки, хотя и логически и грамматически они вполне корректны.

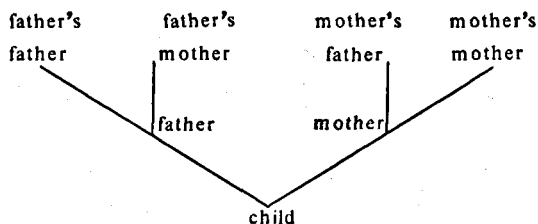
Референционная модель сочетаний этого типа имеет вид ветвящейся иерархии. Обобщенно ее можно представить так. Если, помимо рассмотренного ряда денотатов $D_1, D_2 \dots D_n$, существует второй ряд $D_1, D_2, D_3 \dots D_n$, для которого справедливо все, что было сказано о первом, то все члены первого и второго рядов, кроме D_1 , принадлежат к одному классу $K^1(P^1)$ и могут быть обозначены N^1 . При этом, однако, возникает необходимость различения рядов. Если все члены первого ряда, кроме D_1 , обладают, помимо общего конверсивного признака P^1 , таким общим неконверсивным признаком P^3 (для D_1 , признак P^3 иррелевантен), то все они, кроме D_1 , принадлежат к одному классу $K^3(P^1, P^3)$, имя N^3 . Если все члены второго ряда, кроме D_1 , обладают, помимо общего конверсивного признака P^1 и общим неконверсивным признаком P^4 (для D_1 этот признак также нерелевантен), то все

они, кроме D_1 , относятся к одному классу $K^4 (P^1, P^4)$, имя N^4 . Нетрудно заметить, что N^3 и N^4 — эквонимы при гиперониме N^1 : P^1 — их общая содержательная часть, а P^3 и P^4 — различительные признаки. Ср.



(где N^1 — parent, N^2 — child, N^3 — father, N^4 — mother).

Допустив далее, что не только D_1 , но и любой член в такой схеме может служить исходной точкой двух таких же рядов, мы получаем разветвленную иерархию, в которой каждое место, кроме D_1 , может быть описано относительно D_1 именами N^3 и N^4 и различными их атрибутивными комбинациями. При этом каждый член разветвленной иерархии конверсивных зависимостей получает свое особое обозначение¹. Ср.:



Поскольку N^3 и N^4 — эквонимы, то при их атрибутивном сочетании дублируется гиперсема экспликанта и экспликандума, т. е. общая категориальная часть их интенционала: father — male parent, mother — female parent, father's mother — male parent's female parent; daughter — female child, son — male child, daughter's son — female child's male child и т. п.

Обратим внимание на то, что атрибутивные сочетания, содержащие экспликант и экспликандум с общей категориальной частью интенционалов, оказываются логически корректными на уровне сигнификативных значений, если, как и следует из описанной выше референционной модели, 1) экспликант и экспликандум — имена конверсивных классов, 2) экспликант и экспликандум — не имена парно-конверсивных классов.

§ 4. Обратимся теперь к правилам семантической комбинаторики элизионных сочетаний.

4.1. Правила конъюнкции тождественных и дизъюнкции несовместимых семантических признаков не распространяются на сочетания

¹ В общем случае, представляющем, по-видимому, только логический интерес, следовало бы говорить о ветвлении не на два, а на n рядов при n уровнях. Но и тогда для отличительного обозначения любого члена иерархии рассматриваемого ряда было бы достаточно комбинаторики из n имен ветвей.

с элизией имени отношения. Несмотря на полное (как в father's father || *отец отца*) или частичное (как в mother's father || *отец матери* — общая сема «родитель») совпадение интенционалов, тут невозможна конъюнкция повторяющихся сем. Равным образом нет в них и дизъюнкции, выбора одной из несовместимых сем (ср. mother's father || *отец матери*, colonel's daughters || *дочери полковника* — имена содержат несовместимые семы пола). Причина состоит в том, что в элизийных сочетаниях имена называют не вещь и ее признак, а две разные вещи — аргументы какого-то отношения. Семантические признаки не взаимодействуют, поскольку они относятся к описанию разных вещей.

Семантика элизийных сочетаний описывается не на уровне семных разложений и семных структур слов-компонентов, а на уровне целых их лексических значений. Иными словами, для того, чтобы понять, прогнозировать и описать результирующее значение элизийного сочетания имен, нет нужды опускаться на уровень компонентного анализа их значений.

4.2. Тем не менее и в элизийных сочетаниях действует некоторая особая разновидность конъюнкционного правила. Действие этого правила обнаруживается в том случае элизийных сочетаний, когда оба аргумента квалифицированы и поименованы по этому отношению (см. гл. II, раздел 2, § 3.4): husband's wife, servant's master, master's servant, son's father, seller of goods, composer (author) of (a) composition, employee's employer || *жена мужа, хозяин слуги, слуга хозяина, отец сына, торговец товарами, сочинитель (автор) сочинения, начальник подчиненных* и т. п. Ср. также:

God Phoebus was a merry lad, | Courted my mother's daughter.
(J. MacPherson, 13-181) (my mother's daughter - I)

Мужайся сердце до конца: | И нет в творении творца | И смысла нет в мольбе! (Ф. Тютчев)

Муж моей жены (название спектакля).

Речь идет, как видно, об атрибутивных сочетаниях имен связанных парно-конверсивных классов. На сигнификативном уровне такие сочетания явно плеонастичны. Как и аналитические экспликационные сочетания типа predatory tiger || *хищный тигр*, они не образуют имен классов (точнее, подклассов), отличных от обозначенного главным словом¹:

seller || *торговец* — тот, кто торгует (чем-то); commodity || *товар* — то, чем торгует (кто-то); seller of commodity || *торговец товаром* — тот, кто торгует тем, чем (он) торгует; seller's commodity || *товар торговца* — то, чем торгует тот, кто (им) торгует; son || *сын* — прямой потомок мужского пола; mother || *мать* — прямой предок женского пола; mother's son || *сын матери* — прямой потомок мужского пола прямого предка женского пола; son's mother || *мать сына* — прямой предок женского пола прямого потомка мужского пола.

Парно-конверсивные связанные признаки, содержащиеся в интенционалах главного и зависимого слов, жестко имплицитуют один другой. $K_1(P_+)$ обязательно предполагает $K_2(P_-)$. Описание $K_1(P_+)$, имя

¹ По условиям конверсивов не может быть класса $K(P_+, P_-)$, т. е. класса вещей со связанными парно-конверсивными признаками. Что касается класса $K(P_+, P_2)$, т. е. класса вещей с несвязанными парно-конверсивными признаками, то для их обозначения чаще используются сочетания не с атрибутивной, а с аппозитивной связью (тип servant master, ruler slave || *хозяин-слуга, раб-властитель*).

N_1 , через $K_2(P)$, имя N_2 , не может что-либо добавить к содержанию имени N_1 , так как это отношение заложено в интенционале N_1 . К примеру, факт, описываемый сочетанием «муж моей жены», сводится к тому, что говорящий женат.

Однако импликация, существующая между парно-конверсивными, связанными признаками, отлична от обычной жесткой импликации двух признаков тем, что признаки принадлежат не одной, а двум разным вещам. Поэтому этот случай нельзя полностью свести к комбинаторно-семантическим правилам экспликационных сочетаний. Во всяком случае, он не может быть описан как дизъюнкция несовместимых семантических признаков. Условием дизъюнкции является подчинительное сочетание, в котором разные имена содержат несовместимые семантические признаки, приписывая их одной вещи. При дизъюнкции один из таких признаков погашается, а другой заступает вместо него в семантике сочетания. Здесь же связанные парно-конверсивные признаки не только исключают друг друга (в одной вещи), но и взаимно предполагают друг друга (в разных вещах). Поскольку P_+ и P_- приписаны разным вещам, для дизъюнкции нет места.

Рассматриваемый случай ближе конъюнкционному правилу комбинаторно-семантического взаимодействия. При конъюнкции тождественных семантических признаков не отдается предпочтение какому-либо из них. Ни один из них — ни в экспликандуме, ни в экспликанте — не погашается. Они сплавляются в один признак. Дважды названное мыслится как одно и принимается в расчет единожды. В нашем случае, хотя признаки не тождественны и приписаны разным вещам, они связаны жесткой импликацией. Сходство, таким образом, состоит в том, что в обоих случаях сочетания семантически избыточны. Экспликанд в одном случае и зависимое слово в другом не сообщают новой информации о денотате *гесп.* экспликандума или главного слова. Различие же в том, что в одном случае конъюнкция основана на простой прямой тавтологии, а в другом — на сложной тавтологии от противного (*ср. married wife* || *замужняя жена* и *husband's wife* || *жена мужа*).

Сами конверсивные признаки есть как бы рефлекс отношения в свойствах аргументов. Фиксируясь в лексических значениях имен классов по отношению, они описывают не только отношение, но и способ участия аргумента в отношении, его статус в отношении. Иначе сказать, содержательно конверсивный признак — это отношение плюс статус одного из аргументов этого отношения: агент, объект, инструмент, посредство, адресат и т. д. и т. п. (*ср. seller — buyer — commodity, employer — employee, superior — inferior* || *продавец — покупатель — товар, отправитель — получатель, начальник — подчиненный* и т. п.).

Если в занимающих нас сейчас сочетаниях восстановить имя отношения (т. е. трансформировать их таким образом, что имя отношения будет выражено лексически вне имен аргументов), то семантически избыточными могут оказаться имена обоих аргументов. Причина состоит в том, что имя отношения выражает не только отношение аргументов, но может указывать и статус аргументов в этом отношении. В таком случае оказываются избыточными парно-конверсивные связанные признаки в лексических значениях имен обоих аргументов. Например, *a mother gave birth to a son* || *мать родила сына* значит не

более чем a woman gave birth to a boy || *женщина родила мальчика*¹, a servant serves to a master || *слуга служит у хозяина* значит всего лишь x serves to y || x *служит* у y и т. п. Нет, однако, необходимости формулировать особое комбинаторно-семантическое правило для таких трехчленных конструкций. Для них достаточно правил комбинаторики экспликационных сочетаний: лексические значения имен аргументов взаимодействуют порознь с лексическим значением имени — многоместного предиката по правилам конъюнкции тождественных семантических признаков, ср. a mother gave birth... = a woman gave birth... || *мать родила...* = *женщина родила...*, ...gave birth to a son = ... gave birth to a boy || *...родила сына* = *...родила мальчика*.

4.3. Атрибутивные сочетания имен связанных парно-конверсивных классов, при всей их избыточности, достаточно обычны в речи. Не говоря уже о нарочитом использовании логического круга таких сочетаний ради комического эффекта (ср. my mother's daughter || *муж моей жены*), следует отметить два случая ординарного их употребления. В первом случае зависимое слово имеет ограничивающее определение, как в cruel master's servant || *слуга жестокого хозяина*. В силу корреляции между денотатами парно-конверсивных классов сочетание обозначает подкласс экспликандума, парный подклассу, называемому зависимым словом с определением. Во втором случае экспликандум, так же как и экспликанд, имеет денотативное значение, причем индивидуальные признаки денотата экспликандума выявляются через корреляцию с денотатом экспликанды (тип this master's servant || *слуга (этого) хозяина* и т. п.). Благодаря корреляции между денотатами двух классов возможно идентифицировать денотат одного из классов через парный ему денотат другого класса.

4.4. Возможны, наконец, и такие элизионные сочетания, в которых создаются условия для дизъюнкционного правила. Если для денотатов имен в их первичных значениях невозможно отношение, которое им приписывается в элизионном сочетании, то при семантизации такого сочетания надо переосмыслить какое-то имя так, чтобы получить концепты совместимых аргументов. Несовместимость аргументов семантически отражается в том, что в значениях имен содержатся несовместимые признаки. При осмыслении таких элизионных сочетаний в первичном значении имени, не соответствующего ономазиологической норме, погашается семантический признак, обуславливающий несовместимость аргументов. Тем самым несовместимость аргументов устраняется, а значение имени обобщается. Комбинаторно-семантический процесс следует формуле: $(\frac{c}{d}) R (\sim C) > (D) R (\sim C)$, где R — символ элизионного отношения, c и $\sim C$ — несовместимые семантические признаки, запрещающие для аргументов A ($\frac{c}{d}$) и B ($\sim C$) отношение R.

Ср. air (space) ship || *воздушный (космический корабль)*; ship || *корабль* — водное транспортное средство: $\frac{c}{d}$; air (space) || *воздушный (космичес-*

¹ Во избежание недоразумения надо заметить, что в русском языке выражения вроде «мать родила сына» допускают два осмысления: 1) женщина родила мальчика, 2) (чья-то) мать родила мальчика. Во втором случае, семантически менее избыточном и поэтому более нормативном, имена «мать» и «сын» наделены парно-конверсивными, но не связанными семантическими признаками.

кий): $\sim C$. элизионное отношение $R \approx \text{intended for 'предназначенный' air (space) ship} \parallel \text{воздушный (космический) корабль}$: (D) $R (\sim C)$.

Значение *ship* \parallel *корабль* обобщается, слово уже означает не водное транспортное средство, а транспортное средство вообще, поскольку концепт «воздух (космос)» имеет в сочетании собственный десигнатор. Обобщенное значение может остаться окказиональным, а может, как в приведенных примерах, быть фиксировано в узусе наряду с первичным. В последнем случае новое значение отвлекается от сочетания, становится частью семантической структуры слова и само служит базой для новых сочетаний, ср. *space-ship* \parallel *космический корабль*.

В частном случае несовместимая сема не исчерпывает интенционал имени аргумента B , а составляет только часть его, например $B = \frac{e}{\bar{e}}$

Но комбинаторный процесс существенно не меняется: (A) $R(B) > > (\frac{e}{d}) R (\frac{e}{\bar{e}}) > (D) R (\frac{e}{\bar{e}})$. Ср. *ship of the desert* \parallel *корабль пустыни*: *desert* \parallel *пустыня* — песчаная суша: $\frac{e}{\bar{e}}$; *ship of the desert* \parallel *корабль пустыни*: (D) $R (\frac{e}{\bar{e}})$.

Таким образом, правило дизъюнкции несовместимых семантических признаков распространяется и на элизионные сочетания, но только в том специальном случае, когда несовместимые признаки запрещают именно то отношение, которое связывает аргументы элизионного сочетания. Во всех прочих случаях несовместимость семантических признаков irrelevantна для элизионных сочетаний, поскольку они (признаки) относятся к описанию разных вещей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Естественные языки располагают чрезвычайно емкими и гибкими системами лексических значений, закрепленными в коллективной памяти носителей языка. Эти системы своеобразны в каждом языке, так как в каждом языке в значительной мере своеобразны распределение и комбинирование понятий при их выражении языковыми средствами. Лексические значения не представляют собой концептуальных единиц особого рода, отличных от понятий и представлений. Своеобразие лексико-семантических систем в разных языках — это не столько своеобразие в том, что выражается, сколько в том, как и чем выражается. Понятия и представления составляют содержание лексических значений. Что же касается самих понятий и представлений, то их структура и системные отношения складываются прежде всего как отражение структуры человеческой деятельности и системных связей действительности.

С учетом этого нельзя все же недооценивать своеобразие систем выражения в каждом языке. Напротив, овладение языком предполагает усвоение сложной системы соотношений между единицами мысли и единицами языкового их выражения, практическое усвоение структур полисемии, осознание семантических тождеств и различий, соотношений и группировок, умение производить семантические преобразования, межуровневые переключения, перефразирование и т. д. При изучении иностранного языка овладение его своеобразной семантической системой осложняется неизбежной интерференцией родного языка, который стремится навязать собственную модель соотношений между содержанием мысли и ее выражением.

Как было показано, система лексических средств номинации в языке имеет двухуровневое строение — уровень прямых значений слов и уровень переносных значений, образуемых от первичных по определенным моделям семантической деривации. Иными словами, дополнительно к обширному фонду слов в их прямых лексических значениях в распоряжении говорящих имеются продуктивные модели импликационного (метонимического), гипер-гипонимического, (родо-видового) и симилиативного (метафорического) варьирования семантики слов. Результаты этого варьирования нередко приобретают узуальный характер, т. е. закрепляются в словаре и памяти говорящих как готовые значения наряду с прямым значением слова. В других случаях, особенно часто в поэтической речи, они носят окказиональный характер, т. е. существуют только в данном словоупотреблении, контексте, индивидуальной речи.

Но помимо реализованных переносных значений, узуальных и окказиональных, можно еще говорить о множестве потенциальных переносных значений слова, могущих быть реализованными по моделям семантического варьирования слова в метонимическом и метафорическом полях при определенной контекстуальной поддержке. Это объясняет принципиальную особенность семантики слова в естественных языках — его семантическую лабильность, широкую вариативность, подвижность. Благодаря этому качеству слова естественные языки в состоянии успешно, экономно и мотивированно решать бесконечно разнообразные задачи выражения, которые непрестанно ставят перед ними мысль, чувство и воля человека.

На уровне прямых первичных значений слов естественный язык —

достаточно жесткая семантическая система с устойчивой связью между словом и определенным содержанием, слово при этом достаточно терминологично, значение достаточно четко очерчено и независимо от контекста. Напротив, на уровне переносных значений семантика слова довольно размыта, расплывчата и уточняется из логических связей контекста. Соотношения слов и значений при этом образуют нечеткие множества, и естественный язык на этом уровне должен быть отнесен к так называемым мягким семантическим системам, в которых знак связан с неопределенным множеством смыслов. Но в целом сочетание в единой системе двух методов номинации — жесткого и мягкого — обеспечивает естественному языку не только неограниченные возможности экономного выражения мысли, но и обеспечивает его главное качество — способность служить первичной основой обобщающего абстрагирующего эвристического мышления человека.

Лексические значения представляют собой структуры, образуемые зависимостями семантических признаков, или сем, составляющих их содержание. Как было показано, в этих структурах выявляются две основные части — интенционал и импликационал. Первый — закрытая жесткая структура конечного перечня признаков, второй — открытая вероятностная структура признаков, имплицитных признаков интенционала в силу того общего принципа, что одни признаки предполагают с необходимостью или вероятностью другие. Тем самым в структуре лексического значения диалектически сочетаются детерминистский и вероятностный принципы организации знания. Это сближает проблему лексического значения с одной из фундаментальных проблем современной науки — теорией распознавания (узнавания) образов. Иными словами, содержание и структура лексических значений формируется в своей основе тем же способом, каким люди отождествляют, различают и систематизируют вещи и явления действительности.

В свою очередь, в структуре интенционала выделяются родовая часть, или гиперсема, и видовая часть, или гипосема.

Их выявление обусловлено местом данного понятия в гипер-гипонимической (родо-видовой) иерархии. Структура иерархии при этом проецируется на структуру лексического значения. Импликационал значения имеет вероятностную структуру: в зависимости от вероятности, с которой можно ожидать те или иные признаки при данном интенционале, в импликационале значения различаются признаки сильной, слабой и отрицательной импликации.

При семантических сдвигах исходное и производное значения имеют общую семантическую часть. Типы семантической деривации различаются тем, какое место эта общая семантическая часть занимает в структурах исходного и производного значений. Так, в случае метонимии общая семантическая часть двух значений составляет интенционал исходного значения и становится гипосемой производного значения. При родо-видовом варьировании общая часть равна интенционалу одного из значений, а в другом является его гиперсемой. Наконец, при метафорическом переносе общий семантический компонент извлекается из импликационала исходного значения и становится гипосемой метафорического значения.

При объединении слов в подчинительные словосочетания происходит комбинирование лексических значений слов по определенным правилам. В основе нормативной комбинаторики лексических значений лежит знание совместимости признаков, складывающееся в опыте

и деятельности людей. При этом существенным оказывается различие экспликационных и элизионных словосочетаний. В первых денотаты слов сочетаются как вещь и признак, а соответствующие им слова — как экспликандум (имя вещи) и экспликant (имя признака). Экспликant соотносится с определенной частью структуры лексического значения экспликандума — с его интенционалом, сильным, слабым или отрицательным импликационалом. В экспликационных сочетаниях обнаруживается действие двух комбинаторно-семантических правил: конъюнкции тождественных и дизъюнкции несовместимых семантических признаков.

Суть этих правил проста. Если семантика экспликанта дублирует признаки, содержащиеся в значении экспликандума, то это ничего не добавляет к описанию денотата сочетания и происходит амальгамация таких признаков в совокупном значении сочетания (правило конъюнкции). Напротив, если имена вещи и ее признака содержат несовместимые семы, которые нельзя одновременно приписать денотату сочетания, то одна из несовместимых сем должна быть погашена, а соответствующее имя переосмыслено (правило дизъюнкции). Конъюнкция сем имеет место тогда, когда значение экспликанта лежит в области интенционала или сильного импликационала экспликандума, а дизъюнкция — когда экспликant относится к отрицательному импликационалу экспликандума.

Иное дело элизионные сочетания. В этом случае имена называют не вещь и ее признак, а две вещи, связанные некоторым отношением. Поэтому каждое имя описывает свой денотат и для конъюнкции или дизъюнкции признаков нет места, кроме некоторых особых случаев.

Совместимость признаков, амальгамация (конъюнкция) тождественных и погашение (дизъюнкция) несовместимых признаков составляют непреложную логико-семантическую основу комбинаторики лексических значений. Нарушение этих правил невозможно без того, чтобы сочетание не лишилось смысла. При порождении и осмыслении речи комбинаторно-семантические правила выступают как фильтры, отсеивающие избыточные и некорректные выражения. Если же фильтры пропускают такие выражения, то это сигнализирует, что с ними связывают какое-то иное содержание, чем в норме, или же они нагружены какими-то иными функциями, помимо семантических. Естественный язык, в особенности в его поэтической разновидности, широко использует эффект мнимого нарушения правил комбинаторики лексических значений как способ передачи мысли, не находящей адекватного выражения в привычном узусе речи.

Таковы основания комбинаторной семасиологии, ее отправные понятия и главные закономерности, управляющие комбинаторикой лексических значений слов, их взаимодействием в сочетаниях. Основываясь на них, в дальнейшем предстоит установить и исследовать более тонкие частные правила семантической синтагматики, которые до сих пор существуют лишь в их практическом проявлении как факты речи, но не выявлены и не осмыслены теоретически.

Занимая промежуточное положение между лексической и синтаксической семантикой, комбинаторная семасиология опирается на теорию структуры лексического значения, с одной стороны, и теорию семантической структуры предложения и словосочетания, с другой, соединяя обе эти стороны в единой теории комбинаторики и синтагматического взаимодействия значений. Вместе с тем, как можно было видеть, комби-

наторная семасиология побуждает к дальнейшей специальной разработке обеих своих теоретических основ, требуя более развитых представлений о структуре значений слов и синтаксических единиц. Очевидны, таким образом, импульсы к развитию комбинаторной семантики вовнутрь и вовне.

В первом случае речь идет об установлении уже упомянутых более тонких частных правил комбинаторики значений, выявлении объемов и условий их действия и связанных с ними содержательных эффектов. Для этого необходимо охватить исследованиями разнообразие разряды лексических и синтаксических структур, включая фразеологизмы. Можно, в частности, отметить, что к настоящему времени уже имеются интересные наблюдения о комбинаторно-семантической мотивированности компонентов устойчивых фразеологизмов. Перспективным представляется детальный анализ в рамках отдельных разрядов экспликационных и элизионных словосочетаний. Все это может служить предметом исследовательской работы, в том числе студенческой.

С другой стороны, углубление в комбинаторно-семантический анализ сочетаний и синтаксических структур разных типов требует дальнейшей разработки вопросов теории лексического значения и в первую очередь представлений о структуре лексического значения, типологии лексических значений и их структур и типологии сем. Оно также связано с дальнейшей разработкой и существенным уточнением ряда понятий грамматической теории. Анализ семантико-синтаксических предпосылок, на которых строятся изложенные выше основы комбинаторики лексических значений, приводит, в частности, к двум важным заключениям. Первое из них касается определения прилагательных как части речи, второе — природы атрибутивных (определятельных) и комплетивных (дополнительных) синтаксических связей.

При всех расхождениях в определении прилагательных как части речи обычно сходятся в том, что прилагательные обозначают признаки. Обозначение признака считается общей семантической чертой, объединяющей слова этой части речи. Но это не совсем так, и этот критерий прилагательных нуждается в существенном уточнении. Разграничение экспликационных и элизионных словосочетаний, достаточно очевидное и существенное в комбинаторно-семантическом плане, наталкивает на вывод, что отнюдь не всегда и не всякие прилагательные обозначают признак в собственном смысле термина. Как помнит читатель, подчинительное словосочетание может объединять имя вещи и имя ее признака, и это экспликационное сочетание. Оно может также объединять имена двух вещей, связанных некоторым отношением, отдельно не поименованным, и это — элизионное сочетание.

Проблема состоит в том, что многие относительные (и все притягательные) прилагательные в сочетании с существительным (ср. *natural science*, *nocturnal birds* и *дорожное происшествие*, *материнское поле*) называют отнюдь не признак денотата, обозначенного существительным, а другой предмет (или лицо), некое отношение к которому, отдельно в сочетании не поименованное, составляет признак первого денотата. В самом деле, *natural science* — это наука, исследующая природу, *nocturnal birds* — птицы, бодрствующие ночью, *дорожное происшествие* — происшествие, случившееся на дороге, *материнское поле* — поле, как-то связанное с матерью.

Поскольку все же нет сомнений в том, что рассматриваемые слова — прилагательные, становится очевидным, что то общее, что есть в со-

держании всякого прилагательного, т. е. их общее категориальное значение, строго говоря, есть указание не признака, а признаковой функции. Верно, что многие прилагательные обозначают признаки, ср. качественные прилагательные, но неверно, что все прилагательные называют признаками.

Общее в значении всех прилагательных — предуготованная синтаксическая специализация в признаковой функции. Быть прилагательным означает указывать собственной формой признаковую функцию языковой единицы в синтаксических структурах. Прилагательное сигнализирует своей формой, что его денотат поставлен в признаковое отношение к некоей вещи. Если этот денотат — признак, то прилагательное непосредственно и называет признак вещи. Если же денотат прилагательного — сама вещь, то прилагательное сигнализирует признаковую функцию: эта вещь есть «аргументный конец» некоего неназванного отношения, составляющего признак того денотата, который обозначен существительным.

В традиционном синтаксисе известно немало случаев, когда не удается убедительно определить член предложения и отличить, например, определение от дополнения, — оба решения выглядят допустимыми, ср. *solar energy, public protest, reference book* || *лунное затмение, пионерский сбор, бюро справок*. Это затруднение возникает от того, что в традиционно-грамматических представлениях о типах синтаксических связей — атрибутивной (определяющей), комплетивной (дополнительной) и т. д. — смешиваются без должного разграничения синтаксические отношения трех разных уровней: конструктивного (формального), референционного (денотативного) и коммуникативного. Это и объясняет возможность взаимоисключающих результатов синтаксического анализа. Атрибутивную и комплетивную связи можно разграничить более надежным образом, если привлечь понятие экспликации и учитывать соотношение двух векторов в подчинительном словосочетании — вектора экспликации и вектора подчинения.

Атрибутивная и комплетивная связи имеют смысл применительно к экспликационным словосочетаниям. Как уже говорилось, в экспликационном сочетании подчинительной связью объединяются имя вещи (экспликандум) и имя ее признака (экпликант). Отношение экспликации относится к денотативному (референционному, глубинному) уровню синтаксиса. Вектор экспликации направлен от экспликанта к экспликандуму и не меняется при трансформировании словосочетания.

Отношение подчинения принадлежит конструктивному (формальному, поверхностному) уровню синтаксиса. Им различаются главное и зависимое слова в словосочетании. Главное слово осуществляет внешние синтаксические связи словосочетания, то есть на него замыкаются синтаксические связи словосочетания за его пределами. Напротив, зависимое слово осуществляет внешние (за пределами словосочетания) синтаксические связи только через свое главное слово. Вектор подчинения направлен от зависимого слова к главному и меняется при трансформациях словосочетания, так как при этом главное и зависимое слова могут меняться местами, ср. *the bright light — the brightness of the light, break the glass — the broken glass* || *яркий свет — яркость света, разбить стекло — разбитое стекло*.

Экпликационное отношение конкретно принимает вид атрибутивного или комплетивного словосочетания. Атрибутивная связь имеет место в том случае, когда два вектора — вектор экспликации и вектор

подчинения — совпадают по направлению, ср. *bright light, broken glass* || *яркий свет, разбитое стекло*. Комплетивная связь наблюдается тогда, когда векторы экспликации и подчинения не совпадают по направлению, ср. *the brightness of the light, break the glass, public protest* || *яркость света, разбить стекло, народное признание*.

При атрибутивной связи экспликандум совпадает с главным словом, а экспликант — с зависимым признаковым словом, и вектор семантико-синтаксической зависимости имен (вектор экспликации) одноподчинен с вектором формально-синтаксической зависимости (вектором подчинения). При комплетивной связи два вектора направлены противоположно, так как зависимое слово оказывается именем вещи (экспликандумом), а главное слово — именем признака этой вещи (экпликантом). В конечном счете различие атрибутивной и комплетивной связей сводится к диатезе экспликации и подчинения. Если в экспликационном подчинительном сочетании главное слово — экспликандум, то это атрибутивное сочетание. Если же главное слово по семантико-синтаксической характеристике — экспликант, то связь комплетивна.

Такое решение проблемы относит атрибутивность и комплетивность к механизмам перехода между глубинным и поверхностным уровнями синтаксиса. При этом единицы двух уровней не просто ставятся в соответствие одни с другими, но и выявляются механизмы переключения семантико-синтаксического и конструктивно-синтаксического уровней. Атрибутивная и комплетивная связи оказываются межуровневыми синтаксическими связями, посредством которых совершается предметно-понятийная (мыслительная, когнитивная) семантизация структур поверхностного синтаксиса при осмыслении речи и, наоборот, воплощение мыслительных структур ситуаций в структуры поверхностного синтаксиса при производстве речи.

Это решение позволяет однозначно квалифицировать тип связи как атрибутивный или комплетивный во многих случаях, которые ранее могли получать взаимоисключающие толкования. Например, в сочетаниях *the light of the moon, the eclipse of the sun, the creaking of the doors, the rumble of the thunder, the whiteness of the snow, sun-light, toothache* || *свет луны, затмение солнца, скрип дверей, раскаты грома, белизна снега, солнечный свет, зубная боль* и т. п. традиционный синтаксис позволяет усматривать как комплетивную, так и атрибутивную связь — явно по причине смешения конструктивно-синтаксических и формально-синтаксических зависимостей. Между тем во всех подобных случаях связь комплетивна, так как главное слово — имя признака (экпликант).

Как видим, комбинаторная семасиология не только открывает и описывает новую интересную область семантики — область синтагматики значений и их взаимодействия в синтаксических структурах, но также устанавливает и проясняет важные семантические закономерности устройства языка, но и существенно продвигает разработку сопряженных с ней областей лингвистической теории.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

гипероним — слово или словосочетание с родовым, более обобщенным значением по отношению к словам или словосочетаниям видового, менее обобщенного значения; также родовое понятие в отношении к понятиям видовым. Например, «писатель и романист», «хвойное дерево и сосна», «гриб и белый гриб», «цветной и коричневый», «портиться и гнить».

гиперсема — родовая часть интенционала значения, содержательно равна ближайшему гиперониму данного слова. Например, понятие родителя составляет гиперсему значения слов «мать» и «отец». В этом же смысле используют термин «архисема».

гиперсемантизация — окказиональное насыщение языковых форм дополнительным значением сверх положенного им в узусе, индуцируется контекстом и ситуацией речи и связано с расширением норм номинации и сочетаемости; особенно свойственно поэтическому языку.

гипоним — слово или словосочетание, а также выражаемое ими понятие видового, более специального значения по отношению к слову, словосочетанию, а также понятию родового, более обобщенного смысла (гиперониму).

гипосема — видовая, дифференциальная часть интенционала значения в отличие от родовой его части — гиперсемы. Например, признак женского пола в значении слова «мать», мужского пола — в слове «отец». В этом же смысле говорят о дифференциальных семмах.

денотат — то, что обозначается знаком, его внеязыковой коррелят. Денотаты могут быть вещами и признаками (свойствами и отношениями), реально существующими и мнимыми, референционно определенными и неопределенными, на уровне единичного и на уровне класса.

дизъюнкция как комбинаторно-семантическое правило — погашение одного из несовместимых семантических признаков в совокупном значении синтаксических единиц.

значение — концепт, актуализируемый в сознании как информационная функция другого, актуализирующего его концепта.

значение грамматическое — значение фиксаторов, т. е. значимых единиц языка, неспособных к самостоятельной номинации связанных с ними концептов.

значение словообразовательное — значение словообразовательных фиксаторов, т. е. показателей таких грамматических значений, выражение которых в данном лексико-грамматическом разряде слов не обязательно. Например, *-щик* в «обманщик» — словообразовательный фиксатор, так как 1) несет идею деятеля, но сам по себе не способен ее номинировать, 2) выражение этой идеи не обязательно для слов этого лексико-грамматического разряда, ср. «плут».

значение формообразовательное — значение формообразовательных фиксаторов, т. е. показателей таких грамматических значений, выражение которых в данном лексико-грамматическом разряде слов обязательно. Например, значение грамматического числа существительных и т. д.

значение денотативное — значение имен единичного, концепт единичного (представление) как содержательные имени. Это вид когнитивного значения имен, прежде всего существительных — имен собственных и нарицательных, а также их местоименных заместителей, который присущ им при обозначении денотатов на уровне единичного.

значение импликационное — значение, предполагающее импликационную связь двух концептов (представлений или понятий). Концепт S_2 является значением концепта S_1 в силу того, что S_1 имплицирует S_2 . Импликационные значения основаны в конечном счете на знании причинно-следственных, временных, пространственных и иных линейных связей вещей, свойств, отношений, т. е. на отражении реальных связей действительности.

значение когнитивное — передаваемая знаками и извлекаемая из знаков информация об их денотатах.

значение лексическое — общая неизменная часть (инвариант) в значении форм обязательного грамматического варьирования слова, номинируется одной из этих форм, способной нейтрализовать присущие слову обязательные грамматические противопоставления.

значение номинативное — значение номинаторов, т. е. языковых единиц, спо-

собных самостоятельно актуализировать в сознании связанных с ними концепт. **значение прагматическое** — передаваемая знаками и извлекаемая из знаков информация о субъективно-оценочном, эмоциональном отношении говорящих к денотатам знаков, дополнительно к когнитивному значению знаков.

значение семно-импликационное — импликационное значение, извлекаемое из всех компонентов знакового акта сверх его кодифицированного семиотического значения.

импликационал — совокупность сем, индуцируемых интенционалом значения в силу импликационных связей признаков, импликационал образует периферию значения вокруг его интенционального ядра и упорядочен (организован в структуру) благодаря вероятностному весу и причинно-следственным и иным линейным зависимостям признаков.

импликационал жесткий — совокупность сем, прямо не представленных в интенционале значения, но связанных с ним жесткой (обязательной) импликацией.

импликационал сильновероятностный — совокупность сем, имплицуемых с большой вероятностью при данном интенционале, вместе с жестким импликационалом составляет сильный импликационал значения, наиболее тесно примыкающий к его интенциональному ядру.

импликационал отрицательный (негемпликационал) — совокупность семантических признаков (сем), не совместимых с данным интенционалом; отрицательный информационный фон лексического значения.

импликационные связи значений — связи значений, основанные на отношениях импликации между ними.

импликация — тип концептуальных связей, основанный на отражении в сознании реальных линейных связей, зависимостей, взаимодействий; мыслительный аналог связей действительности.

импликация конверсивная — зависимость понятий, относящихся к описанию аргументов несимметрического отношения по этому отношению.

имя — любое полнозначное (знаменательное, лексическое) слово.

имена конверсивные — имена классов и признаков, связанных конверсивной импликацией.

интенционал лексического значения — совокупность и структура обязательных семантических признаков, связывающихся с данным лексическим значением; понятие в дедуктивно-логическом аспекте.

классификация — тип концептуальных связей, основанный на отражении сознанием распределений признаков в сущностях объективного мира; мыслительный аналог распределения признаков в сущностях объективного мира; систематизация концептов и отражаемых ими сущностей по их признакам.

классификационные связи значений — связи значений, основанные на отношениях классификации между ними.

контракция — семантико-синтаксическая фигура речи, состоящая в том, что в цепочке трех последовательно подчиненных имен среднее имя умалчивается, а определение к нему переподчиняется его главному слову, в результате главное слово присваивает предикаты пропущенного имени, возникают сочетания не совместимых в норме имен, имеет место компрессия и гиперсемантизация выражения.

конъюнкция как комбинаторно-семантическое правило — амальгамация избыточно выраженных семантических признаков в совокупном значении синтаксических единиц.

негемпликационал — *импликационал отрицательный*, см.

номинация — реализация, проявление свойственной языковым единицам определенного уровня способности актуализировать в сознании связанное с ними значение.

переподчинение — семантико-синтаксическая фигура речи, состоящая в том, что в цепочке последовательно подчиненных имен определение к среднему имени переподчиняется главному слову этого последнего, в результате главное слово присваивает предикаты среднего имени и возникают сочетания не совместимых в норме имен, ср. *контракция*.

порядок семантического признака — экстенциональные различия в значении интенционально тождественных, контрадикторных или контрарных имен, обус-

ловленные их отнесенностью к разным уровням (порядкам) иерархического членения предметной области на одном и том же основании, обнаруживаются в определительных (точнее, экспликационных) сочетаниях таких имен, ср. «начало начала, начало конца, начало середины, середина середины» и т. п.

признак семантический — понятие о каком-либо признаке как значении или компоненте значения знака.

сема — компонент значения, не имеющий собственного показателя в структуре данного знака и выявляемый реляционно из сравнения со значениями других соотносимых с ним знаков или же имеющий собственный показатель в структуре данного знака, но показатель уровня неноминативных значимых единиц (морфемы, чередования звуков, порядок слов, тоны и т. п.); передаваемые словесными знаками понятия имеют тем самым либо статус значений, если они выражены номинативными единицами, либо статус сем, если они выражены неноминативными единицами или чисто реляционно.

словозначение — одно из значений многозначного слова, лексико-семантический вариант слова с его содержательной стороны.

статус словозначения — характеристика лексико-семантического варианта слова по реальным возможностям его функционирования в речи, связана с ограничениями, которые могут быть наложены на употребление слова в том или ином свойственном ему значении.

структура слова семантическая — совокупность свойственных многозначному слову узуальных значений, упорядоченных отношениями семантической деривации.

эквоним — понятие и выражающее его слово по отношению к другим понятиям и словам того же уровня обобщения в иерархической системе, ср. *гипероним* и *гипоним*. Например, в системе понятий «мать, отец, родитель» слово «мать» — эквоним по отношению к слову «отец» и гипоним по отношению к слову «родитель», а слово «родитель» — гипероним по отношению к «мать» и «отец».

эквонимия — отношение, связывающее понятия и слова-эквонимы.

экспликандум — то из двух слов в подчинительном экспликационном словосочетании, которое является именем вещи, например, в словосочетаниях «белый снег, снег бел, белизна снега» экспликандумом является слово «снег (снега)».

экспликанд — то из двух слов в подчинительном экспликационном словосочетании, которое является именем признака, например, в словосочетаниях «белый снег, снег бел, белизна снега» экспликандом являются слова «белый, бел, белизна».

экспликация — отношение между именем вещи и именем признака этой вещи.

экспликационное словосочетание — подчинительное сочетание двух слов, из которых одно является именем вещи, а другое — именем признака этой вещи, например «белый снег, снег бел, белизна снега».

экстенционал — объем понятия, «отображенное в нашем сознании множество (класс) предметов, каждый из которых имеет признаки, зафиксированные в исследуемом понятии» (Н. И. Кондаков. Логический словарь-справочник. М., 1975).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.
- Апресян Ю. Д.* (1) Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1963, М., 1963; (2) Об одном правиле сложности лексических значений. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971, М., 1972; (3) Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Арнольд И. В.* (1) Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного). Л., 1966; (2) Стилистика современного английского языка. (Стилистика декодирования). 2-е изд., перераб. Л., 1981.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Аспекты семантических исследований./Отв. ред. Арутюнова Н. Д., Уфимцева А. А. М., 1980.
- Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Блумфилд Л.* Язык/Пер. с англ. М., 1968.
- Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Будагова Р. А.* (1) Слово и его значение. Л., 1947; (2) Сравнительно-семасиологические исследования. М., 1963; (3) Категория значения в разных направлениях современного языкознания. — ВЯ, 1974, № 4.
- Вейнрейх У.* О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V, М., 1970.
- Вилломан В. Г.* Английская синонимика. М., 1980.
- Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений. — В кн.: В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Гак В. Г.* (1) Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — В кн.: Семантическая структура слова, М., 1971; (2) К проблеме семантической синтагматики. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971, М., 1972.
- Горский Д. П.* Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961.
- Ельмслев Л.* Можно ли считать, что значения слов образуют структуру. — В кн.: Новое в лингвистике, М., 1962, вып. II.
- Звегинцев В. А.* Семасиология. М., 1957.
- Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
- Кацнельсон С. Д.* (1) Содержание слова, значение и обозначение. М. — Л., 1965; (2) Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Клаус Г.* Сила слова/Пер. с нем. М., 1967.
- Колшанский Г. В.* Контекстная семантика. М., 1980.
- Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Копыленко М. М., Попова З. Д.* Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978.
- Кубрякова Е. С.* (1) Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978; (2) Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
- Кузнецов А. М.* Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.
- Кузнецова А. И.* Понятие семантической системы языка и методы ее описания. М., 1963.
- Медникова Э. М.* Значение слова и методы его описания. М., 1974.
- Никитин М. В.* (1) Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974; (2) О предмете и понятиях комбинаторной семантики (взаимодействие лексических значений в словосочетаниях). — В кн.: Вопросы лексической и грамматической семасиологии. Владимир, 1974; (3) О семантике метафоры. — ВЯ, 1979, № 1.
- Новое в лингвистике. М., 1960 (вып. I), 1962 (вып. II), 1970 (вып. V).
- Основы компонентного анализа/Под ред. Медниковой Э. М. М., 1969.
- О точных методах исследования языка (О так называемой «математической лингвистике»)/Под ред. Ахмановой О. С. М., 1961.
- Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967.
- Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.

Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971.

Скрёбнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

Степанов Ю. С. (1) Основы общего языкознания. М., 1975; (2) Имена, предикаты, предложения. М., 1981.

Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Уфимцева А. А. (1) Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968;

(2) Типы словесных знаков. М., 1974.

Чейф У. Л. Значение и структура языка/Пер. с англ. М., 1975.

Шафф А. Введение в семантику. М., 1963.

Шмелев Д. Н. (1) Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964; (2) Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

Языковая номинация. Общие вопросы./Отв. ред. Серебренников Б. А., Уфимцева А. А. М., 1977.

Языковая номинация. Виды наименований./Отв. ред. Серебренников Б. А., Уфимцева А. А. М., 1977.

Classics in semantics/Ed. by D. E. Hayden and E. P. Alworth. N. Y., 1965.

Lyons, J. Semantics. Cambridge University Press, 1977, v. 1 (reprinted 1978, 1979).

Nida, E. A. Componential analysis of meaning. An introduction to semantic structures. The Hague - Paris, 1975.

Palmer, F. H. Semantics. A new outline. Cambridge University Press, 1976 (reprinted 1977).

Ullmann, St. (1) Semantics. An introduction into the science of meaning. Oxford, 1963; (2) Language and style. Oxford, 1964.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. An anthology of English and American verse. M., 1972.
2. Anthology of modern poetry / Ed. by J. Wain. L., 1963.
3. The Atlantic book of British and American poetry / Ed. by Edith Sitwell. Boston - Toronto, 1958.
4. The beginnings of modern poetry: An anthology / Compiled by H. W. Piper and others. Melbourne, Oxford Univ. Press, 1967.
5. A book of English poetry. Chaucer to Rossetti: An anthology / Collected by G. B. Harrison. Harmondworth (Mx). Penguin books, 1968.
6. Introduction to imaginative literature: An anthology / Ed. by Grebanier, B. D. N., and Seymour Reiter. N. Y., 1960.
7. The lilting house: An anthology of Anglo-Welsh poetry, 1917-67 / Ed. by J. S. Williams and M. Stephens with an introduction by R. Garlick. L., 1969.
8. The new modern poetry: An anthology of American and British poetry since World War II / Ed. by M. L. Rosenthal. Oxford Univ. Press, N. Y., 1969.
9. The Norton anthology of poetry / Ed. by A. M. Eastman (coordinating ed) N. Y., 1970.
10. Path to Parnassus: Anthology for schools / Ed. by Maurice Furnley. Melbourne Univ. Press, 1956.
11. Patterns in poetry / Ed. by L. J. Blake. Sydney, 1967 (reprint).
12. Poems in English / Ed. by D. Daiches. N. Y., 1950.
13. Poems of our moment: Contemporary poets of the English language / Ed. by J. Hollander. N. Y., 1968.
14. Poetry festival: From William Shakespeare to Robert Frost / Ed. by J. Bettenbender. N. Y., 1966.
15. Poetry of the seventies: An anthology of contemporary verse. L., 1970.
16. Seven centuries of poetry: Chaucer to Dylan Thomas / Ed. by Al. N. Jefferes. L., 1955.
17. Today's poets: American and British poetry since the 1930's: An anthology / Ed. by Chad Walsh. N. Y., 1964.
18. 12 poets: A. Collection / Ed. by Glenn Leggett. N. Y., 1958.
19. War poetry: An anthology / Ed. by D. L. Jones. Oxford, 1968.
20. The writing on the wall: 108 American poems of protest: An anthology / Ed. by W. Lowenfels. N. Y., 1969.
21. Selected stories by G. K. Chesterton. M., 1971.
22. Selected poems by W. H. Auden. Faber Editions. L., 1968.
23. Антология русской советской поэзии. Т. I, М., 1957.
24. Антология русской советской поэзии. Т. II, М., 1957.
25. Вознесенский А. Треугольная груша. М., 1962.
26. Песнь любви: Лирика русских поэтов. М., 1967.
27. Путешествие в страну поэзии. Кн. 1. Л., 1972.
28. Путешествие в страну поэзии. Кн. 2. Л., 1972.
29. «Юность», журнал.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Сокращения

ГЗ — грамматическое значение	РФ — репрезентативная функция
ДЗ — денотативное значение	СЗ — сигнификативное значение
ДФ — дефинитивная функция	СИ — собственное имя
ЛЗ — лексическое значение	СинЗ — синтаксическое значение
НЗ — номинативное значение	SP — говорящий
НИ — нарицательное имя	SR — слушающий

Условные обозначения

C, c — концепт	→	1) вектор экспликации
D — вещь		2) вектор подчинения
D _{нт} — денотат		3) «равнозначно преобразуется в»
K — класс	=	«равнозначно»
L — язык	>	«принимает вид, преобразуется в»
m — (слово)значение	/	«или, также»
N — имя	#	знак аналогии
P, p — признак	*	знак ненормативности
P ₊ , P ₋ — парные связанные конверсивные признаки	+	знак связи, объединения
R, r — признак-отношение	⇨	символ импликационной связи
vs — символ противопоставления	⇨	сильная импликация
	⊕	символ сравнения

Примечание. Сокращения и условные обозначения, за исключением общепринятых, разъясняются в тексте. Значение полисемичного символа всякий раз оговаривается в тексте.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Глава I. Структура лексического значения слова	6
Структура языка и лингвистическая типология значений	6
Структура лексического значения	23
Семантическая структура слова	35
Глава II. Комбинаторика лексических значений слов в словосочетаниях	62
Вводные замечания	62
Экспликационные и элизионные словосочетания	63
Семантическая комбинаторика экспликационных словосочетаний	69
Семантическая комбинаторика элизионных сочетаний	106
Заключение	114
Словарь специальных терминов	120
Библиографический список	123
Список источников иллюстративного материала	125
Список сокращений и условных обозначений	126

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ НИКИТИН
ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА
(структура и комбинаторика)

Редакторы Э. И. Родичева, И. С. Маненок
Издательский редактор И. А. Краснова
Художник В. И. Казакова
Художественный редактор В. И. Пономаренко
Технический редактор Т. А. Новикова
Корректоры З. Ф. Юрескул, Е. Г. Назарова

ИБ № 3120

Изд. № А-710. Сдано в набор 22.10.82. Подп. в печать 05.05.83.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. тип. № 2. Гарнитура Таймс. Печать
высокая. Объем 8 усл. печ. л. 8,25 усл. кр.-отт. 10,52 уч.-изд. л.
Тираж 10 000 экз. Зак. № 1528. Цена 35 к.

Издательство «Высшая школа», Москва, К 51, Неглинная ул.,
д. 29 / 14.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.